

НОВГОРОДСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО

В. М. Шевченко, Ю. А. Шаранов

**ПСИХОЛОГИЯ СКРЫТОГО УПРАВЛЕНИЯ
В ХОДЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ
КРИМИНАЛЬНОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ**

**Великий Новгород
2024**

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НОВГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО»

В. М. Шевченко, Ю. А. Шаранов

**ПСИХОЛОГИЯ СКРЫТОГО УПРАВЛЕНИЯ
В ХОДЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ
КРИМИНАЛЬНОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ**

Монография

Великий Новгород
2024

УДК 343:343.95:343.985.7
ББК 67.511+67.523.11+88.573
ШЗ7

Печатается по решению
РИС НовГУ

Рецензенты:

доктор психологических наук, профессор **В. Л. Ситников**
(Санкт-Петербургский университет МВД РФ, г. Санкт-Петербург)

кандидат юридических наук, доцент **О. Е. Калпинская**
(Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого,
г. Великий Новгород)

Шевченко В. М., Шаранов Ю. А.

ШЗ7 Психология скрытого управления в ходе преодоления
криминального противодействия: монография / В. М. Шевченко,
Ю. А. Шаранов; Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. –
Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2024. – 160 с.
ISBN 978-5-89896-909-7
DOI: 10.34680/978-5-89896-909-7/2024.psychology

В монографии исследуются психологические аспекты скрытого управления поведением субъектов криминального противодействия. Авторами рассматриваются психологические особенности и механизмы скрытого управления, дается типологическая характеристика личности субъекта противодействия, а также исследуются разнообразные тактические приемы и средства преодоления криминального противодействия расследованию преступлений. Работа адресована преподавателям, студентам юридических вузов, а также работникам правоохранительных органов.

УДК 343:343.95:343.985.7
ББК 67.511+67.523.11+88.573

ISBN 978-5-89896-909-7

© Новгородский государственный
университет им. Ярослава Мудрого,
2024
© В. М. Шевченко, Ю. А. Шаранов, 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава 1. Психологическое обеспечение скрытого управления в ходе преодоления криминального противодействия	14
1.1. Психолого-тактические особенности следственной деятельности в условиях противодействия расследованию	14
1.2. Скрытое управление субъектом противодействия как проблема юридической психологии	28
1.3. Психологические механизмы скрытого управления субъектом противодействия расследованию	36
Выводы по первой главе	43
Глава 2. Основные концепты психолого-юридической теории скрытого управления субъектом противодействия	45
2.1. Психологический баланс безопасности субъекта в контексте преодоления противодействия расследованию	45
2.2. Техники и приемы преодоления конфликтного взаимодействия между следователем и подозреваемым (субъектом противодействия) на предварительном следствии	54
2.3. Рефлексия как процесс мысленного проектирования диалога с допрашиваемым в конфликтных ситуациях допроса	61
2.4. Психологические защитные механизмы поведения преступника в процессе оказания противодействия расследованию	68
Выводы по второй главе	78
Глава 3. Зависимость способов скрытого управления от предмета доказывания и типологии личности подследственного	79
3.1. Предмет доказывания как способ конструирования единого континуума расследования. Технология криминального профайлинга в процессе расследования преступления	79
3.2. Криминалистические аспекты противодействия доказыванию в процессе расследования преступления	89
Выводы по третьей главе	97

Глава 4. Психологические методы и способы выявления и преодоления признаков ухищренного криминального противодействия расследованию.....	98
4.1. Психологические признаки манипулятивного воздействия и способы его преодоления в процессе проведения допроса	98
4.2. Психология криминальной инсценировки как способ противодействия установлению истины. Приемы ее выявления и разоблачения.....	111
4.3. Психологические аспекты поведения субъекта ложного алиби и их использование в процессе преодоления противодействия расследованию.....	121
4.4. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности при проведении следственных действий с целью преодоления криминального противодействия расследованию.....	132
Выводы по четвертой главе	147
Заключение	148
Список литературы	151
Сведения об авторах	160
Сведения о рецензентах.....	160

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Современная преступность в Российской Федерации характеризуется значительным ростом групповых преступлений общеуголовной направленности, высоким уровнем организованности и криминальной квалификации.

Следствием данной тенденции выступает процесс заметного расширения форм и методов оказания криминального противодействия расследованию преступлений, дальнейшего совершенствования тактики поведения преступников.

Анализ следственной практики показывает, что лица, совершающие преступления, готовятся заранее к противостоянию органам предварительного следствия, стремятся смоделировать ход будущего расследования, подыскивают наиболее эффективные приемы противодействия. В свою очередь сотрудники правоохранительных органов анализируют и обобщают опыт противодействия расследованию, в том числе обращаются к результатам научных исследований юридических психологов в этой области.

Дело в том, что в последнее время обращает на себя внимание резкое усиление активности участников организованных преступных группировок по оказанию гибридного воздействия на свидетелей, потерпевших, следователей и даже журналистов.

В настоящее время приходится учитывать факт, что гибридное противодействие следствию становится одной из закономерностей преступной деятельности.

Психологическое, физическое и иные виды воздействия членов преступных структур, как правило, направлены на исключение самой возможности возбуждения уголовного дела, а если это не удастся, то воздействие направляется на устранение и нейтрализацию свидетелей, потерпевших и психологически неустойчивых соучастников совершенного преступления.

Практика предварительного расследования испытывает особую потребность в научных рекомендациях по сбору и фиксации доказательств в ситуациях противоборства, когда следственные и оперативные действия приходится проводить в обстановке гибридного противодействия со стороны организованных преступных групп.

Результаты изучения и обобщения практики показывают, что трудности доказывания в первую очередь связаны с характером,

предметом преступления и объемом доказывания. Наряду с признаками общественной опасности у преступного деяния имеются признаки, характеризующие его с точки зрения сложности осуществления уголовного преследования обвиняемого [1, с. 110].

Тактика расследования наиболее распространенных преступлений криминалистически определена и закреплена в соответствующих инструкциях и методических пособиях. Однако в связи с тем, что каждое уголовное дело обладает своими особенностями, законодательством и внутренними документами органов внутренних дел не представляется возможным урегулировать и психологические факторы, оказывающие значительное влияние на осуществление следователем уголовного преследования.

Так, именно процесс познавательной деятельности следователя, связанный с поиском, осмыслением и интерпретацией доказательств в определенных следственных ситуациях, чаще всего подвергается ухищренным атакам со стороны преступников, стремящихся уйти от ответственности за совершенное преступление.

В частности, более 60% опрошенных следователей и оперативных сотрудников отметили, что противодействие преступников становится все более изощренным, а в криминалистике ощущается явный дефицит теоретических разработок по преодолению гибридных способов противодействия.

При этом лица, совершающие преступления, и их окружение не стесняются в выборе средств противодействия, начиная от психологического давления, подкупа, шантажа, кибератак, манипулирования и заканчивая угрозой физического насилия [2, с. 182].

В этой связи и возникает необходимость адекватно оценивать и учитывать психологические, ментальные особенности личности преступников, совершивших ухищренные (скрываемые) преступления, создавшие ложную информацию о преступлении, и разработать меры по нейтрализации противодействия расследованию.

Эффективность способов преодоления противодействия расследованию преступлений определяется наличием у следователя (дознателя) криминалистически значимой информации о факте противодействия и умением ею правильно распорядиться.

Целенаправленное приобретение оперативными и следственными работниками психологических знаний и овладение психотехническими средствами является важным не только в плане профессионально

успешного расследования преступлений, но и для возвышения профессионального потенциала их личности, позволяющего, в частности, противостоять негативным последствиям как профессиональной деформации, так и «эмоционального выгорания» на работе.

Системность и особая изощренность криминального противодействия расследованию является главной причиной ухудшения показателей деятельности правоохранительных органов.

Среди существующих недостатков расследования, например, групповых преступлений можно выделить следующие: несвоевременное возбуждение уголовных дел, неправильная оценка следственной ситуации противодействия, несвоевременное и некачественное проведение отдельных процессуальных действий и мероприятий, отсутствие опыта, навыков профессиональной деятельности должностных лиц, осуществляющих руководство и расследование уголовных дел.

При этом и практики, и ученые отмечают, что в результате криминального противодействия расследованию преступлений нередко возникает полная или частичная утрата значимой информации о лицах, их совершивших.

В рамках уголовного процесса большую роль играет предварительное следствие – деятельность, которая направлена на формирование достаточных доказательств путем производства следственных и иных процессуальных действий. В этом отношении следственная деятельность отличается от оперативно-розыскной, экспертной и деятельности адвоката по оказанию квалифицированной юридической помощи. Следователь должен восстановить полную картину преступления, совершенного в прошлом, «по следам», обнаруженным в настоящем. Бесспорно, в своей деятельности ему постоянно приходится контактировать с различными людьми, представителями государственных органов и общественных объединений. Именно от того, как будет вести себя следователь, какими психологическими средствами и методами он будет оперировать в своей работе, зависит эффективность расследования по конкретному делу в целом.

Одним из важнейших условий преодоления криминального противодействия расследованию является повышение профессионально-психологического уровня, мастерства следователей и оперативных работников, их психологической готовности к применению скрытого управления субъектом противодействия в процессе расследования преступлений в сложных следственных ситуациях.

Скрытое управление – это темпоральная характеристика деятельности следователя, когда необходимо упредить, обогнать в скорости и темпе рефлексии события преступления злоумышленников, когда они еще принимают активные меры по сокрытию следов совершенного деяния, инсценируют обстановку на месте происшествия и фальсифицируют доказательственную информацию, а также используют иные формы противодействия.

Скрытое управление – это не только скорость рефлексии следователя, сколько его профессиональное умение использовать результаты достижений в области искусственного интеллекта для сбора и обработки значительной по объему информации, построения прогнозной модели поведения преступников и опережающего воздействия на их намерения, установки, образы, чувства и смыслы в ходе расследования.

Оценка следователем рисков как часть методологии скрытого управления имеет своей целью проведение качественного и количественного анализа причин и вероятности возникновения негативного поведения отдельных участников, минимизацию негативных последствий возможного воспрепятствования некоторыми из них расследованию и успешному завершению формирования доказательственной базы, достаточной для справедливого разрешения уголовного дела по существу.

Таким образом, актуальность обозначенной темы исследования определяется ее высокой практической значимостью и недостаточной научной разработанностью.

Степень разработанности проблемы. Изучение психологии скрытого управления субъектом противодействия на предварительном следствии характеризуется трансдисциплинарным характером, а значит, предполагает системный подход с использованием психологических, юридических, информационных знаний и технологий.

В настоящее время специальному психолого-юридическому анализу проблема скрытого управления субъектом противодействия расследованию еще не подвергалась. В основном изучались специальные, то есть узкопрофессиональные вопросы, в основном различные стороны и методы манипулирования субъектов предварительного расследования. При этом игнорировалась системная природа скрытого управления, частью которого и выступает манипулирование.

Феномен скрытого управления в свойственных своим наукам подходах развивали следующие психологи, социологи, политологи и

экономисты: О. С. Анисимов, В. Г. Афанасьев, Г. В. Грачев, Е. Л. Доценко, С. Г. Кара-Мурза, Д. Карнеги, В. А. Лефер, В. П. Шейнов, Э. Шостром, А. В. Савченко и другие исследователи. Они, не анализируя скрытого управления в целом, выявили некоторые его свойства и характеристики, а также создали научные инструменты для концептуального анализа этого сложного явления.

С другой стороны, в отечественном правоведении и криминологической науке широко рассматривалась латентность управления в групповых преступлениях. Эту тему изучали: Ю. М. Антонян, В. М. Быков, И. А. Возгрин, Е. П. Дьяченко, М. И. Ковалев, В. П. Лукашевич, В. П. Сальников и др. Их работы, раскрывающие особенности латентной организации преступлений, деятельности преступных групп и преступных сообществ, безусловно, обогатили юридическую науку. Они раскрыли лишь некоторые характеристики латентного (скрытого) управления, не анализируя его интегральных особенностей.

В связи с возрастанием уровня общественной опасности криминального противодействия расследованию различные его аспекты рассматриваются в отдельных кандидатских диссертациях.

Совершенствование тактических методов деятельности правоохранительных органов в условиях криминального противодействия расследованию, повышение качества расследования и доказывания по таким преступлениям, помимо криминалистических, уголовно-правовых и криминологических исследований, зависят и от внедрения в практику психологических рекомендаций.

Основной задачей настоящей монографии является комплексное исследование проблем скрытого управления субъектом в условиях криминального противодействия расследованию, что, по нашему убеждению, обеспечит дальнейшее возрастание объема научных знаний, как в криминалистике, так и в юридической психологии.

Объект исследования – деятельность следственных и оперативных сотрудников по преодолению криминального противодействия предварительному расследованию.

Предмет исследования – исследование психологических механизмов, закономерностей и техник скрытого управления субъектом криминального противодействия расследованию.

Цель исследования – выявить сущность и содержание скрытого управления в деятельности сотрудников правоохранительных органов по

преодолению криминального противодействия расследованию преступлений.

Задачи исследования:

- провести теоретический анализ концепта скрытого управления как системы психологического воздействия следователя в процессе предварительного расследования;
- обосновать системный подход к скрытому управлению в процессе расследования преступлений;
- определить понятие и психологическое содержание скрытого управления субъектом противодействия расследованию;
- исследовать психологические механизмы и способы скрытого управления субъектом криминального противодействия;
- исследовать возможности профайлинга в преодолении противодействия следственным действиям;
- изучить признаки манипулятивного воздействия на субъекта расследования и предложить способы его преодоления;
- исследовать психологию криминальной инсценировки как способа ухищренного противодействия расследованию;
- изучить психологические аспекты ложного алиби в процессе преодоления противодействия расследованию;
- проанализировать результаты оперативно-розыскной деятельности применительно к проведению следственных действий в условиях противодействия расследованию.

Методологическую основу исследования составляют следующие подходы психологической науки: системный, деятельностный, структурно-уровневый, контекстуальный, интерактивный, когнитивный и др.

С позиции системного подхода организация работы следователя по преодолению криминального противодействия представляет собой совокупность совместных, согласованных во времени и пространстве действий со всеми заинтересованными субъектами в процессе раскрытия и расследования групповых преступлений.

Системно-деятельностный подход позволяет понимать скрытое управление как систему деятельностей субъектов расследования в различных контекстах криминального противодействия посредством обращения к сознательным, бессознательным и подсознательным переживаниям, образам, мотивам, смыслам и отношениям подследственных для изменения их поведения в интересах установления юридической истины.

Применяя данный подход к психологии следователя и его взаимодействию с лицами, оказывающими криминальное противодействие следствию, нами были проанализированы различные отношения, которые возникают объективно или создаются преднамеренно субъектом расследования в процессе скрытого управления субъектом противодействия.

Структурно-уровневый подход в данном случае открывает путь к деятельности и личности, ее мотивам и жизненным смыслам, основным ценностям, которые, по сути дела, определяют способы самоактуализации сотрудника следствия и органа дознания.

Изучение психологии преступных групп в процессе преодоления противодействия расследованию скрываемых преступлений требует подхода, основанного на принципах системности и детерминизма; известных положениях и принципах психологии расследования преступлений, совершенных преступными группами (В. Л. Васильев, М. И. Еникеев, И. Б. Пономарев, В. В. Романов, А. Р. Ратинов, А. В. Дулов, Г. Г. Шиханцов и др.); идеях о междисциплинарных связях психологии и криминалистики (Р. С. Белкин, В. М. Быков, Ф. В. Глазырин, А. Р. Ратинов, Л. И. Полтавцева и др.); криминалистических закономерностях расследования групповых преступлений (В. М. Быков, И. А. Возгрин, И. М. Лузгин и др.).

Для изучения психологических характеристик криминального противодействия использовался принцип контекстуальной чувствительности.

В отечественной психологии понятие контекста представляет собой систему внутренних и внешних факторов, условий поведения и деятельности человека, влияющих на особенности восприятия, понимания и преобразования конкретной ситуации, определяющих смысл и значение этой ситуации как целого.

Контекстуальная чувствительность подразумевает, что значения социальных институций и понятий изменяются в различных контекстах, причем эти контексты создаются самими людьми, и поэтому важно крайне быть осторожным в своих действиях и интерпретациях, чтобы не изменить их [3, с. 5–6].

Деятельность следователя по скрытому управлению субъектом в условиях криминального противодействия следствию можно продуктивно изучать в различных контекстах, в том числе в контексте конфликтологической парадигмы.

Для анализа психологии скрытого управленческого воздействия в процессе расследования преступлений использовались отдельные положения теории рефлексивного управления (А. В. Дулов, В. Д. Лефевр, Г. Л. Смолян, А. Р. Ратинов и др.).

В работе рассматриваются вопросы использования рефлексивных приемов и средств для разоблачения способов скрытого воздействия на значимых лиц, проходящих по уголовному делу.

Теоретической основой исследования являлись: общепсихологическая теория деятельности (А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн и др.), концепции психологической компетентности (А. А. Бодалев, В. Г. Зазыкин, Ю. А. Шаранов и др.), психологические теории и концепции общения (А. Н. Леонтьев, Б. Ф. Ломов, В. Н. Мясищев и др.), психологические концепции личности и деятельности (К. К. Платонов, Б. Ф. Ломов, В. Д. Шадриков, Ю. А. Шаранов и др.).

В соответствии с принципами и задачами исследования была разработана методика исследования, включающая в себя совокупность различных методов познания психологии следственной деятельности и личности субъекта противодействия.

Методы исследования: теоретический анализ, систематизация и обобщение социологической, криминалистической и психологической литературы, анализ свободных описаний, интервьюирование, наблюдение, методы экспериментальных ситуаций.

В соответствии с целями и задачами исследования использовались:

1. Изучение теоретических источников по юридическим и психологическим проблемам выявления и преодоления криминального противодействия на предварительном следствии.

2. Психологический анализ материалов уголовных дел о преступлениях, связанных с криминальным противодействием расследованию. Проведенный анализ позволил подробно на основе документальной информации изучить особенности и характер корыстной деятельности, количество прежних судимостей, статейные признаки, демографические и социальные данные, применение инсценировок в ранее совершенных и скрываемых преступлениях.

Эмпирическую базу исследования составили результаты анкетного опроса 150 сотрудников правоохранительных органов, направленного на изучение качества влияния криминального противодействия на процесс расследования, а также контент-анализ архивных уголовных дел о сокрытии корыстных и насильственных преступлений, сопровождающихся маскировкой противодействия расследованию уголовных дел.

Было проведено фокусированное интервью преступников, применявших криминальное воздействие в процессе сокрытия и расследования преступлений.

Результаты психологических бесед со следственными и оперативными работниками правоохранительных органов позволили подтвердить или опровергнуть правильность и объективность поставленных вопросов, относящихся к изучению особенностей поведения субъектов противодействия в процессе расследования.

В процессе исследования использовались диагностические методики (методика определения уровня рефлексивности (А. В. Карпов, В. В. Пономарева), тест «Ценностные ориентации» (М. Рокич), «Самооценка профессиональных качеств личности сотрудников правоохранительных органов», личностный опросник Р. Кетелла (форма С).

Теоретическая значимость исследования заключается в дальнейшем развитии психологических, криминалистических и тактических аспектов скрытого управления преодолением криминального противодействия расследованию.

Результаты проведенного исследования значительно расширяют сложившиеся среди ученых и практиков представления о природе психологического воздействия в условиях противоборства и методах его преодоления.

Сформулированные в работе положения способствуют развитию теории скрытого управления противодействием следствию.

В монографии обоснована теоретическая концепция скрытого управления субъектом противодействия в деятельности правоохранительных органов.

Практическая значимость исследования состоит в том, что полученные результаты будут способствовать психологическому совершенствованию следственной деятельности в условиях криминального, гибридного противодействия расследованию преступлений, разработке методики обучения следственных и оперативных работников по распознаванию типичных способов противодействия расследованию.

Предложены практические рекомендации по реализации психологических методов скрытого воздействия на подозреваемых (обвиняемых) в ситуациях криминального противодействия расследованию.

Глава 1. Психологическое обеспечение скрытого управления в ходе преодоления криминального противодействия

1.1. Психолого-тактические особенности следственной деятельности в условиях криминального противодействия расследованию

В современных исследованиях ученые сходятся во мнении о том, что **расследование – это процесс познания**, в основе которого находится метод «следования по следам».

В уголовном процессе понятие расследование имеет особое значение. Это регулируемая правовыми нормами деятельность следователей и органов дознания, которая берет начало от возбуждения уголовного дела и завершается направлением уголовного дела прокурору для направления в суд либо принятием решения о прекращении уголовного дела.

Следственная деятельность представляет собой специфический вид профессиональной деятельности сотрудников, заключающийся в раскрытии преступления и установлении всех обстоятельств, связанных с событием противоправного деяния.

Для анализа следственной деятельности важно выделить три ключевых момента: во-первых, ее понимание как специфического вида профессиональной деятельности, во-вторых, ее отличие от иных видов человеческой деятельности, в-третьих, психологические особенности следственной деятельности.

Следственная деятельность осуществляется посредством регламентированных законом средств и методов, включая их принудительную реализацию в случае оказания противодействия собиранию доказательственной информации.

В юридической литературе иногда такую функцию деятельности предлагали именовать «ограничительной функцией» юридического процесса. Но полагаем, что применительно к следственной деятельности ограничительная функция является подфункцией охранительной и состоит в возможности ограничения некоторых прав лица с целью обеспечения правопорядка и достижения социальной справедливости (задержание в порядке ст. 91, 92 УПК РФ, избрание мер).

Охранительная функция следственной деятельности состоит в обеспечении безопасных условий производства при формировании доказательств, возможности своевременно выявлять и принимать меры,

направленные на пресечение негативного воздействия. Так, следователь должен установить все обстоятельства, которые могут свидетельствовать о возможном негативном воздействии подозреваемого, обвиняемого либо по его поручению на иных участников процесса, своевременно пресекать такие действия, в том числе путем применения мер безопасности, избрания мер пресечения.

Следователь, независимо от его принадлежности к какому-либо государственному органу, осуществляет функции уголовного преследования и государственного принуждения, его долг заключается в охране интересов государства, прав и законных интересов граждан.

Проведенный нами анализ предмета юридической психологии [4; 5] показал, что **собственно психологические закономерности следственной деятельности в условиях противодействия расследованию** недостаточно изучены и исследованы.

Наше мнение основывается на том, что, многие авторы, в частности В. Л. Васильев, А. В. Дулов, М. И. Еникеев, Б. Я. Петелин и др. в следственную психологию как самостоятельный раздел юридической психологии не включают психологические особенности поведения следователя и других участников предварительного следствия в ситуациях противодействия следствию.

В качестве доказательства можно привести отдельные определения предмета следственной психологии известных ученых – юридических психологов.

Так, в качестве предмета следственной психологии предлагается понимать «целенаправленный процесс, целью которого является реконструкция (восстановление) прошлого события преступления по следам, обнаруженным следователем в настоящем» [4, с. 329], это «психологические особенности следственной деятельности, ее профессиограмма, психограмма личности следователя, психологические методы и приемы, средства и технологии повышения эффективности предварительного следствия» [6, с. 386] и др. Как видно из различных определений, понимание закономерностей противодействия в процессе расследования не находит своего прямого отражения в определении предмета психологии следственной деятельности.

Как нам представляется, в определении предмета следственной психологии наряду с механизмами и свойствами психики человека, совершившего преступление, должны появиться психологические

закономерности осуществляемой им деятельности по преодолению противодействия расследованию. Можно предположить, что дальнейшее развитие исследований по следственной психологии приведет к уточнению ее предмета как науки, занимающейся изучением специфических свойств психики человека, включенного в систему правоотношений, связанных с возникновением противодействия расследованию, а также психологических закономерностей самих правоотношений.

При этом важно отметить, что противодействие, возникающее в сфере расследования, приобретает ряд новых свойств:

- включается в систему правоотношений;
- направлено против достижения следователем как тактических, так и правовых целей предварительного расследования;
- является самостоятельным видом преступной деятельности и может включаться в систему поведенческих актов;
- выступает видом коммуникативной деятельности, направленной на передачу информации конкретным адресатам.

Для следственной деятельности характерно преодоление сопротивления со стороны незаинтересованных в успешном расследовании дела лиц. Все это придает расследованию характер борьбы, принимающей иногда очень острые формы. Для следователя характерна не только борьба, но использование **психологического воздействия** на личность подследственного, установление психологического контакта с тем, чтобы изменить его состояние и направленность с целью раскрыть преступление.

В данном случае следователь должен знать способы криминального противодействия законной деятельности следователя, что может существенно предотвратить совершение следователем неправомерных или ошибочных тактических действий.

Для того чтобы понять психологические особенности следственной деятельности в условиях противодействия, нужно определить, что представляет собой криминальное противодействие расследованию.

В юридической литературе понятие «криминальное противодействие» трактуется по-разному.

Так, В. М. Антонов и В. П. Кувалдин пишут, что «противодействие организованных сообществ представляет собой сложный комплекс разнообразных приемов, уловок и хитростей преступников, препятствующих эффективному предупреждению, выявлению, раскрытию, расследованию и судебному рассмотрению совершенных ими

преступлений и способствующих максимальному смягчению заслуженного наказания» [7, с. 4].

С. Ю. Журавлев пишет, что противодействие выявлению и расследованию преступлений – это активное или пассивное сопротивление участников преступной деятельности и связанных с ними лиц путем сокрытия следов преступлений, воздействия на субъекты расследования или создания различных помех при установлении последними признаков преступления, выдвижении и проверке версий, а также формировании системы доказательств по уголовному делу [8, с. 9].

Бушинская М. Г. определяет криминальное противодействие как умышленную противоправную активную или пассивную деятельность «внешних» и «внутренних» субъектов противодействия, направленную на воспрепятствование выполнению задач предварительного расследования и установлению истины по уголовному делу [9, с. 11].

Противодействие расследованию может затруднить и подчас сделать невозможным доказывание любого из обстоятельств, входящих в предмет доказывания, перечисленных в ст. 73 УПК РФ.

Чаще всего лица, имеющие цель воспрепятствовать установлению обстоятельств преступления, выстраивают так называемые модели-прогнозы, которые позволяют получить в ходе исследования только вероятное представление о последующем развитии объекта. В данном случае объектом выступает линия поведения лиц, являющихся реальными или потенциальными следователями.

На основе построенных рефлексивных моделей-прогнозов противоборствующие лица, препятствующие расследованию, разрабатывают и осуществляют упреждающие либо нейтрализующие данное расследование меры. Иными словами, они выстраивают помехи, создают препятствия (барьеры) и, что немаловажно для определения криминальной сущности противодействия, не только осознают, но и желают этого.

С позиции общения следователя с субъектом противодействия оно представляет собой конфликтную ситуацию противоборства, характеризующуюся дефицитом информации у противодействующих сторон и активностью обеих сторон в борьбе за достоверную информацию.

Общение при осуществлении противодействия может выражаться в следующем: во-первых, участники общения, стремясь понимать друг друга, воздействуют на деятельность или отдельные действия друг друга; во-вторых, между субъектами по общению происходит обмен

информацией, субъект противодействия стремится располагать информацией о намерениях и действиях противостоящей стороны, с учетом этих сведений он избирает направления и средства противодействия. Для достижения своих целей он может скрывать, маскировать свою деятельность и намерения; в-третьих, общению при противодействии присуще взаимодействие его участников.

С конфликтной ситуацией связаны различные уловки и ухищрения, к которым прибегает преступник, чтобы скрыть свои противоправные действия и избежать ответственности. Конфликтные ситуации выражаются в соперничестве и противодействии сторон, цели и интересы которых при расследовании преступлений не совпадают. Ухищренное поведение подозреваемых в конфликтных ситуациях может выступать в различных формах противодействия расследованию.

Таким образом, криминальное противодействие расследованию можно определить как разновидность ухищренного поведения преступника, возникающего в процессе взаимодействия между следователем и подозреваемым (субъектом противодействия) в конфликтных ситуациях противоборства расследованию. Целью криминального противодействия является скрытое психологическое воздействие на сознание и поведение сотрудников правоохранительных органов на основе опережающей рефлексии, сценарного и иных форм поведения, искажающих информацию о событии преступления, об истинной роли личности правонарушителя в совершенном преступлении, направляющих следствие на путь выдвижения ложных версий и ухода виновного от уголовной ответственности.

Практика показывает, что деятельность по расследованию преступлений в условиях противодействия осуществляется наиболее успешно, если в ней учитываются различные психологические факторы, содействующие эффективности оперативных мероприятий и следственных действий.

В частности, А. В. Дулов, рассматривая психологическую специфику следственной деятельности, отмечает, что прогнозирование следователем действий для достижения намеченных целей является обязательным компонентом конструктивной деятельности, тесно связанной с другими видами следственной деятельности [5].

А. Р. Ратинов обоснованно выделял такие общие проблемы следственной деятельности, как психологические основы организации и планирования следственной работы, принципы построения оптимальной

стратегии следователя в конфликтных ситуациях, пределы психического воздействия в процессе расследования, изучение личности в процессе расследования.

Круг вопросов психологии, охватываемых следственной деятельностью, относится и к совершенствованию тактических приемов следственных действий, и к поведению участников процесса.

Тактика следственной деятельности включает систему тактических приемов, средств, техник и процедур согласно положениям УПК. Вместе с тем следственные действия персонифицируются, так как реализуются посредством психологических механизмов формирования коммуникативных и межличностных взаимодействий, необходимых для преодоления противодействия расследованию и установления юридической истины по делу [10, с. 51].

И от того, как следователь будет грамотно использовать богатый тактический арсенал средств производства следственных действий, накопленный в науке, с одной стороны, и личный профессиональный опыт, накопленный в процессе его собственной деятельности, с другой, будет зависеть успешное завершение расследования.

В тактике следственной деятельности большое значение имеет обязательный и полный учет психологической характеристики действий и поступков лиц, связанных с противодействием расследованию, что позволяет предвидеть поведение индивида в конкретных ситуациях (например, при задержании преступника, определении тактических приемов задержания).

Таким образом, во всех подобных случаях следователь выступает в качестве субъекта, организующего воздействие, что подчеркивает значение для него психологических познаний, необходимость понимания человеческой психики, владение приемами проникновения в духовный мир людей.

Успешное выполнение следственных функций требует специфических особенностей личности, определенных психологических качеств, способствующих эффективной работе в подобных экстремальных ситуациях.

В первую очередь к ним относят: профессионально-психологическую направленность его личности; психологическую устойчивость; развитые волевые качества, умение владеть собой в сложных ситуациях, смелость, мужество, разумную склонность к риску; хорошо развитые коммуникативные качества, умение быстро устанавливать контакт с

различными категориями людей, устанавливать и поддерживать доверительные отношения; способность оказывать психологическое воздействие на людей при решении различного рода оперативно-служебных задач; ролевые умения, способность к перевоплощению; развитые профессионально-значимые познавательные качества: профессиональные наблюдательность и внимательность, профессионально развитую память, творческое воображение.

Первоначальные подходы к расследованию преступлений в условиях противодействия обусловлены особенностями следственной ситуации.

Под следственной ситуацией будем понимать совокупность условий, в которых в данный момент осуществляется расследование, то есть ту обстановку, в которой протекает процесс доказывания (Р. С. Белкин, 1988).

Оценка следственной ситуации предполагает наиболее полное представление о ее структуре.

К числу объективных факторов, влияющих на формирование следственной ситуации, можно отнести: объем, характер **доказательственной и ориентирующей информации** о событии преступления, имеющейся в распоряжении следователя, предварительную квалификацию события преступления и др.

К субъективным факторам, влияющим на формирование следственной ситуации, можно отнести следующие: психологическое состояние лиц, вовлеченных в процесс расследования уголовного дела, психологическое состояние следователя, умения следователя принимать решения в нестандартных условиях и др.

Изучение и оценка следственной ситуации является первоначальным элементом структуры следственной тактики, и ее основным назначением является создание условий для принятия правильного тактического решения.

Особенностью следственной ситуации является то, что она является результатом познавательной деятельности следователя по расследованию преступления, при этом этот результат включается в содержание его деятельности и определяет ее направленность и избирательность.

Одной из разновидностей следственной ситуации является конфликтная ситуация. Сущность конфликтных следственных ситуаций составляют два фактора: тактическое соперничество сторон, имеющих несовпадающие интересы, и неизвестность в отношении их планов и намерений [11, с. 136].

Неопределенность в отношении планов и намерений другой стороны конфликта негативно сказывается на результативности предпринимаемых

следователем следственных и иных процессуальных действий, служит причиной риска при принятии решений [12].

Следует отметить, что значительная часть случаев, когда ситуация осознается следователем как неопределенная, обусловлена активным непосредственным или опосредованным противодействием со стороны лиц, имеющих противоположные интересы.

Возникающая информационная неопределенность отрицательно воздействует на эффективность познавательных процессов следователя, способствует формированию искаженных представлений о подлинном характере ситуации, в частности о тех или иных причинно-следственных связях и перспективах их развития, т. е. неправильной ее оценке. В свою очередь, неправильная оценка ситуации приводит к тому, что принимаемые следователем решения в лучшем случае далеки от оптимальности, в худшем явно ошибочные.

Как известно, одним из условий эффективности познавательной деятельности следователя является его эмоционально-волевая устойчивость, которая имеет сложную психологическую структуру. В рамках этой структуры взаимодействуют эмоции как переживания следователем своего отношения к действительности и воля как способность управлять своим поведением.

В процессе расследования эмоции следователя обуславливаются различными факторами, одним из которых является информационная неопределенность.

Субъект противодействия (подследственный), как правило, не заинтересован в том, чтобы познавательная деятельность следователя завершилась выявлением подлинных элементов события и роли личности виновного, установлением связи правонарушителя с отдельными элементами преступления и др. В этой связи субъект противодействия принимает подчас активные меры для создания информационной противоречивости (либо стереотипности) ситуации происшедшего события, являющейся серьезным препятствием на пути выдвижения истинных версий в процессе расследования скрываемого преступления.

В подобных ситуациях целесообразно, прежде всего, восполнить дефицит доказательственной информации в ходе производства следственных и оперативно-розыскных действий, направленных на получение сведений из различных источников.

В силу того, что работа следователя связана с постоянной или периодической нехваткой соответствующей информации, с юридической

оценкой тех или иных обстоятельств, а также с решением нестандартных задач, его мышление должно быть доказательственным, верифицирующим, характеризоваться проверяемостью всех сделанных выводов.

Важное место в механизме принятия решения при возникновении сложных следственных ситуаций (например, информационная неопределенность) занимают индивидуально-психологические особенности мышления лиц, выполняющих определенные процессуальные функции [13, с. 169–170].

Изучение различных подходов к определению сущности группового противодействия расследованию показало, что оно является значимым средством воспрепятствования правосудию и обеспечения безопасности организаторам и лидерам преступной деятельности.

В работах В. М. Быкова, В. Л. Васильева и других авторов указывается, что следователи обязаны знать психологию преступных групп, социально-психологические закономерности и механизмы их формирования и сплочения, механизмы влияния группы на ее членов, соучастников преступления друг на друга [14].

Проведенное исследование противодействия расследованию со стороны организованной преступной группы позволило выявить основные причины, вызывающие это противодействие:

- 1) групповое влияние или давление со стороны преступной группы и других заинтересованных лиц;
- 2) страх перед наказанием, боязнь потерять авторитет в глазах отдельных членов группы;
- 3) наличие у соучастников криминального опыта противодействия расследованию;
- 4) социально-психологические и индивидуально-психологические особенности личности преступников.

Основные трудности преодоления группового противодействия расследованию связаны:

- во-первых, с выбором правомерных психических средств и способов воздействия на подозреваемых;
- во-вторых, с недостатками получения доказательственной информации о противодействии, особенно на первоначальной стадии расследования;
- в-третьих, с возникновением организационно-управленческих проблем в совместной деятельности следователя и работников органов

дознания при расследовании преступлений, совершенных преступными группами;

- в-четвертых, с наличием психологических особенностей поведения членов преступной группы во время следствия.

Серьезной проблемой в криминалистике является проблема адекватного восприятия и осмысления информации о преступном событии и лицах, причастных к совершению преступления, полученной в процессе осмотра места происшествия.

Применительно к тактике осмотра замаскированного места преступления необходимо выделить два основных направления исследования:

- первое – диагностика и установление противоречий в обстоятельствах происшествия;

- второе – диагностика и установление способа (приемов) противодействия расследованию.

Тактическая значимость первого из указанных направлений диагностики определяется тем, что при замаскированных ситуациях преступления (например, инсценировка), как правило, обнаруживается несоответствие места происшествия месту совершения преступного деяния. В частности, подобное расхождение установлено по 28,4% уголовных дел о насильственных посягательствах.

По этой причине особое внимание следует уделять на месте происшествия обнаружению и исследованию противоречащих или исключających друг друга обстоятельств.

Второе из указанных направлений касается диагностики способов противодействия расследованию, применяемых различными субъектами противодействия и прежде всего преступником.

Практическая значимость установления способа противодействия состоит в том, что в ходе осмотра места происшествия нередко возникают ситуации, когда на месте происшествия выявляются многозначность объективных показателей или наличие их нескольких рядов, свидетельствующих о двух и более несовпадающих между собой мотивов и целей преступления, а также маскировочных действий.

Для достоверного же установления этих обстоятельств необходимо расшифровать не только все объективные показатели, но и получить данные о высказываниях лица до, во время и после совершения преступления.

Характерным в этом отношении является следующий пример. Н., одинокая молодая женщина, работала в одном из учреждений. Когда

длительное время без видимых причин она не выходила на работу, была вскрыта ее квартира, где и обнаружили труп Н. с признаками насильственной смерти. В результате осмотра места происшествия было установлено, что у убитой отсутствуют деньги. На основании этих данных следователь предположил, что убийство совершено с целью ограбления. Однако проверка этой версии не привела к выявлению подозреваемого. Дальнейшее расследование показало, что, кроме денег, иные ценности не были похищены. Это не вязалось с версией об убийстве из корыстных мотивов.

Тщательный и продолжительный поиск, произведенный преступником в различных местах квартиры потерпевшей, в том числе в ящиках письменного стола, среди книг, давал основание предполагать, что целью поиска были какие-то другие предметы, например документы (письма, записки), имеющие для преступника особое значение. В связи с этим была выдвинута версия, что убийца хотел обнаружить и изъять у потерпевшей свои письма для сокрытия знакомства с ней.

Предпринятые для проверки этой версии следственные мероприятия дали результат. На почте было обнаружено письмо к Н. от Б., с которым она находилась в близких отношениях. Из содержания письма выяснилось, что между ними произошла размолвка и последний угрожал ей смертью.

Так, благодаря правильной расшифровке выявленных при осмотре места происшествия двух рядов объективных и субъективных показателей: о корыстном мотиве и цели преступника, его отношении к криминальной ситуации и мотива, связанного с личными взаимоотношениями с потерпевшей, был выявлен действительный мотив совершенного убийства и раскрыто преступление.

В способе противодействия отражаются психологические особенности личности и поведения виновного, направленные на уклонение от ответственности, а также взаимосвязи с жертвой преступления.

С этих позиций диагностика и установление способов противодействия должны идти по трем линиям.

Во-первых, по линии выявления психологических особенностей поведения и личности виновного, отразившихся в способе совершения и сокрытия преступного поведения. К таким особенностям, на наш взгляд, можно отнести следующие: установку на противодействие, профессиональные способности и навыки, ценностную ориентацию, мотивацию противодействия, способность к рефлексивному мышлению, воссоздающие воображение, преступный опыт и другие свойства личности преступника.

Во-вторых, по линии использования закономерных взаимосвязей между преступником и жертвой, обуславливающих выбор субъектом маскировки тех или иных способов сокрытия факта преступления и своей причастности к нему. Так, расчленение трупа, его обезображивание свидетельствует, как правило, о взаимосвязях преступника с убитым [15, с. 77–78].

Статистический анализ показывает, что если преступник не был заранее связан с убитым, то он более озабочен тем, чтобы скрыть свое участие в преступлении, и не заботится о сокрытии самого факта преступления.

Преступники же, хорошо знавшие жертву, стремятся прежде всего скрыть факт преступления (расчленение трупа, его транспортировка в отдаленное место укрытие в труднодоступных местах).

В-третьих, по линии разработки наиболее распространенных способов противодействия (уклонения от ответственности) и их типичной сочетаемости.

Задача следователя состоит в том, чтобы в мнимой обстановке места происшествия (преступления) найти объективно существующие признаки, отличающие подлинное событие (отдельное его обстоятельство) от ложного, скрываемого события, приближающегося к нему по ряду некоторых внешних совпадающих признаков.

Допрос является одним из важнейших, но психологически сложных следственных действий, которое обеспечивает получение доказательств в ходе профессионального общения следователя с лицами, оказывающими противодействие расследованию.

Психологические особенности допроса представляют собой активный и целенаправленный сбор личностной информации о преступлении и психологических особенностях исполнителя (исполнителях). Это достигается путем непосредственного контакта с лицами, сопричастными совершенному преступному деянию.

В этом отношении и в прошлом, и в настоящее время особое внимание уделяется допросу обвиняемых, потерпевших и свидетелей. Без сбора и анализа информации, которой располагают эти лица, было бы очень трудно добиться полной реконструкции инкриминированного события и выявить вину и ответственность исполнителей преступного деяния.

С допроса всех этих лиц следователь начинает осуществлять деятельность по дознанию, связанную с выяснением истины о преступном деянии.

Эта деятельность по сбору информации, коренным образом отличающаяся от любой другой исследовательской деятельности, направлена на выяснение фактов и событий, связанных с человеческой жизнедеятельностью.

Ей сопутствуют некоторые специфические трудности, в которых следователи не только должны хорошо разбираться, но и успешно их преодолевать.

В основном эти трудности сводятся к тому, что не все лица, сопричастные к совершенному преступлению, заинтересованы в том, чтобы оно было раскрыто следственными органами.

Кроме сокрытия исполнители очень часто прилагают усилия для того, чтобы помешать следствию. С этой целью они используют целый арсенал средств: шантаж, обман, угрозы, запугивание, подкупы и т. п. Не исключением являются случаи, когда важные свидетели того или иного преступления, с целью сокрытия истины, уничтожаются физически.

Преодоление попыток лжесвидетельствования является одной из основных трудностей для следователей в специфической деятельности по дознанию.

Вторая трудность в работе следователя, осуществляющего деятельность по дознанию, – выявление лиц, которые располагают ценной информацией об инкриминируемом деянии, а именно: подготовке, осуществлению и сокрытию следов.

При совершении тяжких преступлений многие граждане боятся возмездия со стороны лиц, его совершивших, и поэтому предпочитают не афишировать свою осведомленность. Причина их нежелания осуществить контакт с полицией и следствием состоит в том, что правоохранительные органы не всегда гарантируют безопасность свидетелям.

Третья трудность связана с появлением временных или более продолжительных нарушений в психическом здоровье потерпевших и свидетелей, что затрудняет деятельность по дознанию.

Эти трудности в той или иной степени сопутствуют допросу сопричастных лиц в любом преступлении. Следователь должен их знать и своевременно предпринимать необходимые меры по их преодолению.

Специфические трудности могут возникнуть при допросе любого лица, сопричастного к совершению и сокрытию конкретного преступления. И это касается следующих моментов:

- согласия дать показания;

- готовности предоставить следственным органам полную информацию, которой располагает лицо;

- избегания неблагоприятных воздействий на допрашиваемые лица, которые бы могли неблагоприятно отразиться на их готовности предоставить информацию о совершенном преступлении.

Анализ следственной практики показывает, что в процессе расследования неочевидного преступления следователям нередко приходится преодолевать различные психологические барьеры – коммуникативные трудности, обусловленные различными причинами на пути распространения и принятия информации [16, с. 42].

Под психологическим барьером понимается неадекватная мысленная модель (образ) деятельности, либо такая техника общения обвиняемого со следователем, которая создает трудности понимания его истинных намерений, психологического состояния, языка и речи, вызывает неприятные эмоциональные переживания.

Формирование подобных барьеров, на базе которых строятся ложные версии, осуществляется за счет создания обвиняемым определенных типичных условий, в которых осуществляются следственные действия. К ним относятся: а) сообщение о преступлении с его оценкой, способной повлиять на избирательность поведения следователя при проведении следственных действий, б) стимулирование инертности и стереотипности мышления следователя, в) создание неадекватности и неопределенности исходных данных о событии и др.

К наиболее трудным психологическим барьерам относятся «версии защиты».

Термин «версия защиты» понимается как объяснение существенных для дела фактов обвиняемым, подозреваемым или самим следователем. Особенно это касается фактов, от оценки которых зависит решение вопроса о наличии или отсутствии вины в действиях обвиняемого или правильная квалификация его деяний.

В процессе расследования уголовных дел об убийствах версии защиты выдвигаются чаще всего по личности обвиняемого (алиби, другое лицо) и по мотивам поведения обвиняемого: версия о необходимой обороне, состоянии аффекта, неосторожных действиях и др.

В делах о хищениях – прежде всего по способам изъятия и сбыта похищенного, по фактам присвоения либо растраты.

Во время допроса между следователем и подследственным устанавливаются определенные взаимоотношения. От характера этих взаимоотношений во многом зависят конечные результаты расследования.

Таким образом, психологические особенности деятельности следователя связаны с доказыванием противодействия со стороны преступников, стремящихся уйти от ответственности за совершенное и скрываемое преступление. К числу психологических особенностей деятельности следователя относятся: а) деятельность следователя в условиях тактического риска и информационной неопределенности, б) типичные способы противодействия расследованию и др.

1.2. Скрытое управление субъектом противодействия как проблема юридической психологии

Для раскрытия и расследования преступлений в конфликтных ситуациях противодействия следствию необходима разработка новых тактических и психологических методов и средств получения доказательственной информации.

В ситуациях противодействия расследованию следователю нередко приходится преодолевать сопротивление подследственного или группы лиц, связанное с отказом совершить предписываемые действия. В этой ситуации для достижения своей цели следователь выбирает одну из трех альтернатив: а) принудить или заставить подследственного обязательно выполнить определенные действия, сломав сопротивление, б) договориться с подследственным о выполнении определенных действий, пойдя на компромисс, мотивировать к совершению нужных действий, в) замаскировать управляющее воздействие, скрытым образом побудить к совершению заранее запланированных действий, которые подследственный будет считать самостоятельными или случайно совершенными.

Реализация третьей альтернативы и относится к скрытому управлению, которое применяют тогда, когда предвидят психологическое сопротивление и не видят возможности применить другой способ.

Сущностью скрытого управления является скрытый характер воздействия, поэтому следователь не может пользоваться обычным арсеналом средств и методов воздействия. При осуществлении скрытого управления отсутствует возможность координировать и регулировать в полном объеме деятельность подозреваемого. Отсюда следует необходимость обеспечить точность воздействия с первого раза, которое имеет существенное значение, так как его первоначально неудачный характер может демаскировать скрытую позицию воздействующего, разрушить саму возможность скрытого воздействия.

Скрытое управление является средством преодоления противоборства в конфликтном взаимодействии сторон, собирающих и использующих информацию друг о друге, в итоге вырабатывающих оптимальное решение в ходе борьбы.

Противоборство в конфликте по своему социально-психологическому содержанию представляет собой стремление одной стороны действовать вопреки намерениям другой.

Конфликтные стороны располагают определенными знаниями о психологии друг друга. Для следователя иногда остаются невыясненными наиболее типичные психические состояния конкретных обвиняемых, их прежний социальный статус, самооценка, особенности мотивационной и эмоционально-волевой сфер психики.

В то же время, обладая такой информацией, следователь мог бы более целенаправленно и психологически обоснованно влиять на поведение обвиняемых.

Подходя к скрытому управлению как системному феномену, мы, в первую очередь, усматриваем в нем целенаправленное информационно-психологическое воздействие следователя на субъект противодействия, где один из участников является субъектом воздействия, а другой – его объектом управления, даже если это скрытое воздействие осуществляется попеременно, то есть имеет форму взаимодействия, где участники воздействуют друг на друга по очереди.

В содержании скрытого управления как модели воздействия можно включить четыре функциональных компонента.

Первый компонент – источники эмоционального фона допроса, которые содержат объективные и субъективные факторы следственной ситуации.

К объективным факторам относятся вызов (привод) на допрос, задержание, мера пресечения, внутрикамерная разработка, обыск, освидетельствование, насилие (физическое, психическое). Субъективные факторы содержат отношения подследственного к органам правопорядка: нежелание участвовать в следственных действиях, боязнь мести со стороны заинтересованных лиц, личные отношения с другими участниками уголовного процесса, боязнь наказания, сокрытие неблагоприятных поступков в событии преступления и др.

Второй компонент – отражает личностную позицию субъекта противодействия (допрашиваемого) при допросе в виде сопротивления, противоборства.

Третий компонент – включает тактику межличностного взаимодействия следователя с субъектом противодействия (допрашиваемым).

Четвертый компонент – включает организацию ситуативного воздействия на субъект противодействия (подследственного).

Для преодоления противодействия следствию и установления истины необходимо использовать специфические функции скрытого управления: а) информационную, б) прогнозирование, в) моделирование, г) организующую.

В начале проведения допроса следователь должен понять степень информационной осведомленности допрашиваемого лица и готовность этого лица передать информацию. Это своего рода «точка отсчета», которая определяет выбор той или иной тактики предстоящего допроса.

Дефицит исходной криминалистически значимой информации не позволяет выстроить оптимальную прогностическую модель допроса.

Следователь вынужден «действовать по ситуации», по возможности, не допуская развития ситуации противоборства.

В первую очередь это относится к ситуативным особенностям места, времени, психологической атмосферы, важных для допрашиваемого не столько формальными параметрами, сколько смысловым значением. Они должны содержать условия, способные нейтрализовать бдительность допрашиваемого и не побуждать его к нежелательным действиям.

Следственная ситуация и ее компоненты формируются под влиянием ряда объективных и субъективных факторов.

Оценка следственной ситуации и ее составляющих следователем может быть различной.

Суть состоит в том, что следственная ситуация как структурное образование уже включает в себя психику того следователя, который непосредственно занимается расследованием конкретного уголовного дела.

Сам следователь включает свои знания, опыт, умения, возможности и иные психические образования как необходимый компонент в структуру следственной ситуации, и она рассматривается им же самим в этом виде, с включением в нее самого себя.

Отчасти следственная ситуация может измениться из-за непонимания участником уголовного процесса роли, которую ему предстоит выполнять в ходе установления истины по делу, его психологического настроения на неприятие необходимости быть вовлеченным в уголовный процесс и пр.

Возникновение позиции противоборства характеризуется резким повышением эмоционального напряжения у подозреваемого, знающего о начавшемся расследовании. Повышенная тревожность стимулирует повышенную активность, что может выражаться в совершении не всегда обдуманных действий, которые могут стать уликами поведения.

Именно неопределенность и изменчивость условий, в которых осуществляется тактика взаимодействия следователя с подозреваемым, диктует необходимость выбора скрытого управления, что позволяет успешно решать задачи по изменению следственной ситуации в благоприятном для расследования направлении.

В целях успешного решения задач уголовного судопроизводства возникает необходимость изменить следственную ситуацию в благоприятном для расследования направлении. Таким образом, средства скрытого воздействия задействуются в каждом конкретном случае; в нашем случае – в рамках каждой следственной конфликтной ситуации.

Основу скрытого управления составляет процесс изменения ситуативных параметров воздействия на основе информации, получаемой во время управления с целью достижения определенного качества управления при начальной неопределенности условий деятельности.

На основе информации, получаемой во время управления поведением субъекта противодействия, возникает возможность предвидеть характер развития отношений с допрашиваемым, предполагать, каким образом допрашиваемый будет противодействовать расследованию, давать ложные показания, понимать, почему он решает свои задачи определенным образом, к чему стремится и чего избегает.

Когда речь заходит о конкретных параметрах психологии личности субъекта противодействия (подозреваемого), которые необходимо изменить, чтобы добиться, скажем, сотрудничества со следствием, то всегда возникает вопрос: что при этом имеется в виду?

Личность, как известно, является целостным образованием, а количество психологических переменных, на которые может быть оказано воздействие, не поддается количественному измерению и строгой качественной оценке.

Так, на передний план выступает задача выделения тех параметров психики, воздействие на которые позволяет в какой-то степени изменять поведение личности в нужном направлении.

Это означает, что из бесчисленного количества психических переменных, которые могут быть предметом воздействия, следует

выделить только те, которые оказывают непосредственное влияние на формирование позиции противоборства.

Для того чтобы следователь мог решать проблемы установления истины по делу в целях преодоления противоправных установок недобросовестных участников уголовного процесса и получения от них достоверной информации, он вправе и даже обязан в процессе расследования оказывать скрытое воздействие в отношении последних.

Специфика скрытого управления заключается в организации ситуативного воздействия на личность субъекта противодействия, связанного с особенностями побуждения подозреваемого к изменению его тактической линии поведения в пользу следователя.

В тактике межличностного взаимодействия следователя с субъектом противодействия наибольший интерес для следователя представляют сведения о личностных особенностях подозреваемого, которые будут определять его позицию в процессе расследования.

Управляемое следователем взаимодействие с допрашиваемым с использованием его интересов, потребностей и других индивидуально-психических особенностей должно быть скрытым, незаметным влиянием через ситуацию общения.

Оказывая скрытое воздействие на того или иного участника следственного действия, следователь должен использовать к каждому из них индивидуальный подход, который предполагает: а) достаточно хорошее знание субъекта, к которому воздействие применяется, его возрастные, психологические и иные особенности; б) установление с ним правильных, обусловленных обстоятельствами дела, обстановкой и личностными качествами взаимоотношений; в) учет специфики сложившейся тактической ситуации [17, с. 15]; г) формирование у воздействуемого таких мотивов, которые бы стимулировали поступок, нужный с точки зрения выполнения задачи, стоящей перед сотрудником.

В конфликтных ситуациях допроса воздействие адресуется определенным психологическим образованиям, которые должны быть предварительно установлены следователем.

В самом деле, следователи, осуществляя скрытое психологическое воздействие, ставят целью изменить не всю личность и даже не какую-то ее устойчивую составляющую, но поведение личности «здесь и теперь», т. е. в данной ситуации.

Логично предположить, что это поведение, конечно же, связано с личностью как целостностью, но в каждый данный момент времени та или иная система психики является доминирующей. Организация воздействия

на личность субъекта противодействия позволяет существенно ограничить процесс в отношении психологических переменных как «мишеней» воздействия.

Особую роль в скрытом управлении играет изучение деятельности субъекта противодействия. Скрытое управление опирается на стереотипы, шаблоны мышления, на особенности принятия решения, на использование привычных для субъекта противодействия процессов.

Информацию об этом следователь получает в результате изучения деятельности субъекта противодействия.

Фактический материал о деятельности субъекта противодействия является тем исходным материалом, из которого появляется возможность скрытого изменения процессов принятия и реализации решений.

Одной из важнейших функций скрытого управления является прогнозирование поведения субъекта противодействия в процессе расследования преступления.

От точности прогноза зависит определение направления скрытого воздействия, а следовательно, сама возможность скрытого изменения процессов противоборства со стороны участника расследования.

Важно отметить, что сам характер скрытого управления субъектом противодействия предполагает наличие скрывающих, маскирующих это воздействие обстоятельств. Это предполагает разыгрывание определенных ролей, информационное прикрытие.

При прогнозировании скрытого управления субъектом противодействия следователь обязан учитывать факторы подкрепления психологического воздействия, которые должны быть скрытыми, незаметными, побуждающие допрашиваемого к желательному для следателя результату.

При скрытом управлении следственная ситуация противоборства понимается извне как скорректированная картина происходящих событий, что приводит субъекта противодействия к заранее предопределенным действиям. Несмотря на его интеллектуально-мыслительные усилия и рационально принимаемые решения субъект противодействия подвергается скрытому воздействию. В силу недостаточности информации, предвзятой оценки событий субъект противодействия действует в интересах следователя.

Следовательно, скрытое управление – это скрытое, целенаправленное информационно-психологическое воздействие, изменяющее результативность и деятельность субъекта противодействия.

Недопустимым является получение показаний с применением любых форм насилия (физического и психического), угроз, шантажа, обмана, лжи, необоснованных обещаний, использование религиозных предрассудков, малокультурности допрашиваемого и иных незаконных действий.

Скрытое управление используется следователем, когда допрашиваемый умалчивает или скрывает известные ему обстоятельства, лжет, противодействует расследованию, и применяется только со строгим соблюдением закона.

Скрытое психологическое воздействие не может основываться на обмане, но использование «хитростей» или маневрирование правдивой информацией, то есть создание ситуации, когда человек, на которого направлено воздействие, не знает о мере осведомленности следователя касательно обстоятельств дела, либо о наличии у него определенных доказательств, допустимо ввиду того, что такие приемы сопряжены не с обманом, а с введением лица в заблуждение согласно нравственным целям уголовного процесса.

Как отмечает профессор Ю. А. Шаранов, потребность скрытого управления человеком возникает в ситуациях внутреннего сопротивления подследственного по различным причинам «быть подлинным». Страх «открыть свою душу» собеседнику, то есть «быть подлинным», может сопровождаться опасением «сказать чего-нибудь лишнего», «предстать перед другим в невыгодном свете», «стать уязвимым для последующих манипуляций» и т. д.

В подобного рода ситуациях для следователя может возникать соблазн «преодолеть» внутренние защиты собеседника с помощью известных манипулятивных техник, обмануть и тем самым подтолкнуть его к невыгодному для него решению. С точки зрения этики поведения «обман», «манипуляция» воспринимаются эмоционально негативно нагруженными. С другой стороны, точно такое же переживание возникает, когда мы оцениваем поведение нашего разведчика в тылу врага и вражеского в нашем тылу. Наш всегда разведчик, а противник – шпион, хотя задачи, решаемые обеими одинаковы. Другими словами, водораздел между «плохим» и «безнравственным» проходит через духовно-нравственные ценности. В нашем случае следователь защищает право, закон, справедливость и правду, а противоположная сторона, напротив, угрожает этим охраняемым законом ценностям, посягает на неприкосновенность личности, ее собственность, здоровье и саму жизнь.

В цивилизованном обществе люди часто сознательно или бессознательно прибегают к манипуляции для достижения своих целей, не

переживая при этом никаких угрызений совести. Речь идет, прежде всего, о ситуациях общения с несовершеннолетними, когда необходимо предупредить их рискованное или опасное для здоровья и жизни поведение. Это манипуляции, к которым вынужден прибегать врач в общении с больным.

Примеров «мягких» форм манипуляций существует множество. В процессе достижения социальной зрелости человек приобретает соответствующий опыт распознавания и защиты от недобросовестных, злостных манипулятивных воздействий, в том числе посредством обращения к ресурсам закона.

Вместе с тем, например, в правоприменительной практике существует прямой, недвусмысленный запрет на применение манипуляций в общении, противоречащих требованиям служебной этики, под страхом административного или уголовного наказания сотрудников правоохранительных органов.

Тогда как со стороны криминальных элементов, осуществляющих противодействие расследованию, никаких нравственных или правовых запретов в принципе не существует. Очевидная социально-правовая, нравственно-психологическая коллизия разрешается в рамках скрытого управления процессом преодоления противодействия предварительному расследованию.

Скрытое управление по своему объему шире, нежели известная манипулятивная стратегия общения. Она включает в себя культивируемые на практике техники общения следователя с лицами, проходящими по делу, приемы и способы криминалистической тактики, психологические практики защиты и преодоления конфликтного взаимодействия, рефлексивной борьбы, психологического влияния убеждения и переубеждения, визуализации ресурсов процессуальных действий и др.

При этом все техники и приемы общения сотрудника должны отвечать этическим, нравственным и правовым требованиям, предназначаться для скрытого преодоления сопротивления человека во имя торжества законности и справедливости.

Таким образом, скрытое управление – это разновидность скрытого информационно-психологического воздействия субъекта расследования, возникающего в конфликтных ситуациях противодействия, включающего различные техники и приемы организованного общения по его преодолению и получению доказательственной информации в процессе раскрытия преступления и установления юридической истины.

Смысл скрытого управления утрачивается, если замысел следователя не удастся замаскировать, его намерение разгадано, а субъект

противодействия проявляет настороженность и психологическую готовность продолжать следовать выбранной стратегии поведения вопреки воле следователя

Предмет скрытого управления – это скрываемое знание о событии преступления, которое становится достоянием следствия в процессе специального воздействия на сознание, подсознание подследственного посредством мыслительной, рефлексивной деятельности следователя с целью создания необходимого и достаточного для расследования предмета доказывания.

Целью скрытого управления (воздействия) является изменение отношения проходящего по делу субъекта с негативного на конструктивное, связанное с переходом к сотрудничеству со следствием.

Достигая своей цели, воздействие может приводить к тому, что субъект противодействия добровольно, без принуждения начинает действовать в интересах субъекта расследования.

1.3. Психологические механизмы скрытого управления субъектом противодействия расследованию

Высокий уровень профессиональной деятельности следователя в настоящее время определяется его психологической культурой, обеспечивающей реализацию скрытого управления субъектом противодействия для получения доказательственной информации в процессе производства следственных действий. Психологическая компетентность следователя создает условия для выявления самого факта противодействия и самоопределения в ситуации выбора адекватной стратегии осуществления следственных действий.

Как правило, для получения доказательственной информации в условиях оказания противодействия используется механизм опережающей рефлексии.

Сущность опережающей рефлексии заключается в следующем: в конфликтных ситуациях расследования оппоненты имитируют рассуждения друг друга и строят рефлексивные модели, отражающие как собственные представления о ситуации, так и о своих противниках, подлинные и мнимые цели и стратегии взаимодействующих сторон.

Опережающая рефлексия включает в себя размышления за противостоящую сторону, это функции целеполагания, планирования, прогнозирования предполагаемых результатов деятельности и эффективных способов ее осуществления. Ее основные поведенческие характеристики: тщательность планирования деталей своего поведения,

частота обращения к будущим событиям, ориентация на будущее [18, с. 124].

Качественные результаты рефлексии позволяют следователю точнее оценивать свое поведение и принимать более правильные решения.

Одним из частных случаев опережающей рефлексии, сходным по внешним проявлениям, является антиципация.

«Именно антиципация обеспечивает формирование цели, планирование и программирование поведения (и деятельности), она включается в процессы принятия решения, текущего контроля и в коммуникативные акты» [19, с. 213].

Рефлексивная деятельность следователя в конфликтных ситуациях расследования позволяет реализовывать моделирующую функцию скрытого управления, которая нередко осуществляется на основе рефлексивных рассуждений.

Необходимость рефлексивных рассуждений обусловлена тем, что принятие решений следователем зачастую происходит в ситуациях противодействия и связано с высокой степенью тактического риска, когда следователь вынужден принимать решения в сложных для него условиях, где как уход от риска, так и необоснованное его применение могут привести к наступлению неблагоприятных последствий.

Чтобы предусмотреть сопротивление противника, следователю необходимо учесть такие моменты, как возможные реакции обвиняемого на имеющиеся доказательства, характер этих реакций, возможность наступления тупиковых ситуаций, возможности выхода из этих ситуаций и так далее.

Следователь должен контролировать рефлексивную составляющую деятельности субъекта противодействия и направлять ее в необходимую сторону.

Следует отметить, что центральным средством воздействия в механизме скрытого управления является искажение или трансформация рефлексивных процессов допрашиваемого, связанных с принятием нужных следователю решений. В этой связи методы скрытого воздействия обеспечивают искажение представлений, используемых в деятельности субъекта противодействия, за счет информационной коррекции или за счет изменения рефлексивно оцениваемой ситуации.

Сложившийся конфликтный характер психологической борьбы за информацию между взаимодействующими сторонами часто решается позитивно в результате правильного выбора, а следовательно, и

применения следователем эффективных методов скрытого психологического воздействия на допрашиваемого.

При этом нельзя забывать, что субъект противодействия (подследственный) не просто лжет, а сообщает недостоверную информацию как следствие защитной реакции прогнозируемых в свой адрес угроз. Следователь в этом случае должен акцентировать внимание допрашиваемого на том, что доказательственная база по делу собрана, что иные доказательства отражены в материалах дела в более ранний период времени. То есть следователь дает понять допрашиваемому, что доказательственная база собрана по делу и без его вовлечения в уголовный процесс. Подчеркивая положительные качества личности, следователь помогает допрашиваемому преодолеть страх перед возможными угрозами или физическим принуждением со стороны подельников и других заинтересованных лиц. При стимулировании положительных качеств личности следователю лучше избегать долгих формальных уговоров. Он должен говорить искренне, убежденно.

Качество скрытого управления в данном случае напрямую зависит от информационной осведомленности партнеров по общению, которая, в свою очередь, обуславливает ранг рефлексии. При этом следователь не может точно знать, какими именно сведениями и в каком объеме располагает обвиняемый.

Для распознавания позиции допрашиваемого с целью дополнения, уточнения и корректировки созданной модели допроса необходимо осуществить выбор из продуманных ранее вариантов собственной тактической линии поведения. На этой основе необходимо осуществлять непосредственное общение следователя с допрашиваемым.

Использование различных способов получения доказательственной информации о противодействии допросу предполагает создание мысленной модели скрытого управления поведением подозреваемого в конфликтной ситуации расследования преступлений.

Ее назначение состоит в распознавании будущих изменений или несоответствий в поведении подозреваемого в процессе расследования, выявлении возможных вариантов развития конфликтной ситуаций с целью своевременного предотвращения негативных трудностей, складывающихся при подготовке и проведении отдельных следственных действий.

Скрытое управление поведением субъекта противодействия в различных следственных ситуациях может иметь некоторые общие

принципы и правила ведения психологической борьбы. К этим правилам относятся: а) маскировка планов и истинных намерений следователем, б) блокировка возможных каналов утечки информации, в) контроль за возможными каналами поступления информации, осуществляемый за счет оперативно-розыскных возможностей, г) создание максимальных трудностей для субъекта противодействия при принятии решений в конфликтных ситуациях расследования.

Ученые выделяют два основных признака противоборства, характерных для скрытых воздействий следователя: а) активная (внешне пассивная) форма реализации приемов борьбы, б) длительное (кратковременное) воздействие [20].

В соответствии с этим могут быть выделены приемы борьбы, которые составляют четыре группы. К первой группе активных приемов с преимущественно длительным воздействием относятся: а) ограничение возможностей к сопротивлению действиям следователя по достижению целей расследования, б) убеждение и переубеждение, в) демонстрация длительного и разнопланового подхода к собиранию доказательств и всесторонней оценке личности.

Ко второй группе активных кратковременных приемов относятся: а) пресечение противоправного действия, б) открытое предостережение о последствиях поведения обвиняемого, провоцирующего конфликт, в) предъявление доказательств в концентрированном виде.

Для третьей группы внешне пассивных приемов, рассчитанных на долговременное воздействие, характерны: а) сокрытие до определенного времени своих намерений, б) демонстрация размеренного ведения расследования.

К четвертой группе внешне пассивных приемов борьбы, рассчитанных на кратковременное воздействие, относятся: а) ситуативная демонстрация неосведомленности, б) включение обвиняемого в деятельность и общение, способствующие отвлечению его внимания от лиц и объектов, вызывающих негативные эмоции.

Согласно технологии скрытого воздействия можно выделить две группы методов скрытого управления. Во-первых, скрытое управление, использующее когнитивные (информационные) каналы воздействия на объект управления (приемы передачи дозированной информации о своих целях и средствах и др.).

Во-вторых, скрытое управление может быть основано на ситуативном воздействии параметров следственной ситуации, в которой

происходит разыгрывание определенных ролей или создание нужных для следователя условий, обстоятельств.

К методам скрытого управления можно отнести: а) метод маскировки, б) метод манипуляции, в) метод конфликтного воздействия.

Особое место среди методов скрытого управления занимает метод (приемы) маскировки планов и намерений следователя.

При маскировке не только и не столько скрывают, сколько намеренно передают противнику определенные сведения о собственных планах, психическом состоянии, оценке ситуации и т. д.

Передача дозированной информации оказывает психологическое воздействие на интеллектуальные, волевые и эмоциональные процессы субъекта противодействия, изменения которых приводят к достижению запланированной цели. Они основаны на знании закономерных эффектов и психологических механизмов действия тех или иных факторов, рассматриваемых как причины, определяющие и влияющие на свойства и состояния психики, на поведение и деятельность субъекта противодействия.

Данный метод отчасти обусловлен демонстрацией перед субъектом противодействия имеющихся в наличии у следователя доказательств по делу, разъяснение последствий принятой за основу линии поведения на следствии, раскрытие возможностей правоохранительных органов по обеспечению безопасности последнего и пр.

Все это делается для того, чтобы повлиять на ход рассуждений и состояние подсудимого, заставить его строить анализ на переданных послылках и в конечном счете скрыто управлять его поведением.

При проведении допроса в условиях противодействия в целях оказания скрытого влияния на подозреваемого могут быть использованы техники НЛП-воздействия.

В литературе отмечено, что НЛП (нейролингвистическое программирование) представляет собой комплекс психотехник, позволяющих в широком диапазоне корректировать состояние человека, его поведенческие установки и психические реакции.

Как показывает анализ следственно-судебной практики, психотехники воздействия, используемые в НЛП, помогают следователю эффективно взаимодействовать с участниками процессуальных действий.

В этом плане интерес в следственной деятельности представляют техники воздействия, которые можно применить при речевом общении в процессе расследования уголовного дела. Использование различных техник НЛП-воздействия в процессе профессионального общения с

субъектом противодействия является эффективным средством скрытого управления его поведением в процессе расследования.

Можно выделить основные техники скрытого НЛП-воздействия в межличностном общении, подходящие, на наш взгляд, для преодоления противодействия при проведении допроса.

1. Техника «подстройки к сознанию допрашиваемого». Суть ее состоит в том, чтобы максимально подстроиться к модели мира исследуемого субъекта, высказывая и описывая близкие ему переживания, суждения и ощущения. Подстройка к модели мира допрашиваемого является необходимым условием эффективности скрытого воздействия на него. Она включает ряд следующих приемов:

а) подстройка к позе допрашиваемого заключается в том, чтобы, стоя напротив допрашиваемого, незаметно принять его позу, при этом все движения сотрудника должны быть естественными. Для этого следователь будет сидеть или стоять в той же позе, что и допрашиваемый, изменять осанку или повторять за субъектом основные изменения позы, жесты;

б) производить подстройку к голосу допрашиваемого, изменяя следующие параметры своего голоса и речи: громкость, темп, ритм, высота, тембр, интонация, произношение, какие-либо характерные слова или выражения;

в) производить подстройку к языку и характеру мышления: «предикативность речи» – с подстройкой к предикатам (словам, которые показывают, в какой модальности в настоящий момент мыслит допрашиваемый).

2. Техника «раппорт». Раппорт – это процесс построения и поддержания отношения взаимного доверия, гармонии и взаимопонимания между людьми. Другими словами, установление психологического контакта при допросе. В отличие от психологического контакта, раппорт – это особенное состояние сознания, которое отличается чувством взаимного бессознательного доверия и легкости общения между следователем и допрашиваемым. Раппорт позволяет добиться сотрудничества сторон и зачастую повышает достоверность предоставляемой информации.

3. Техника «якорения» приносит желаемый результат, если необходимо внедрить какие-то слова в пределы внимания партнера и закрепить в подсознании.

Якорем может служить все что угодно: звук, слово, форма объекта или цвет, запах, вкус, прикосновения. Якорение происходит посредством установки связи между отдельными представлениями или даже группой представлений.

4. Техника «рефрейминга», под которой понимается специальный прием, который позволяет изменить точку зрения допрашиваемого на иную, порой даже противоположную.

5. Техника «рассеивания». Суть ее состоит в том, что те значения, которые нужно внушить допрашиваемому, преподносятся ему не напрямую, а незаметно вставляются в какой-либо текст. При этом само содержание текста должно быть интересным и нести положительные эмоции для подозреваемого. Восприняв сам текст, мозг допрашиваемого воспринимает и те значения, которые в данном тексте оказались вставлены.

Техника «рассеивания» в тактике допроса может способствовать отключению защитных механизмов, препятствующих выдаче допрашиваемым необходимой следователю информации, направляя определенным образом его поведение.

Для достижения максимального эффекта скрытого воздействия на подозреваемого следователю необходимо определить психотип допрашиваемого, на которого предполагается воздействие.

Следует отметить, что целесообразным представляется изучение репрезентационной системы психотипа подозреваемого (обвиняемого), оказывающего противодействие расследованию.

Наиболее важны визуальный, аудиальный и кинестетический каналы восприятия хранения информации. Рациональный канал восприятия обращен к логике и мышлению человека.

Допрашиваемые, для которых характерно преимущественное обращение к определенному каналу, могут быть объединены в группы-психотипы. В частности, человек, у которого преобладает зрительный канал восприятия, называется визуалом, слуховой – аудиалом, чувствительный – кинестетиком.

Рассмотрим с учетом психотипа допрашиваемого основные приемы предъявления доказательств (предъявление всей совокупности доказательств, предъявление доказательств с нарастающей силой и единичное предъявление доказательств).

Исходя из специфики репрезентационной системы, для допрашиваемого-визуала эффективной будет демонстрация на допросе объектов, имеющих, по мнению допрашиваемого, существенное значение по делу. Визуалу целесообразно предъявлять доказательства в натуре, желательно, чтобы это были овеществленные объекты (вещественные доказательства и иные предметы), которые он мог бы как следует

рассмотреть, показать заключение эксперта без оглашения его содержания. показать отдельные фрагменты записи телефонных переговоров и др.

При работе с аудиалом следователь должен продумать содержание информации об имеющихся доказательствах дела, которую он намерен довести до подозреваемого (обвиняемого). При подготовке материала для оглашения следует настроиться на определенный тон, тембр, силу голоса, интонацию, речевые паузы и т. д. При этом нецелесообразно осуществлять демонстрацию действий, поскольку основной поток информации воспринимается допрашиваемым на слух.

Наилучшее воздействие на аудиала оказывает оглашение документов, имеющих доказательственную силу. Это могут быть заключение эксперта, протоколы допросов соучастников и свидетелей. Сюда также можно отнести прослушивание аудиозаписи.

Для кинестетика необходимо создание определенной обстановки перед допросом. Например, приглашая лицо на допрос, следователь может намеренно оставить дверь приоткрытой, тем самым создав условия, при которых лицо может представлять процесс допроса, например, как допрашиваемый отвечает на вопросы, как ранее допрошенный соучастник подписывает протокол и следователь говорит ему, что он может быть свободен.

Таким образом, важнейшими аспектами скрытого управления является использование психологических механизмов в деятельности следователя, а также основанных на них методов скрытого воздействия, позволяющих изменять тактическую линию поведения субъекта противодействия с целью получения необходимых доказательств для установления истины по делу.

Выводы по первой главе

1. Изучение феномена «скрытое управление» является актуальной и значимой проблемой в современной юридической психологии и криминалистики и требует дальнейшей разработки и углубления.

2. В работе дано определение понятию скрытое управление. Оно представляет собой скрытое психологическое воздействие субъекта расследования, возникающее в конфликтных ситуациях противодействия, включающее различные техники и приемы организованного общения по его преодолению и получению доказательственной информации в процессе раскрытия преступления и установления юридической истины.

3. Выделены специфические функции скрытого управления:
а) информационная, б) прогнозирование, в) моделирование, г) организующая.

4. В работе исследуются психологические механизмы и методы скрытого управления, которые позволяют получать скрываемое знание о событии преступления и личности виновного.

5. Исследована специфика скрытого управления, которая заключается в скрытом воздействии на субъект противодействия, которое побуждает подозреваемого к изменению своей тактической линии поведения в процессе расследования в пользу следователя.

Глава 2. Основные концепты психолого-юридической теории скрытого управления субъектом противодействия

2.1. Психологический баланс безопасности субъекта в контексте преодоления противодействия расследованию

Одним из центральных концептов скрытого управления выступает «психологический баланс безопасности» субъекта противодействия, а его первым структурным элементом является феномен доверия. Именно доверие выполняет функции регулирования отношений и задает модальность поведения личности, а потому занимает место важнейшего ситуативного фактора, во многом определяя динамику отношений следователя и субъекта противодействия.

Собственно феномен доверия изначально является средством, положительной практикой преодоления неопределенности в отношениях сторон и построения модели доверительных отношений. Другими словами, доверие выполняет полезную функцию, так как, во-первых, предполагает ограниченное количество способов отношений между людьми, во-вторых, укореняет социальную идентичность, в третьих, устанавливает отношения между следователем и противодействующим субъектом на основе ментальных традиций общества, различных субкультур и психологических особенностей субъектов.

При этом доверительные отношения складываются преимущественно в пространстве социальной психологии, а не права. Отсюда доверие отличается неоднозначной динамикой и реализуется на основе изначального дисбаланса критериев для его оценки.

Как правило, подследственный атрибутирует следователю угрожающие его безопасности намерения и стремление любой ценой доказать его виновность. И чем выше уровень криминальной квалификации субъекта противодействия, тем выше и уровень его недоверия следователю.

Скрытое управление в этом случае предполагает использование методов и способов обхода или преодоления механизмов недоверия следователю с целью сближения позиций сторон. При этом доверие как психологическая дистанция в процессе взаимодействия субъектов выступает в форме ментальной центрации сначала на какой-то идее, а затем на принципе поведения.

Отношение к незнакомому следователю выражается в когнитивной установке предубежденности и, как следствие, предрасположенности к

недоверию. В зависимости от того, с кем субъект противодействия себя идентифицирует и какую роль готов играть, он может демонстрировать осторожность и закрытость, враждебность и агрессивность, центрацию на своих интересах или ценностях референтной группы.

Согласно стратегии недоверия следователю субъект начинает прибегать к защитным действиям, актуализировать все способы и методы противодействия расследованию.

Вместе с тем гипотеза о предубеждениях подследственного в отношении выбора модальности доверия следователю задается не столько жизненным опытом, сколько общей ситуацией неопределенности расследования.

Так или иначе, субъект противодействия переживает экзистенциальный страх за свое будущее, за свою судьбу. Официальная модель доверия, которая репрезентируется следователем, носит процессуальный, то есть объективный характер.

Ее источником выступает презумпция невиновности, то есть это презюмированная уголовно-процессуальным правом модель доверия. При этом подследственный склонен воспринимать модель доверия в персональной плоскости, через призму личностных, «человеческих» отношений. В этой связи следователем создается имплицитная модель доверия, которая используется им в качестве канала продвижения информации о своих персональных предпочтениях, переживаниях, намерениях и отношениях к субъекту противодействия в целях скрытого влияния на его позицию. Для того чтобы имплицитную модель следователя превратить в публичную, субъект противодействия нередко прибегает к стратегии конфликтного взаимодействия, сознательно создает риски и угрозы его личности, целям и смыслам расследования.

Эти специфические особенности профессиональной деятельности следователя оказывают значительное влияние на личностные характеристики сотрудников следственных подразделений.

В юридической психологии проблематика профессиональной безопасности сочетает в себе правовые и психологические аспекты.

Сущность безопасности как правовой категории определяют такие категории как защищенность, угроза, права и жизненно важные интересы личности.

Права и законные интересы лиц, находящиеся под защитой в уголовном процессе, включают в себя жизнь, здоровье и имущественные

интересы. Согласно ст. 1 ФЗ № 45 от 20.04.1995 в случае угрозы посягательства на жизнь, здоровье и имущество следователей в связи с их профессиональной деятельностью в качестве государственной защиты применяются не только меры государственной защиты жизни, здоровья и имущества, но также меры социальной и правовой защиты. Правовые меры защиты включают в себя повышенную уголовную ответственность за посягательства на права и законные интересы следователей.

Безопасность следственных работников лежит в основе функционирования психологической инфраструктуры правоохранительной деятельности, которая представляет собой форму, содержащую группы психологических процессов и структур, соответствующие связи между ними, которые обеспечивают выполнение трудовых функций субъектом в определенных социально-профессиональных условиях, соответствуя целям и содержанию деятельности.

При этом психологическая и правовая инфраструктуры правоохранительной деятельности тесно взаимосвязаны между собой в регулировании и обеспечении безопасности следственной деятельности, так как основываются на устойчивых организационных формах, своеобразном психолого-юридическом базисе в виде особого построения пространства, обеспечивающего функционирование и развитие психолого-юридических структур.

В понимании безопасности как психологического феномена в научной литературе представлен достаточно широкий спектр подходов, которые включают содержательные, функциональные проблемы и условия создания психологически безопасной среды.

Дефиницию «безопасность профессиональной деятельности следователя» следует понимать шире, чем обеспечение только их личной безопасности.

В частности, профессор А. М. Столяренко определяет личную профессиональную безопасность следователя как систему специальных защитных, правовых, тактических, педагогических и психологических мер, обеспечивающих сохранность жизни, физического и психического здоровья сотрудников предварительного следствия при условии поддержания высокого уровня эффективности профессиональных действий [21, с. 33].

Безопасность профессиональной деятельности следователя – это сложный конструкт, основывающийся на устойчивой сопротивляемости

неблагоприятному воздействию негативных факторов, психологических угроз, соединен с определенным уровнем профессионального риска, который может иметь материальный, служебно-нравственный, психологический и физический характер [22, с. 68–69].

Одним из ключевых понятий в описании безопасности деятельности следователя, в производстве которого находится уголовное дело и процесс принятия решений, является понятие «риск».

Риск – это комплексное понятие, которое может включать как позитивные, так и негативные характеристики влияния определенных факторов на личность следователя.

Важно отметить, что риски как неотъемлемый элемент профессиональной деятельности следователя зависят от внутренних психологических факторов: от внутренних установок в принятии тех или иных решений в аналогичных ситуациях, от профессионального опыта, волевых, когнитивных и иных индивидуально-психологических характеристик личности следователя.

Психологический риск – это возможность приобретения психологических травм, психологической дестабилизации личности под воздействием стрессов и эмоционально-психологических перегрузок, сопряженных со служебной деятельностью.

К ситуациям, связанным с риском в профессиональной деятельности следователя при производстве по уголовному делу, относятся: а) собирание и проверка доказательств по уголовному делу путем производства следственных и иных процессуальных действий; б) применение мер процессуального принуждения; в) привлечение лица в качестве обвиняемого; д) стадия возбуждения уголовного дела в условиях информационной неопределенности и дефицита информации.

Более того, процесс собирания доказательств по уголовному делу характеризуется неопределенностью относительно исхода дела, а значит и определенной степенью риска, так как следователь заранее не имеет полной мыслительной модели события, имевшего место в прошлом, в его распоряжении, как правило, нет достаточного объема сведений в начале расследования.

В новом УК Российской Федерации дается уголовно-правовое понятие обоснованного и необоснованного риска.

В статье 41 УК РФ отмечается, что «риск признается обоснованным, если указанная цель не могла быть достигнута не связанными с риском

действиями (бездействием) и лицо, допустившее риск, предприняло достаточные меры для предотвращения вреда охраняемым уголовным законом интересам». С другой стороны, «риск не признается обоснованным, если он заведомо был сопряжен с угрозой для жизни многих людей, с угрозой экологической катастрофы или общественного бедствия».

Особую роль в возникновении психологических особенностей риска играют различные угрозы безопасности следователю. Согласно толковому словарю русского языка С. И. Ожегова, «угроза» – «запугивание, обещание причинить кому-нибудь зло»; «возможная опасность» [23, с. 1212].

В приведенном понятии «угроза» можно выделить два важных аспекта.

Во-первых, угроза – это запугивание, обещание причинить кому-нибудь зло, т. е. определенные, достаточные активные действия субъекта угрозы, направленные на формирование у лица чувства страха за свою жизнь и здоровье, жизнь и здоровье его близких, а также за нанесение вреда другим важным для лица интересам.

Во-вторых, угроза – это возможная опасность, т. е. опасность, которая может и не проявиться в виде запугивания и обещаний причинения вреда, но в то же время характеризоваться возможностью в высокой степени ущемления важных для лица интересов.

Таким образом, угроза личной безопасности следователю представляет собой волевой, преднамеренный акт целенаправленного влияния на психическое состояние и процессы сознания следователя с целью побудить его к определенным действиям или сформировать в его сознании определенную идею.

Следовательно, риск связан непосредственно с субъектом и является субъективным свойством ситуации, в то время как угроза – это объективная характеристика обстоятельств и крайняя степень опасности.

К причинам и источникам психологических угроз личной безопасности следователя прежде всего можно отнести наличие недостаточных личностных предпосылок для эффективного исполнения служебных обязанностей: отсутствие необходимых физических качеств благоприятного психического состояния, низкий уровень профессиональной подготовленности, переутомление, переоценка собственных возможностей, снижение бдительности ввиду различных объективных и субъективных причин и т. д.

В силу ряда причин основную угрозу безопасности деятельности следователя представляет криминальное противодействие как составная часть психологического компонента уголовного процесса.

Во-первых, лица, заинтересованные в исходе дела применяют весь доступный арсенал средств и методов психологического воздействия на следователя с целью повлиять на ход дела, и зачастую эти методы могут быть противозаконными и содержать не только психологическую, но и физическую угрозу.

Во-вторых, противодействие может быть выражено не только в различных способах сокрытия следов преступления, но также и в других уловках и ухищрениях, направленных на уклонение от ответственности виновных, на обеспечение безопасности отдельных участников уголовного процесса.

Так, организаторы преступной деятельности создают серьезные угрозы безопасности предварительному следствию, так как их меры и способы, как правило, носят комплексный и скоординированный характер для защиты подозреваемого и обвиняемых как участников преступной группы.

Представители организованной преступной группы могут устанавливать незаконные каналы связи с задержанными членами данной группы для согласования и координации линии поведения. Лицами, связанными с подозреваемым (обвиняемым), могут быть не только организаторы, соучастники преступления, но и сослуживцы (если речь идет о должностных преступлениях), родственники, близкие, знакомые.

Угрозу для противодействующей стороны следователь представляет как субъект расследования и как личность. В соответствии с этим противодействующая сторона ставит следующие задачи: а) дестабилизировать морально-психологическую сферу следователя, чтобы он совершил какие-либо ошибки или чтобы затруднить расследование в целом, б) создать условия для совершения следователем определенных действий (побуждение), в) принудить следователя совершить необходимые для противодействующей стороны действия, г) устранить следователя из расследования – административно либо физически (ликвидация).

В исследовании, проведенном Стулиным О. Л., отмечается, что для дестабилизации морально-психологической сферы следователя субъекты противодействия использует различные методы психологического воздействия, направленные на определенные психические сферы:

мотивационно-потребностную, познавательно-интеллектуальную и эмоционально-волевою.

В одних случаях они были направлены на когнитивную сферу, чтобы сформировать у следователя неадекватное представление об истинном характере преступления и его отдельных обстоятельствах; в других случаях воздействия были преимущественно «адресованы» к эмоционально-волевой сфере личности следователя, чтобы вызвать у него дезорганизацию волевой деятельности, неуверенность в себе в достижении познавательных целей расследования [24, с. 59–60].

Указанное криминальное психологическое воздействие может сопровождаться различными видами угроз безопасности следователю: шантажом, физическим насилием, посягательством на жизнь и здоровье субъектов расследования и близких им лиц, что влияет на психологические процессы, свойства и состояния личности. В этой связи возникает вопрос об обеспечении психологической безопасности следователя от такого воздействия.

В уголовном процессе психологическая безопасность должна быть обеспечена за счет создания объективных условий обоснованного, законного, соответствующего моральным и этическим нормам воздействия на участников расследования, учитывающих принципы уголовного процесса, требования к следственным и процессуальным действиям, процедуре оценки доказательств и пр.

Учитывая, что степень применения психологического воздействия в определенной мере субъективирована, возникает ряд вопросов о границах, критериях и личностных факторах безопасного воздействия следователя в ситуациях расследования [25, с. 72].

В общем виде психологическую структуру безопасности профессиональной деятельности следователя можно представить в следующем виде:

- первый элемент: внутренний комфорт, который включает психологическую устойчивость, переживание, спокойствие, психологическую защищенность, стабильность;

- второй элемент: благоприятное окружение (коллектив), которое позволяет обеспечить профессиональную поддержку и установить границы внутреннего психологического пространства;

- третий элемент: опытность и информированность, которые основываются на поиске информации, профессиональном опыте с целью избежать потенциальных угроз и преодолеть противодействие.

Важнейшим элементом структуры психологической безопасности деятельности является психологическая устойчивость следователя к противодействию расследованию преступления.

Понятие психологическая устойчивость включает в себя эмоционально-волевую устойчивость, адаптационную устойчивость в стрессовых ситуациях, физиологическую устойчивость, следователя к условиям осуществления профессиональной деятельности.

Психологическая устойчивость следователя в условиях криминального противодействия следствию призвана стать барьером для внешних и внутренних психологических угроз, должна целенаправленно формироваться у сотрудников в период их профессиональной подготовки и развиваться в процессе служебной деятельности [26].

К факторам формирования психологической безопасности следователя относятся как сама среда, предварительное расследование, так и внутренние резервы самого следователя, в том числе умение преодолевать криминальное психологическое воздействие.

При этом отношение следователя к собственной профессионально-психологической безопасности формируется в качестве общих и частных профессиональных установок.

Общая установка выражается в виде осмысления своей деятельности в целом, а частная установка сопряжена с оценкой определенных обстоятельств конкретной ситуации как безопасных или угрожающих.

Переживание своего отношения к преодолению противодействия, эмоциональное восприятие этого отношения и формируют базовую потребность в безопасности. Более того, психологическая безопасность следователя напрямую связана с негативными переживаниями особого рода, то есть с интенсивным стрессом, степень которого будет зависеть от отношения следователя к определенной ситуации расследования и общих профессиональных установок.

В исследовании, проведенном Н. П. Фетискиным, отмечается, что основу деятельностной стрессогенности следователя составляют специфические стресс-факторы, генерируемые интерактивным противодействием участников следственных действий.

Эмпирическими исследованиями было подтверждено, что к их числу относятся различные формы дезинформации участников следственных действий (сокрытие, маскировка, инсценировка, демонстративность, ложное алиби), а также изменения в показаниях или отказ от них, упорное заpiresательство, сговор, самооговор, лжесвидетельство и др.

Большим интерактивным противодействием характеризуются обвиняемые и подозреваемые, причастные к убийству, изнасилованию и похищению людей [27, с. 75–80].

Безопасность профессиональной деятельности следователя от различных психологических угроз и рисков, связанных с криминальным противодействием расследованию, основывается на достаточном уровне профессионально-психологической подготовленности следственных работников. Данный уровень включает в себя владение безопасными методами осуществления профессиональной деятельности, развитые психологические качества, позволяющие адекватно оценивать условия и обстановку, принимать эффективные и правильные решения, не терять самообладание в опасных ситуациях.

В рамках профессиональной подготовки целесообразно проработать психологический сценарий решения отдельных тактических задач в условиях противодействия для того, чтобы осуществлять выбранную линию ролевого поведения достоверно, исходя из оптимизации профессионального мышления и использования правомерного психологического скрытого воздействия.

Главная цель психологической подготовки – повышение информированности следователя по вопросам психологии допрашиваемого, психологических факторов, которые оказывают влияние на допрашиваемого при выборе той или иной линии поведения. При составлении криминально-психологического профиля допрашиваемого важно учитывать не только процессуальное положение подследственного лица, но и структуру личности, индивидуально-психологические особенности, направленность личности, и ее заинтересованность в исходе дела.

Среди следователей был проведен дополнительный опрос для оценки профессионально-психологической подготовленности, связанной с обеспечением психологической безопасности личности следователя. По результатам данного опроса выяснилось, что практически все следователи продумывают план проведения допроса в условиях противодействия, однако более половины респондентов в случаях, если психологический контакт с допрашиваемым установить не удастся, продолжают вести допрос по намеченному плану. Это означает, что на практике большинству следователей затруднительно корректировать выбранную тактику в условиях противоправного противодействия подследственного лица, что влечет в большинстве случаев неэффективность выбранных приемов психологического воздействия.

Для повышения психологической защищенности следователя (дознателя) от рассматриваемых негативных влияний ему со стороны субъекта противодействия следует совершенствовать свой эмоциональный интеллект [28].

Это означает наличие способности отслеживать собственные эмоциональные реакции, идентифицировать их, называя, и понимать их отличия от других реакций.

Владение техниками по распознаванию эмоционального интеллекта позволяет осуществлять контроль над эмоциями и развивать гибкость в переходе между различными состояниями [29, с. 29].

Следовательно, перед правоохранительными органами стоят задачи повышения эффективности психологической подготовки будущих следователей (субъектов дознания) по преодолению криминального психологического воздействия со стороны допрашиваемых.

Таким образом, психологическая безопасность деятельности следователя тесно связана с наличием у него значимых профессионально-психологических качеств и умений, способствующих преодолению противодействия расследованию уголовного дела.

2.2. Техники и приемы преодоления конфликтного взаимодействия между следователем и подозреваемым (субъектом противодействия) на предварительном следствии

При выполнении следователем возложенных на него полномочий полностью исключить его участие в конфликтных ситуациях на предварительном следствии не представляется возможным.

Своевременное преодоление конфликтных ситуаций имеет важное значение для следователя, так как подобный конфликт между следователем и подозреваемым (обвиняемым) может перерасти из межличностного в межгрупповой, общественный, этнический.

Конфликт не должен выражаться в применении психического насилия, не должен нести в своем развитии и последствиях допущение существенных уголовно-процессуальных нарушений.

Умение управлять конфликтом возникает в результате усвоения определенной суммы знаний, использования конструктивных техник и приемов, применяемых на практике [30].

Межличностный конфликт – это противостояние, противоборство между следователем и допрашиваемым как следствие взаимоисключающих интересов и позиций.

Для регулирования конфликтного взаимодействия между следователем и подозреваемым необходимо использовать ряд стадий разрешения возникших противоречий и перехода от психологического сопротивления в плоскость сотрудничества.

К основным стадиям тактического урегулирования конфликтного взаимодействия между следователем и субъектом противодействия относятся: а) изучение личности субъекта противодействия (подозреваемого, обвиняемого) в процессе проведения беседы, б) выяснение отношения допрашиваемого к следственной ситуации и собранным доказательствам, в) обсуждение причин возникших разногласий по разрешению сложившейся конфликтной ситуации, г) заключение компромиссного соглашения.

Для успешного осуществления профессионального общения следователю необходимо хорошо ориентироваться в личностных особенностях проходящих по делу лиц, особенно подозреваемого (обвиняемого). Следователю необходимо иметь сведения об образе жизни обвиняемого, его социальных связях, круге знакомств, бытовых условиях.

Изучение личности субъекта противодействия необходимо для того, чтобы установить с обвиняемым психологический контакт, установить позитивные межличностные отношения, иметь возможность заслужить его конъюнктивную оценку.

Мы согласны с утверждением О. В. Полстовалова о том, что «установление следователем (дознавателем) психологического контакта с большинством участников предварительного расследования является значимым и важным методом разрешения конфликтных следственных ситуаций» [31, с. 27–30].

Основу разрешения конфликтных следственных ситуаций составляет ряд эффективных техник и приемов установления психологического контакта:

- 1) демонстрация уважения (интереса) к личности собеседника;
- 2) произнесение имени собеседника (обращение в сферу бессознательного);
- 3) обращение к объединяющему с собеседником предмету общения;
- 4) акцентирование эмоционально значимой темы, вызывающей позитивную психологическую активность собеседника;
- 5) активное (эмпатическое) слушание – демонстрация внимания к собеседнику;

6) невербальные способы – ненавязчивый зрительный контакт, доброжелательная мимика, открытые жесты, «внимающая» поза;

7) вербальные способы – резюмирование, повторение фрагментов фраз, парафраз.

Знание приемов установления психологического контакта способствует смягчению и снятию состояния противостояния до наступления стадии конфликтного взаимодействия.

В ходе предварительной беседы с допрашиваемым следователем могут быть активно использованы данные о личности обвиняемого для установления позитивных межличностных отношений. Так, во время подготовки к расследованию многоэпизодного дела, изучая данные о личности задержанного по подозрению в присвоениях и растратах Ш., следователь установил, что жилищно-бытовые условия у его беременной жены и малолетнего сына тяжелые и Ш. тяжело переживает это. Накануне предъявления Ш. для ознакомления постановления о привлечении его в качестве обвиняемого следователь узнал, что жене Ш. ее мать подарила отдельную приватизированную квартиру и жена с сыном переселились в нее.

Следователь сообщил Ш. об этом перед предъявлением ему постановления о привлечении в качестве обвиняемого. Сообщение это послужило темой продолжительной предварительной беседы следователя с Ш., во время которой между ними возник прочный психологический контакт и позитивные межличностные отношения, которые привели следователя и Ш. к сотрудничеству в течение всего процесса расследования [32].

Одной из важнейших личностных особенностей обвиняемых является тип их самозащиты, показывающий уровень конфликтности допрашиваемых.

В частности, обвиняемые, прибегающие к эмоциональному типу самозащиты, стремятся вызвать у следователя определенные чувства посредством репрезентации своего фона настроения, что необходимо учитывать в процессе установления психологического контакта с допрашиваемым.

Однако следует отметить, что обвиняемые далеко не всегда прибегают к активной форме защиты. Нередко способом защиты они избирают уход от общения, отказ от дачи показаний.

Следующим за изучением личности допрашиваемого идет этап выяснения отношения допрашиваемого к следственной ситуации и участникам расследования.

Следственная ситуация для подследственного имеет особое значение, так как во многом определяет его дальнейшую жизнедеятельность, что вызывает занятие им при расследовании определенную позицию, в которой выражается его отношение к ситуации, оказываемым на него воздействиям и следователю как субъекту таких воздействий. Эта позиция обуславливается его ценностями, ориентациями и установками, но определяющую роль играет личностная оценка ситуации с точки зрения ее развития и результатов, поэтому является ситуационно-личностной.

Среди позиций, от которых зависит наличие и степень противодействия следствию, необходимо выделять позиции содействия и противоборства расследованию.

Исходя из этого, основной задачей психологического воздействия является изменение неблагоприятной позиции противоборства в благоприятную позицию содействия расследованию. С помощью различных методов психологического воздействия необходимо нейтрализовать мотивы противостояния и изменить в тактических целях свое отношение к этим лицам.

Следователь может сам выдвинуть определенную гипотезу относительно взглядов своего оппонента на ту или иную проблему и открыто высказать ее приблизительно в следующей форме: «Проблема возникла из-за того, что у нас разные точки зрения на ...»

Такая конструкция предположения о возможном расхождении взглядов может направить конфликтную сторону по одному из трех вариантов поведения:

1) конфликтующая сторона воспримет психологическое воздействие как должное и согласится с выводом следователя относительно имеющихся расхождений;

2) оппонент следователя не согласится с мнением последнего по поводу причин возникшей конфронтации и решит высказать свой взгляд на этот счет;

3) конфликтующая сторона откажется высказываться по возникшей проблеме.

В случае отказа от продолжения диалога взгляды конфликтующей стороны остаются невыясненными.

Отказ давать пояснения относительно возможных разногласий нередко может служить основанием для преодоления конфликта только лишь посредством изобличения.

Следующий этап связан с обсуждением причин возникших разногласий по разрешению сложившейся конфликтной ситуации.

Следователь не должен отказываться от возможности преодоления конфликта посредством поиска общих принципиальных позиций, обсуждения возникших причин и ведения переговоров в целом. Такой путь преодоления конфликта позволяет допрашиваемому занять сознательно правильную позицию своим волевым решением, основанным на собственных нравственных убеждениях.

Для преодоления конфликта необходимо выяснить мотивы возникшего психологического сопротивления, противоречия интересов и целей участников уголовного судопроизводства.

Сосредоточенность на интересах субъекта противодействия, на выработке общих позиций на основе анализа выявленных мотивов конфликтного поведения позволяет разрешить конфликт.

Именно интересы допрашиваемого информируют следователя о мотивах противодействия, раскрывая субъективные причины оказываемого противодействия.

К специфическим мотивам, характеризующим особенности допрашиваемого, относятся:

- стремление избежать наказания (боязнь возмездия и его последствий);
- самозащита (готовность защищаться от критики, обвинений, отстаивание собственных прав, самооправдание);
- доминирование (стремление управлять другими и контролировать их);
- приспособление (проявление конформистских тенденций);
- поиск покровителя (потребность в защите и помощи);
- эгоизм (стремление поставить свои интересы выше интересов других).

Следовательно, такой подход способен создать основу актуализации противодействующей стороной общественно-значимых ценностей

Следующей стадией урегулирования конфликта является заключение соглашения, которое носит весьма условный характер.

Заключение соглашения в ходе преодоления конфликта, возникающего в процессе расследования, означает разъяснение допрашиваемому всех негативных последствий, предусмотренных законом в случае оказания противодействия расследованию: заведомо ложный донос, дача ложных показаний свидетелями и потерпевшими и др.

Следователь достигает консенсуса с обвиняемым путем проведения переговоров с целью убеждения его в максимальной выгоде для него бесконфликтного поведения. Переговоры как метод разрешения конфликтов – это система, представляющая собой совокупность тактико-криминалистических приемов, обращенных на поиск наиболее выгодных решений для обеих конфликтующих сторон.

Аргументация может быть самой разнообразной, например неприменение уголовно-процессуальных мер пресечения, а если применение, то не связанных с ограничением свободы, разъяснение положительных правовых последствий оказания содействия в раскрытии и расследовании преступления, возможность наложения более мягкого наказания судом и др.

Разрешение уголовного дела (основного конфликта) с использованием примирительных процедур представляет одну из важнейших проблем криминалистической теории.

Положительные моменты возможности использования примирительных форм разрешения дела или так называемой сделки о признании вины. В качестве положительных моментов реализации упрощенной процедуры разрешения дела ввиду заключения сделки о признании обвиняемым своей вины можно выделить: уменьшение агрессивности между сторонами конфликта самым оптимальным путем, обвиняемый показывает готовность не только признать свою вину за совершенное преступление, но и раскаяться в содеянном.

Исходя из конфликтного взаимодействия с допрашиваемым, следователю необходимо выбрать собственный управленческий стиль поведения, соответствующий конфликтной следственной ситуации.

Наиболее эффективным, с точки зрения преодоления конфликта, является стиль компромиссного поведения.

Данный стиль предполагает, что следователь в ходе взаимодействия с допрашиваемым идет на определенные уступки или правовые послабления для обвиняемого (подозреваемого) в виде: оформления «деятельного раскаяния» в обмен на дачу правдивых показаний (признание вины), применение меры пресечения, не связанной с изоляцией от общества, в обмен на активное содействие раскрытию и расследованию преступления и т. п. Умение договариваться, вызвать у обвиняемого интерес в быстрейшем раскрытии преступления в обмен на снисхождение

со стороны следователя позволяет в короткие сроки решить поставленные задачи уголовного судопроизводства.

Кроме того, заключение соглашения со стороны следователя может выглядеть и как разъяснение сущности смягчающих вину обстоятельств, в частности, чистосердечного раскаяния и активной помощи следствию.

Убеждение составляет основу заключения соглашения в любом конфликтном взаимодействии [33].

Убеждение – это словесно-логическое воздействие на нравственное и правовое сознание личности допрашиваемого, направленное на рациональную составляющую поведения. Это основной метод психологического воздействия, предполагающий наибольшую активность допрашиваемого в изложении своих взглядов. Целью убеждения является изменение отношения допрашиваемого к ситуации расследования и к самому себе.

В криминалистической литературе отмечается, что предъявление одного или нескольких разрозненных доказательств, как правило, малоэффективно, поэтому необходимо оперировать взаимосвязанной совокупностью приемов убеждающего воздействия, ориентированных на преодоление конфликтной ситуации допроса.

Преодоление конфликтного противодействия следствию включает ряд техник и приемов убеждающего воздействия:

- а) приспособление аргументации к личности собеседника,
- б) выяснение интереса, скрытого за позицией
- в) концентрация аргументов, которая характеризует накопление в своем поле аргументации доводов, поддерживающих собственный тезис или опровергающих тезис противника,
- г) деконцентрация аргументов (разделение и подчеркивание отсутствия логической связи аргументов противника),
- д) предоставления бремени доказывания (дать возможность оппоненту высказать все аргументы своей позиции),
- е) прием оттягивания возражения (применяется в случае затруднения в немедленном опровержении доводов оппонента),
- ж) разъединение и объединение аргументов.

Все названные приемы носят ситуативный характер в следственной тактике и могут иметь разную доказательную силу в зависимости от следственной ситуации.

Особое значение здесь приобретают «автономные аргументы». Независимость сконцентрированных аргументов друг от друга позволяет в

случае опровержения их подозреваемым перейти без существенных потерь к следующему аргументу.

Данный прием схож с разъединением и объединением аргументов, однако в последнем случае необходимо учитывать логическую связь предъявляемых доказательств и иной информации. Убеждение не сводится только к тому, чтобы субъект противодействия понял прочность и правильность позиции следователя. Следователю необходимо убедить противодействующую сторону в необходимости содействия расследованию.

В психологии убеждающего воздействия можно выделить «конструктивное убеждение», которое направлено на то, чтобы конфликтующая сторона переориентировалась на помощь следствию.

Таким образом, преодоление конфликтного взаимодействия на предварительном следствии с помощью различных техник и приемов представляет собой процесс формирования убежденности субъекта противодействия (допрашиваемого) в необходимости и допустимости принятия позиции сотрудничества со следствием и тем самым конструктивного разрешения имеющихся противоречий, получив при этом ожидаемый результат в рамках закона.

2.3. Рефлексия как процесс мысленного проектирования диалога с допрашиваемым в конфликтных ситуациях допроса

В процессе расследования следователь нередко сталкивается с различными формами психологического сопротивления со стороны отдельных заинтересованных лиц и целых групп, юридический статус которых затрагивается событием преступления и результатами его расследования.

Как правило, этот процесс протекает в условиях конфликта, где объектом выступает юридическая истина.

Основные цели участников допроса (следователя и допрашиваемого) могут не совпадать или приобретать прямо противоположный смысл, что влечет за собой обострение конфронтации сторон, ожесточенный спор, агрессивную полемику и др.

При этом следователю приходится вступать в диалог с адвокатом или адвокатами, которые обеспечивают интересы клиента. В результате плотность содержательной информации возрастает, возникают сюжеты взаимодействия, задаваемые психологическими особенностями и уровнем

профессионализма адвоката, возрастает объем информационного шума и времени, необходимого для осмысления высказываний сторон.

Фигура адвоката может играть как отрицательную роль, жестко контролируя характер высказывания своего клиента и тем самым усложняя планирование действий следователя, так и положительную – усиливая позицию следствия, соглашаясь с возможными негативными последствиями в случае отказа его клиента от дачи правдивых показаний.

В подобных ситуациях переход к диалогу создает наилучшие предпосылки для обеспечения взаимодействия, взаимопонимания сторон и, в конечном счете, сотрудничества.

Под диалогом понимается равноправный, уважительный, искренний обмен информацией между сторонами, в равной степени заинтересованных в торжестве законности и справедливости уголовного процесса.

Таким образом, в процессе допроса в условиях конфликтного следствия может возникать диалог как одна из форм процесса развития следственной деятельности.

Следователь должен уметь организовать пространство для полноценного диалога и оптимально использовать его потенциал в интересах поиска и установления юридической истины, что может являться признаком высокой профессиональной культуры субъектов предварительного расследования и диалоговой компетентности.

Диалог как форма организации речевого взаимодействия на этапе предварительного следствия является уголовно правовым средством достижения целей расследования и преодоления возможного противодействия.

В свою очередь допрос – это концентрированное выражение комплекса психологических средств и методов диалогического общения следователя с проходящими по уголовному делу субъектами в интересах получения доказательственной информации.

Подвергая психологическому анализу цели и смыслы реакций субъектов в процессе допроса, а также совокупность информации о поведении субъекта противодействия, следователь должен осуществлять опережающую рефлекссию вероятной линии своего поведения и поведения допрашиваемого.

В данном контексте под рефлексией понимаются не столько способности человека размышлять за другое лицо, имитировать его

рассуждения, сочетая эту мыслительную работу с анализом собственных рассуждений, сколько процесс проектирования поведения и деятельности другого посредством передачи ему «правдивой и значимой информации».

В динамической модели сложившейся ситуации следователь отражает мыслительную деятельность подозреваемого, имитируя ход его мыслей и его поведения и, оперируя логикой его мышления, принимает решение о тактике своих действий.

Тем самым рефлексивное управление осуществляется в отношении самого следователя в форме рефлексивной саморегуляции, а в отношении субъекта противодействия осуществляется регуляция посредством передачи информации, якобы объективно отражающей обстоятельства преступления, но в действительности предопределенной стороной следствия, отвечающей интересам этой стороны.

Смысл рефлексивного управления и рефлексивного проектирования поведения заключается в изменении информационного статуса или ранга сторон предварительного расследования. Как правило, высшим рангом обладает представитель государства, так как он работает в команде и в его распоряжении все необходимые ресурсы оперативного и психологического обеспечения деятельности. Тем не менее, субъект расследования учитывает также степень информированности субъекта противодействия по поводу искажаемых им обстоятельств. Для этого он прибегает к различным способам получения информации, в том числе, рефлексии, то есть пытается «думать за другого» и строить прогностическую модель развития обстановки и поведения допрашиваемого, пытается понять возможные цели и направления его будущих действий.

Посредством рефлексивных рассуждений следователь многократно и разнопланово просматривает, продумывает, переживает позицию субъекта противодействия, соотносит ее с оптимальными тактическими и психологическими приемами, операциями, целями расследования.

Необходимость рефлексивных рассуждений и умозаключений обусловлена тем, что принятие следователем юридически значимых решений зачастую происходит в ситуациях противодействия и связано с высокой степенью тактического риска. Когда следователь вынужден принимать решения в сложных для него условиях, где как уход от риска, так и необоснованное его принятие могут привести к наступлению неблагоприятных юридических последствий.

Таким образом, рефлексия как мысленное проектирование диалога с допрашиваемым позволяет следователю в определенном смысле

проектировать и свою собственную тактическую линию поведения, прогнозировать поведение допрашиваемого.

Важно помнить о некоторых специфических особенностях рефлексивного проектирования диалога в возможной конфликтной ситуации допроса между следователем и допрашиваемым, занимающими разное процессуальное положение [34, с. 51–56].

Когда ситуация складывается не в пользу подозреваемого, то актуальное значение приобретают его личностные свойства и состояния. Поэтому в процессе мысленного проектирования диалога с субъектом противодействия в конфликтной ситуации допроса необходимо учитывать свойства личности допрашиваемого.

Рефлексивный анализ, как один из способов скрытого управления, дает возможность представить информационную картину события преступления и возможные ее изменения в процессе диалога сторон на предварительном следствии.

Как отмечает профессор В. Л. Васильев первым уровнем такого изменения, очевидно, следует считать коммуникативный, характерный для процесса общения с подозреваемым (обвиняемым). Это первичный уровень диалога и отношений следователя с допрашиваемым. Здесь наблюдается динамика различных форм взаимодействия: от недоверия и конфронтации, к психологическому контакту, диалогу и сотрудничеству. Благодаря сотрудничеству с обвиняемым следователь может в установленные УПК сроки получить качественную информацию о событии, которой никто другой в данный момент не владеет.

В условиях отсутствия достоверной информации о намерениях допрашиваемого задачами начальной стадии допроса может быть проверка обоснованности предположения об оказании противодействия следствию. В этот период возможно избрание выжидательной тактики, реализация которой предполагает временную передачу инициативы допрашиваемому.

В таких случаях допрашиваемому предлагается дать показания об интересующих следствие обстоятельствах в форме авторского рассказа. Семантика рассказа может содержать важные для следствия личностные характеристики и смыслы поведения допрашиваемого.

В тех случаях, когда в распоряжении следователя имеются, по его мнению, необходимые и достаточные результаты рефлексивного анализа, он прибегает к стратегии прогнозирования возможного преодоления противодействия уже в ходе первого допроса.

В таких случаях он может избирать открытую наступательную тактику, реализация которой предполагает демонстрацию недоверия к показаниям допрашиваемого.

Наиболее оптимальным вариантом является опровержение показаний по существу путем предъявления информации о действительных обстоятельствах, характере и участниках расследуемого события, о которых допрашиваемый дает ложные показания.

Рефлексивное проектирование диалога с противодействующим лицом может быть основано:

а) на частичной или полной неосведомленности этого лица о тактических планах следователя, о степени его информированности;

б) на дефиците информации для продуманных контрдействий.

Тем самым следователь получает средства, и прежде всего временной выигрыш, для «строительства» различных вариантов мыслительной деятельности допрашиваемого, которые в зависимости от того, на кого и на какие инстанции психики направлены, определяют соответствующий ранг рефлексии сторон.

Следователь должен иметь при этом более высокий ранг рефлексии, чтобы путем опережающего мысленного воспроизводства рассуждений подозреваемого раскрыть сущность его замысла защитного поведения, предвидеть динамику состояния и прогнозировать реакции субъекта противодействия. Только в таких условиях следователь может настолько «погрузиться» в интеллектуальные и эмоциональные процессы подозреваемого, чтобы в каждое мгновение диалога быть способным распознавать и давать верную оценку каждой его реакции, преодолевать попытки сокрытия истинных мотивов поведения.

Кроме этого, для следователя важно в «пирамиде» рефлексиирующих участников уголовного расследования занять верхнее место, чтобы контролировать ситуацию с учетом своей позиции и позиций противодействующих лиц.

Качество рефлексивного анализа в данном случае напрямую зависит от информационной осведомленности партнеров по общению, которая обуславливает ранг рефлексии и степень взаимной эмпатии партнеров. Поэтому важно, чтобы рефлексивное проектирование диалога могло бы осуществляться как на подготовительном этапе допроса, так и непосредственно в процессе его производства.

Структура рефлексивного диалога складывается из трех основных компонентов: а) умения правильно вести себя, то есть грамотно проявлять свои чувства, выбирать подходящие в данной ситуации вербальные и

невербальные формы поведения, чтобы быть понятым собеседником; б) понимать партнера, то есть «читать» по внешнему поведению его мысли и чувства, предугадывать его намерения; в) видеть и слышать партнера, то есть быть внимательным к его действиям, словам, интонациям, замечать перемены во внешнем облике, не пропускать то, что он говорит.

До встречи с допрашиваемым вся информация, находящаяся в распоряжении следователя (данные о личности допрашиваемого, куда входит анализ его поведения до задержания, в момент задержания, после произведенного задержания, его поступки и склонности; качество и объем доказательственной информации, находящейся в распоряжении следователя), должна быть оценена и сопоставлена с информацией, которой, возможно, располагает допрашиваемое лицо.

Чем меньше информации о личностных качествах обвиняемого(подозреваемого), о его позиции по делу находится в распоряжении следователя до допроса, тем большее количество моделей (вариантов) его поведения предстоит продумать и учесть в дальнейшем.

Однако следует помнить, что даже при неукоснительном соблюдении этого требования каждая из созданных рефлексивных моделей будет обладать множеством неточностей, так как, во-первых, на ранних стадиях расследования (в особенности до первого допроса) следователь еще не располагает полным банком данных о личностных, психологических качествах допрашиваемого, во-вторых, естественно, он не в состоянии предвидеть все вероятные варианты его поведения.

А. Р. Ратинов отмечает, что «есть немало таких психических актов, в том числе и самооценка людьми своих действий, их внутреннее отношение к различным сторонам действительности, суждения и мысли и, наконец, сама человеческая речь, которые могут быть поняты лишь в результате личного словесного общения» [35, с. 33].

Поэтому для распознавания позиции допрашиваемого с целью дополнения, уточнения и корректировки созданной модели допроса, выбора из продуманных ранее вариантов собственной тактической линии поведения наиболее оптимального и окончательного механизма рефлексивного управления необходимо непосредственное общение следователя с допрашиваемым.

Успешность управления диалогом во многом зависит от ситуации профессионального общения следователя с допрашиваемым.

Очевидно, что в ситуациях профессионального общения следователя с допрашиваемым нередко возникает настороженность допрашиваемого и эмоциональный фон общения усложняется. Это может быть связано с

вынужденным характером общения со следователем, с наличием у следователя властных полномочий, с эмоциональным состоянием допрашиваемого и т. п. То есть, оказавшись в ситуации расследования, допрашиваемый, как правило, испытывает беспокойство о своей безопасности.

Таким образом, важнейшая задача следователя – удовлетворить потребность допрашиваемого в безопасности и предсказуемости намерений и поведения сторон.

Когда допрашиваемый убедится, что следователь, полностью разделяет его чувства, он начнет воспринимать невербальные сигналы юриста с большим доверием и с большей готовностью будет откликаться на них. В этот момент необходимо вывести допрашиваемого из зоны напряжения и дискомфорта в зону эмоционального равновесия.

В процессе установления взаимопонимания необходимо начинать с оценки внешних признаков поведения допрашиваемого. Далее в процесс понимания включать результаты уже понятого и вновь прогнозировать поведение, пытаясь проникнуть в содержание внутреннего мира собеседника, раскрывающее причины его поведения, а также возможные дальнейшие поступки.

Для формального контакта с допрашиваемым достаточно иметь общий язык, совпадающие значения и смыслы фактов и предметов действительности.

Важно понять не только непосредственное значение сообщения, но и выделить тот внутренний смысл, который стоит за его значением.

А. Р. Лурия выделяет в психологическом анализе понимания высказывания три составляющие, к которым относит: а) восприятие внешней, развернутой речи, б) понимание общего значения высказывания, в) понимание подтекста высказывания [36].

Техника обеспечения взаимного понимания как средство продуктивного общения направлена на решение следующих проблем в работе с субъектом противодействия:

- а) понять допрашиваемого и его видение данной ситуации;
- б) быть понятым им так, чтобы это соответствовало цели совместной деятельности [37].

Подозреваемый во время дачи показаний является своеобразным информационным источником различного рода информации, в частности широкого круга вербальных и невербальных поведенческих актов, которые воспринимаются следователем большей частью по визуальному и аудиальному каналу.

Из всего объема поступающей информации следователю необходимо вычленив правдивую, ту, что имела место в действительности.

Основным аспектом деятельности следователя при взаимодействии с допрашиваемым является выявление семантической стороны вербального (словесного) сообщения конкретного допрашиваемого, т. е. смыслового аспекта коммуникативных действий. Понимание сущностных признаков неискренности (лживости) в поведении допрашиваемого является важным аспектом деятельности следователя.

К наиболее важным характеристикам индивидуально-психологического плана следует отнести такие свойственные проявления личности, как экспрессия глаз, мимика, особенности речи, внешние проявления атрибутики, одежда, смысловое содержание уголовных татуировок, использование жаргонных слов и выражений. Все эти признаки могут свидетельствовать о подозрительности, скрытности, нервозности, развязности, проявлении настороженности допрашиваемого.

Задача следователя эти проявления увидеть и правильно интерпретировать, т. е. понять, что за ними скрывается.

Для следователя важно не только правильно и умело общаться с допрашиваемым, но и уметь оказывать психологическое влияние на него: склонять к своей точке зрения, убеждать, стимулировать положительные проявления в его поведении, принуждать к даче правдивой информации и разоблачать ложь.

Таким образом, рефлексия как процесс мысленного проектирования диалога с допрашиваемым на предварительном следствии позволяет скрыто управлять субъектом противодействия в конфликтных ситуациях допроса. Облеченная в удобную и неопасную для собеседника форму, представленная в нужный момент информация не только воспринимается, но и переживается, и трансформируется в качестве «своей», программируя поведение оппонента.

2.4. Психологические защитные механизмы поведения преступника в процессе оказания противодействия расследованию

Изучением психологических защитных механизмов у разных категорий преступников (наильников, корыстных, рецидивистов и др.) занимались многие отечественные психологи и юристы: Б. Г. Бовин, М. И. Еникеев, А. Р. Ратинов, Г. Х. Ефремова, А. В. Репин, В. М. Труш, Ю. А. Шаранов, и др. [38; 39; 40; 41, с. 228–230].

Результаты исследований убедительно доказывают, что криминальный опыт преступника, неоднократно оказывающего противодействие расследованию, позволяет ему противостоять давлению неосознаваемой потребности освободиться от психотравмирующего влияния защитной доминанты.

Вследствие накопления преступного опыта формируется защитная мотивация противодействия следствию в виде отказа от дачи показаний либо в даче ложных показаний [42, с. 13].

Именно эти и другие защитные механизмы поведения преступника запускают соответствующую стратегию противостояния работе следователя.

Изошренность, с какой действуют преступники, ставит задачу психологического противодействия уже со стороны субъектов расследования, направленного на разрушение убеждений, ценностных установок, представлений, которые использует виновный для борьбы с представителями правоохранительных органов.

В свое время А. Р. Ратинов и Г. Х. Ефремова подобное противодействие объясняли «действием механизмов психической самозащиты, которые снижают, нейтрализуют или вовсе снимают социальный контроль, его барьерное, тормозящее действие» [43, с. 45].

По мнению А. Р. Ратина, в этих случаях действуют не вполне осознанные тенденции, формирующие искаженное видение действительности.

Эти иллюзорные представления позволяют индивиду сохранять веру в свою правоту, высокую самооценку, минимальный душевный дискомфорт и тем самым внутренне противостоять следователю.

Дальнейшие исследования в этой области позволили выдвинуть два экспериментально обоснованных предположения.

Во-первых, негативное отношение к процессу расследования имеет место со стороны всех участвующих в деле лиц, что неизбежно служит причиной противодействия; во-вторых, само принятие социальной роли лица, привлекаемого к расследованию, как правило, вводит это лицо в конфликтное состояние, характеризующееся установкой на противодействие [44, с. 69–70].

Защитные механизмы противодействия начинают формироваться уже при возникновении преступного умысла, а затем в ходе совершения умышленного преступления и сокрытия его следов.

Совершая умышленное преступление, преступник, как правило, стремится уклониться от ответственности за противоправные деяния, тем

или иным способом воспрепятствовать полному установлению всех обстоятельств преступления, используя для этого различные средства и способы воздействия на следы преступления и лиц, включенных в процесс расследования.

Квалифицированный преступник делает все возможное, по его мнению, чтобы скрыть следы преступления, крайне затруднить расследование, ввести следователя в заблуждение и, в случае раскрытия преступления [45, с. 3–4], прибегает к выработке различных защитных мотивов личности, направленных на противодействие расследованию и уход от уголовной ответственности.

Исследования показывают, что процесс формирования защитного механизма противодействия расследованию проходит в своем развитии ряд этапов: а) актуализация потребности в уходе от уголовной ответственности после совершения умышленного преступления, б) возникновение внутреннего конфликта как противоречия между совершенным преступлением и угрозой разоблачения, в) осознание инкриминируемого деяния как угрозы личностному, психологическому и нравственному статусу, г) принятие решения об оказании противодействия следствию, д) выработка защитных мотивов по оказанию противодействия расследованию уголовного дела (самооправдание, обоснование жизненной философии и др.).

После совершения умышленного преступления субъект преступления находится в состоянии внутреннего напряжения, которое характеризуется широким спектром психических свойств и состояний личности, среди которых наибольшее значение приобретает система мотивов, ценностей и установок как значимых отношений, побуждающих ее к оказанию противодействия расследованию.

В общей мотивационной сфере преступника потребность уйти от ответственности занимает теперь ведущее положение. Эта потребность – во что бы то ни стало избежать наказания – порождает такой сильный эмоционально насыщенный мотив, как страх перед наказанием, который, в свою очередь, является «мотиватором» всей последующей, в том числе и противоправной деятельности, направленной на достижение вновь возникших целей: уничтожить следы преступления, искусственно создать новые, выдать за действительное событие вымышленное, тем самым направить следствие по ложному пути и избежать наказания, либо хотя бы смягчить его.

Само преступное деяние и отношение преступника к содеянному, т. е. осознание им своей вины, порождают чувство страха перед

наказанием, боязнь ответственности, поскольку последняя в большинстве случаев связана с ограничением его привычных жизненных потребностей. Понимая это, виновный начинает изыскивать возможности восстановления нарушенного равновесия, возобновления обычного для себя порядка удовлетворения потребностей. Он совершает различного рода действия и поступки или определенным образом бездействует, считая, что это поможет ему избежать разоблачения и наказания за совершенное преступление или, во всяком случае, уменьшит его вину.

Угроза и чувство страха разоблачения активизируют защитные механизмы противодействия, направленные на устранение или хотя бы уменьшение предполагаемых опасных последствий уголовного преследования, которые по расчетам преступника должны его оградить от разоблачения и наказания.

Страх перед наказанием может мотивировать два конкурирующих вида маскировочного поведения субъекта: а) прекратить активность (первое значение слова «маскировка» – совершение действий с целью спрятаться); б) контролировать ситуацию с тем, чтобы вовремя воздействовать на вновь открывшиеся по ходу следствия обстоятельства (второе значение слова «маскировка» – сокрытие с помощью чего-то показного, притворного, ролевого).

Выбрав первый вид защитного поведения, преступник теряет возможность контроля, выбор второго заставляет его совершать действия, которые могут привлечь внимание правоохранительных органов. Именно необходимость такого выбора задает предмет внутреннего конфликта и стимулирует возрастание эмоционального напряжения [46, с. 37].

Состояние внутреннего напряжения возникает в силу причастности субъекта к преступлению, непосредственной связи с предметом преступного посягательства либо осознания вины и ответственности за совершенное и скрываемое преступление.

Это эмоционально-волевое состояние доминирует в период расследования преступления. В данном случае речь идет о внутриличностном конфликте, при котором потребность в уходе от уголовной ответственности за совершенное преступление вступает в противоречие с личностно значимыми ценностями (например, продолжить совершать преступную деятельность, утаивать, скрывать свои преступные цели и намерения и т. д.).

Внутренний конфликт – это несогласованность между внутренней психологической структурой личности преступника и требованиями внешней среды [47, с. 122].

Такой тип конфликта нарушает внутреннюю целостность и устойчивость «Я» концепции, прежний уровень адаптации субъекта к требованиям сложившейся ситуации.

Внутренний психологический конфликт возникает тогда, когда субъекту кажется, что он не в силах противостоять угрожающему характеру ситуации, связанной с его разоблачением. В такой ситуации наиболее остро воспринимаются и оцениваются сложившиеся обстоятельства, создается смысловая модель-программа поведения правонарушителя, формируются сознательные цели и действия, посредством которых реализуется эта программа.

На определенном уровне, когда подозреваемый оценивает возникшую жизненную ситуацию как крайне неблагоприятную, ему свойственно ощущение повышенной тревоги, выражающееся в переживаниях и опасениях за личную безопасность и безопасность тех, кто ему дорог.

В подобной ситуации с целью избавления от подобных, зачастую избыточных переживаний начинают реализовываться механизмы психологической защиты в форме противодействия расследованию. Это утверждение носит еще гипотетический характер и требует дополнительных исследований.

В многочисленных публикациях и словарях можно обнаружить разные определения психологической защиты. Так, в авторитетном психологическом словаре под ред. В. П. Зинченко и Б. Г. Мещерякова психологическая защита трактуется как система регуляторных механизмов, которые направлены на устранение или сведение к минимуму негативных, травмирующих личность переживаний, сопряженных с внутренними или внешними конфликтами, состояниями тревоги и дискомфорта [48, с. 116].

Другими словами, психологическая защита всякий раз актуализируется в сложной ситуации потому, что это «система регуляторных механизмов». Надо понимать, что эти механизмы непосредственно связаны с различными инстанциями человека и действуют на сознательном и бессознательном уровне, захватывают психофизиологические и личностные образования.

Ю. М. Антонян с коллегами определяют психологическую защиту индивида как способ стабилизации личности в критических условиях конфликта, связанный с устранением или ослаблением чувства тревожности путем обесценивания предмета конфликта [49, с. 223].

Данное определение вносит в уже известные трактовки психологической защиты один новый сюжет, а именно необходимость «обесценивания предмета конфликта». На наш взгляд, авторы не учли следующее обстоятельство: психологическая защита связана не столько с действием «регуляторных механизмов», сколько с механизмами саморегуляции личности.

В этой связи «обесценивание предмета конфликта», безусловно, полезное действие с точки зрения психотерапевтического эффекта, направленное на снижение чувства тревожности, исключает из поля зрения сферу мотивации и смыслов деятельности субъекта. Ценность мотива поведения или деятельности, как правило, должна фиксироваться и удерживаться субъектом на всем ее протяжении вплоть до ее реализации.

Иначе действие механизмов психологической защиты обесценивает не столько смысл предмета конфликта, сколько ставит под сомнение весь процесс достижения главной цели деятельности субъекта.

Следовательно, психологическая защита индивида – это особый процесс психической саморегуляции личности, направленный на сознательное разрешение внешних или внутренних конфликтов, к которому она обращается с целью урегулирования внутреннего психического состояния, сохранения самоидентичности, субъектности, личностной целостности и своего юридического статуса.

Одним из механизмов психологической защиты выступают мотивы самооправдания преступного поведения, что выражается в следующих формах: искаженное представление о криминальной ситуации или ее понимание как рокового стечения обстоятельств, убеждение в формальности нарушаемых норм, обыденности подобных действий, приукрашивание своей роли в совершенном преступлении, облагораживание истинных мотивов собственных действий (стремление играть роль «борца за справедливость»), изображение себя жертвой принуждения, вероломства и обмана, ненормальных условий жизни, утверждение своей исключительности.

Многие преступники отрицают сознательный выбор противоправного варианта поведения, стремятся доказать обусловленность преступления внешними обстоятельствами, а не внутренними причинами.

Стремление подозреваемого скрыть свой преступный образ «Я» от следствия выступает в качестве защитного мотива при расследовании уголовного дела. Более всего допрашиваемый переживает неудовлетворение собой, неприятие собственного «Я» как неуспешного и

неэффективного что всегда болезненно. Это может быть причиной противодействия практически любого участника процесса, если он оценивает свои действия как несоответствующие образу своего «Я».

«Я-концепция» определяет стиль и динамику отношений подозреваемого со следователем.

Когда субъект убежден, что следователь не сможет доказать его вину, он держится самоуверенно, так как надеется, что за счет сокрытия информации об обстоятельствах совершенного преступления ему удалось «спрятать все концы», указывающие на его причастность к совершенному деянию. «Я-концепция» с завышенной самооценкой подкрепляет эту необоснованную уверенность в себе.

Когда данного подозреваемого следователь уличил в совершении преступления, то «Я-концепция» резко изменяется, перспектива жизни рассматривается только в пессимистическом аспекте, что определяет и повышенную «сопротивляемость» при допросе и других следственных действиях, мобилизует субъекта на активное противодействие следователю.

Следовательно, если правильно интерпретировать основные слагаемые «Я-концепции» подозреваемого, то прочтение защитных мотивов, выступающих в качестве противодействия личности, значительно облегчается и дает массу новых возможностей для формирования различных приемов и методов работы с данным субъектом. противодействия.

Одной из важных задач следователя в процессе преодоления противодействия расследованию является анализ защитной позиции допрашиваемого, направленной на противодействия расследованию [50, с. 340].

Защитная позиция противодействия подозреваемого – это совокупность различных психологических способов и приемов, в том числе ролевого или сценарного поведения, используемых для создания ложной информации о собственной непричастности к совершению преступления или перекладывания вины на других лиц.

Формирование защитной позиции допрашиваемого происходит при взаимодействии трех ее составляющих элементов. Во-первых, это проявление того или иного способа психологической защиты, во-вторых, связанные с этим приводимые оправдательные или объясняющие мотивы и причины преступления и обстоятельства, в-третьих, как следствие, отношение к предъявленному обвинению.

Исследования показывают, что подозреваемые, совершившие корыстные преступления, наиболее часто используют для оказания

противодействия расследованию такие защитные механизмы, как проекция, рационализация, частичное признание своей вины, компенсация, идентификация и др. Чтобы понять, как работают данные психологические механизмы, нужно вначале определить данные понятия.

1. Проекция – это наделение окружения негативными качествами, что придает собственным действиям позитивный, защитный характер.

2. Рационализация – отыскание логических аргументов для оправдания лжи.

3. Компенсация – попытка придать своему поведению положительную окраску за счет утверждения собственной исключительности или исключительности ситуации.

4. Идентификация – это отождествление себя с другим человеком, группой как нравственным образцом поведения.

Подозреваемые, использующие такой защитный механизм, как проекция, обычно демонстрируют свой враждебный настрой к окружающим. Они как бы проецируют свою вину на других и переносят свои личные трудности на посторонних.

Подозреваемые при этом часто утверждают, что похищенные средства на самом деле просто пропали, что их не украли или что в данном случае наверняка произошла какая-то ошибка.

Такие субъекты противодействия предпринимают усилия для минимизации квалификации преступления и утверждают, что ни один из их знакомых этого хищения совершить не мог. Они обычно пытаются оправдать намерения преступника, а не его действия.

Корыстные преступники нередко используют механизм рационализации. Давая показания, подозреваемые не считают, что сделали что-то плохое, совершили преступление. Стараясь выглядеть лучше, социально приемлемо, они находят всяческие оправдания своим действиям и обвиняют при этом самих потерпевших, их аморальное поведение, либо обстоятельства, способствовавшие совершению преступления.

При анализе и обоснованности показаний необходимо обращать внимание на то, что действие механизма рационализации всегда направлено на сокрытие истинной мотивации поведения. Так, метод рационализации, направленный на объяснение мотивов противоправного поведения, способен вызвать нарушение внутреннего равновесия личности.

Тенденция оправдывать собственное преступное поведение тесно связана с понятием «криминальное алиби» [51, с. 17].

Алиби, согласно психоаналитическому подходу, создается по механизму рационализации, то есть посредством нахождения вполне удовлетворяющего индивида объяснения своему поступку, при этом сам факт преступности не отрицается. Главная цель создания криминального алиби – это описать собственное аномальное поведение без угрозы дискредитации своей принадлежности к нормальным членам общества и избежать идентификации себя с осуждаемыми обществом людьми.

При использовании механизма идентификации подозреваемые стремятся убедить следователя и других лиц, что они в принципе не могут совершить ничего плохого, что они постоянно помогают другим, заботятся о больных, честно работают и т. д. Тем самым они доводят свою высокую самооценку до пределов возможного.

Они также демонстрируют свои положительные и социально одобряемые качества, показывая тем самым следователю разницу с обыденным образом преступника, и уверяют, что не способны на совершения корыстного преступления.

Нередко при допросе подозреваемый стремится к маскировке определенной части информации о событии, которую, на его взгляд, возможно утаить от следователя, так как он в настоящий момент не располагает необходимыми данными о подлинной картине преступления [52, с. 1].

Частичное признание своей вины подозреваемым в ситуации допроса может выступать как умышленная установка на сокрытие истины и как сообщение того, что в настоящий момент уже известно субъекту относительно события преступления, его отдельных обстоятельств.

Установка подозреваемого на сокрытие значимой части информации может проявляться в сообщении ложных сведений, заявлений об алиби, а также умолчании об отдельных известных ему фактах.

В конфликтных ситуациях допроса подозреваемые нередко прибегают к демонстрируемой самооценке для создания якобы объективного отношения о своей непричастности к преступному деянию. Демонстрируемая самооценка – это своеобразная позиция субъекта, за которой скрываются подлинные личностные качества преступника. Она отражает то, каким образом подозреваемый выставляет себя на показ, чтобы соответствовать правовым нормам и выполняемой роли.

Подобная защитная позиция возникает в том случае, когда подозреваемый стремится скрыть свои отрицательные личностные качества (месть, жадность, жестокость, лживость), знание которых следователем может иметь для него нежелательные последствия, указывающие на его причастность к преступному деянию.

В конфликтных ситуациях противодействия допросу следует обращать внимание на психическое состояние фрустрации подозреваемого.

Фрустрация – это мотивационное и эмоциональное состояние, возникающее в результате блокирования целенаправленного поведения.

Состояние фрустрации представляет собой переживание неудачи, «крушения» планов. Оно вызывает состояние неопределенности, тревоги, особое беспокойство, страх, стремление уклониться от освещения тех или иных обстоятельств, растерянность, что существенно сказывается на общем сопротивлении влиянию и воздействию, идущему по другим каналам.

Фрустрация требует разрядки. Такой разрядкой для обвиняемого может стать дача правдивых показаний. Вот почему состояние фрустрации в некоторой степени может расцениваться как положительное явление при использовании его следователем в целях оказания психологического воздействия.

В частности, Л. Б. Филонов отмечает, что состояние фрустрации является не просто катализатором, облегчающим влияние, но оно является фактором, способствующим непрерывному воздействию, безостановочному «расшатыванию» отдельных и частных барьеров, условием, обеспечивающим разрушение всей оборонительной системы (имеется в виду «оборонительная система» как отказ обвиняемого давать правдивые показания).

Умение следователя распознавать противоречивые фрустрационные состояния допрашиваемого помогают успешно осуществлять целенаправленный поиск информации о причастности подозреваемого к совершенному преступлению и противодействии следствию.

Этим объясняется то, что наибольший эффект воздействия может наступить сразу вслед за «ударом» по замыслам об удержании в тайне какой-то значимой информации на пути к реализации цели [53, с. 42–43].

В силу действия психологических защитных механизмов подозреваемый (обвиняемый) старается скрыть или приуменьшить свою вину в совершении преступления, переложить ее на других лиц, на внешние обстоятельства, на ситуацию, дать более привлекательное объяснение своим мотивам и целям, чем это имеет место на самом деле, скрыть действительные цели совершения преступления [54, с. 18; 31, с. 77–78].

Организуя воздействия на субъектов, оказывающих противодействие расследованию, необходимо использовать различные тактические и психологические приемы влияния на мотивационную сферу личности

допрашиваемого, конструируя их в соответствии с действием разнообразных защитных механизмов, позволяющих получить правдивые показания [11; 55, с. 49].

Таким образом, изучение защитных механизмов субъекта противодействия (подозреваемых) в конфликтных ситуациях допроса позволяет преодолевать противоправное противодействие следствию.

Выводы по второй главе

1. Дано определение понятию «безопасность профессиональной деятельности следователя». Исследованы психологические факторы профессиональной безопасности следователя в процессе преодоления противодействия расследованию.

2. Выделены техники и приемы преодоления конфликтного взаимодействия (приемы установления психологического контакта, приемы убеждающего воздействия и др.) в профессиональном общении следователя и субъекта противодействия(подозреваемого) на предварительном следствии.

3. Изучен феномен «рефлексии» как мысленное проектирование, моделирование диалога с допрашиваемым в конфликтной ситуации на предварительном следствии., что позволяет скрыто управлять субъектом противодействия расследованию.

4. Исследованы виды и условия формирования психологических защитных механизмов противодействия расследованию.

Глава 3. Зависимость способов скрытого управления от предмета доказывания и типологии личности подследственного

3.1. Предмет доказывания как способ конструирования единого континуума расследования. Технология криминального профайлинга в процессе расследования преступления

В криминальной психологии теоретически и практически доказана закономерная взаимосвязь типа личности преступника с предметом преступного посягательства и способом совершения преступления. По сути дела, все высококвалифицированные преступники могут быть отнесены к определенному типу личности. Пожалуй, это один из тех немногих случаев, когда появляется возможность создать теоретически и практически валидную классификацию в юридической психологии.

А вот что касается разработки психологической концепции личности преступника, то до сих пор ее нет. С подачи А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна, А. В. Петровского, К. К. Платонова и некоторых других психологов в юридической психологии утвердился взгляд на личность как универсальную структуру. И хотя специалисты все же рассматривали отдельные психические образования, такие как способности, характер личности, волевые качества, аффективные процессы и свойства самосознания, это не выходило за пределы общепсихологической модели личности.

Трактовка личности в трудах юридических психологов еще долго оставалась внеличной. Другими словами, предполагалось, что инвариантная психологическая структура личности должна «работать» везде, в том числе в правоприменительной практике. Однако в деятельности сотрудников полиции, оперативных и следственных подразделений возникают такие сложные, по-настоящему уникальные ситуации, что сотрудникам самим приходится моделировать личность подозреваемого и обвиняемого. При этом постоянно ощущается нужда в простом и компактном, надежном и мобильном инструментарии для диагностики и оценки проходящего по делу субъекта.

Так, о судебно-психологической экспертизе написаны фундаментальные монографии и учебники, активно развиваются технологии полиграфологии и профайлинга. И тем не менее, следует признать, что каждая технология, каждый метод и прием, который

используется в интересах следственной или оперативно-розыскной деятельности, имеет свои ограничения. В этой связи основным адресатом, главным потребителем научных достижений психологов и юристов все равно выступает следователь, оперативный сотрудник или дознаватель. От уровня профессиональной компетентности этих сотрудников во многом зависит эффективность преодоления криминального противостояния субъектов предварительного расследования.

Так, следователь в процессе изучения субъекта противодействия вынужден обращаться к анализу особенностей различных уровней личности, учитывать динамику психики при переходе личности к системе права, от права к соотношению социального, межличностного, личностного и индивидуального.

На каждом уровне происходит или смена доминирующей деятельности, или ролевого профиля, или механизмов репрезентации опыта личности.

Приходится искать наиболее устойчивые, фиксированные свойства поведения личности, которые поддаются контролю и управлению. В этом смысле наиболее удобной для проведения следственных и иных процессуальных действия выступает личность, относимая к определенному типу преступника.

Такая личность отличается, как правило, психической ригидностью, устойчивостью индивидуальных систем поведения в норме и патологии, высокой психологической устойчивостью к стресс-факторам криминальной среды и соответствующим опытом, языковой структурой сознания и формой общения, ментальным опытом понимания чувств и эмоциональных переживаний другого, понимания обмана, реальной угрозы и умения защищаться от манипулирования.

В свою очередь и у следователя интенсивное применение технологии профайлинга приводит к перестройке ментального опыта и структурно-уровневой иерархии психики, способа переработки информации, типов «вербальных эталонов» восприятия экспрессии эмоционального состояния другого человека, так как предполагает включенность метасистемного уровня в само ее содержание. Важно подчеркнуть, что квалифицированный преступник и следователь обладают каждый своим опытом, в том числе, ментальным, им приходится всякий раз строить умственную картину события заново в конкретных условиях и для специфических целей.

Начальный этап расследования, как правило, характеризуется слабоструктурированной по своему содержанию и динамике

доказательной информацией, неоднозначным пониманием и интерпретацией смысла добытого предварительного материала. Единственным конституированным средством организации единого континуума расследования является предмет и способ преступного посягательства, цель и предмет доказывания. Получается, что умысел на противодействие расследованию – это проекция личностного опыта, соотношение контроля поведения, совладания и психологических защит субъекта преступления, а также предмета доказывания. По каждому пункту поведения личности подследственного, целей и смыслов доказывания существуют способы и методы скрытого управления субъектом противодействия. В частности, на практике часто бывает, что достаточно следователю в процессе беседы изменить организацию и содержание речевого общения, как тут же у подследственного возрастает общий уровень тревоги.

В ряду признаков, которые могут быть положены в основу психологического профиля лидера организованной преступной группы, относятся так называемые личностные различия. Исследования этого плана строятся на сравнительном анализе особенностей людей, совершивших разные преступления. Авторы такого рода исследований склонны считать, что имеется какая-то особая причина, толкающая человека на путь совершения особого вида преступлений.

Работы Айзенка (1997 г.), вскрывающие личностные различия между особыми типами преступников, возможно, являются наиболее типичными для этого направления исследований.

Применение результатов подобного рода исследований на практике сталкивается с неразрешимыми проблемами. Тем не менее нужно согласиться, что личность индивида так или иначе отражается в способе совершения преступления. Проблема заключается лишь в том, чтобы идентифицировать «реальные» переменные, действительно имеющие прямую связь с личностными особенностями преступника.

Как показывают исследования, по сравнению с другими преступниками организаторы преступной группы являются более адаптированными, т. е. более приспособленными к различным социальным ситуациям и их изменениям: лучше ориентируются в социальных нормах и требованиях.

В рамках совершенствования противодействия преступным проявлениям большую значимость приобретает проблема создания

комплекса превентивных мер для выявления и предотвращения противоправных действий с максимальной эффективностью.

Решением данной проблемы может быть разработка новых технологий, эффективно помогающих в борьбе с преступными проявлениями, одной из таких технологий является криминальный профайлинг [56].

В научной литературе не существует однозначного понимания криминального профайлинга.

В. А. Кудин и В. М. Статный под криминальным профайлингом понимают составление психологического портрета предполагаемого (разыскиваемого) преступника с использованием комплекса психологических методик по диагностике личностных особенностей [57].

С. Н. Ениколопов определяет криминальный профайлинг как совокупность действий специалистов, занимающихся расследованием преступления, направленную на выявления личностных особенностей преступников и их жертв, отношений между ними, их мотивации и действий во время совершения преступления [58].

Анализ приведенных точек зрения позволяет определить криминальный профайлинг как технологию составления психологического профиля преступника и других лиц на основе наблюдения и анализа наиболее информативных признаков поведения, диагностики и оценки вариативности или устойчивости намерений, установок и мотивов, а также прогнозирования поведения в процессе проведения следственных действий.

Для изучения личности лидера организованной преступной группы следователь может использовать технологию составления психологического профиля преступника.

Технология составления психологического профиля лидера организованной преступной группы представляет собой программу изучения, которая включает в себя алгоритм последовательных действий, связанных с получением криминальной и психологической информации на различных этапах расследования, в процессе проведения следственных действий.

К основным этапам составления психологического профиля личности лидера преступной группы относятся:

1. Первый этап – изучение социально-демографических сведений лица (фамилия, имя, отчество, возраст, место рождения, место постоянного проживания, образование).

2. Второй этап включает изучение социальных и криминологических качеств личности лидера группы, ее социальные роли, принадлежность к определенной социальной группе, профессии, отношение к военной службе, род занятий, место работы, трудовой стаж, наличие судимости. С учетом полученных данных необходимо определить, к какой социальной группе принадлежит допрашиваемый, затем определить черты, свойственные данной группе и, наконец, экстраполировать эти черты на допрашиваемого.

3. На третьем этапе должны быть изучены социально-психологические качества лидера, которые являются продуктом жизнедеятельности личности и ее развития как объекта общественных отношений. Сюда относятся: устойчивость намерений, ценностные ориентации, установки, потребности, интересы, и др.

4. Четвертый этап включает изучение психофизиологических качеств и свойств лидера (особенности темперамента, эмоций, чувств и др.), влияющих на создание организованной преступной группы.

5. На пятом этапе изучению подлежат индивидуальные особенности психических процессов, свойств и качеств личности, акцентуаций характера, которые позволяют спрогнозировать будущее поведение подозреваемого в процессе расследования преступления.

К числу основных методов, с помощью которых следователь может получить информацию о социально-демографических, уголовно-правовых и социально-психологических характеристиках личности лидера организованной группы в процессе проведения следственных действий, относятся:

а) проведение вводной беседы с подозреваемым (обвиняемым);

б) анализ и обобщение независимых характеристик, позволяющий выявить у подозреваемого черты криминального характера, противоправные способы достижения целей (осторожность, изобретательность, настойчивость, рискованность и т. д.), устойчивость мотивов и стиль деятельности;

в) наблюдение за поведением подозреваемого в процессе проведения следственных действий. Оно позволяет получить информацию о

направленности и интенсивности коммуникативных контактов с отдельными членами группы, о сплоченности преступной группы, и др.);

г) анализ и оценка речевых сообщений, его направленность;

д) оценка невербального поведения подозреваемого (жестикауляция руками, непроизвольное складывание рук и др.);

е) оценка эмоционального состояния допрашиваемого.

Для выявления личностных черт лидера при первом общении с ним следователю важно правильно оценить признаки его поведения и внешнего облика, так как по одним из них можно судить о возрасте, национальности, поле, по другим – о культурном уровне человека, его образовании, принадлежности к тому или иному социальному слою.

Некоторые из признаков, по которым следователь может судить о лидере-организаторе, имеют более или менее постоянный характер, например манера поведения, внешний облик человека. Другие же отличаются большой вариативностью, например речь человека, которая меняется в зависимости от обстановки, эмоционального состояния и других причин. Вот почему определенные выводы о личности лидера (подозреваемого) следует делать не по одному замеченному признаку, а по совокупности признаков, их комплексу.

Изучение всей совокупности социальных и психологических качеств лидера организованной преступной группы позволяет следователю понять, как установить с ним в кратчайшие сроки психологический контакт, как получить признательные показания у причастного лица [59].

Большую роль в выявлении личностных качеств лидера, установлении соучастников, конкретизации роли каждого из них в преступлении играет допрос. Специфика допроса подозреваемых состоит в особенностях отношений и взаимодействий между людьми, направляемых, в первую очередь, приемами управления, планами и скрываемыми тактическими соображениями. Вся деятельность двух участников допроса подчинена стратегии борьбы. Это борьба за выгодные позиции и конкретные, наиболее приемлемые для каждой из сторон результаты.

При допросе подозреваемого (обвиняемого) необходимо учитывать ряд следующих особенностей:

а) состояние подавленности, повышенной психической напряженности, депрессии, вызванное страхом перед наказанием, б) большую заинтересованность в исходе дела, преобладание защитной доминанты, активно-оборонительную позицию, в) негативное отношение к

свидетелям обвинения, г) повышенную психическую напряженность, аффективное состояние в критических моментах расследования, д) повышенный самоконтроль, обостренное внимание к наиболее «опасным» обстоятельствам [49].

Важно учитывать черты личности лидера преступной группы, способствующие оказанию противодействия допросу. К ним относятся:

а) мотивационные свойства и качества личности лидера преступной группы (стремление доминировать, стремление самоутвердиться за счет других, устойчивость намерений, установок, мотивов, враждебность, лживость, завышенная самооценка, эгоцентрическая направленность и большая потребность в общественном признании);

б) интеллектуальные свойства личности (наличие криминального опыта, знаний, навыков оказания противодействия расследованию, стереотипность и консерватизм мышления др.);

в) психофизиологические свойства и качества нервных процессов (сила, устойчивость нервных и эмоциональных процессов и др.);

г) коммуникативные свойства личности (коммуникативность, умение оказывать воздействие на соучастников и др.);

д) эмоционально-волевые свойства личности (стрессоустойчивость в проблемных ситуациях, самообладание при принятии решений и др.).

Одной из основных задач, направленных на выявление субъекта противодействия допросу, является диагностика и изобличение ложных показаний [60].

Диагностируя ложность показаний, следователь может избрать ту или иную тактику, в частности изобличить допрашиваемого при его первых попытках ввести следствие в заблуждение, позволить допрашиваемому дать ряд ложных показаний и затем изобличить его по совокупности доказательств.

При расследовании групповых и организованных преступлений следователю противостоит прежде всего лидер-организатор преступной группы. Преступная группа, как правило, ориентируется на поведение лидера, его поведение на следствии: для всех членов группы он остается референтным, его оценки ситуации и указания о линии поведения остаются обязательными.

Используя свой авторитет и влияние на членов преступной группы, лидер стремится замаскировать свою действительную роль в группе, диктует выгодную для него линию поведения на следствии,

предпринимает все меры для сокрытия полной картины преступной деятельности группы [61].

Прежде чем определять психологические качества лидера преступной группы, выясним, что такое лидерство. Лидерство – это способность оказывать влияние на отдельных индивидов и коллектив в целом, в частности направлять их усилия на достижение каких-либо целей. Лидерство – это результат одновременно как объективных (интересы, цели и задачи группы в конкретной ситуации), так и субъективных (индивидуально-типологические особенности индивида как инициатора и организатора групповой деятельности) факторов.

Суть объективного фактора в случае выдвижения лидера организованной преступной группы состоит в том, что члены группы выбирают того, кто принесет большую пользу их общей деятельности – совершению преступной деятельности, который с точки зрения других членов группы наилучшим образом способен проявить себя в любой ситуации. Успешный результат в совершении преступлений способствует закреплению в преступной группе лидера.

Субъективный фактор включает в себя индивидуальный набор качеств лидера организованной преступной группы.

Лидер вынужден проводить постоянную самооценку собственной личности и ее отражения в сознании участников группы: ретроспективу самооценки деятельности (как выглядит минувшая преступная акция, какие допущены ошибки, убытки, возможные каналы утечки информации, последствия); актуальную самооценку (что происходит, какие результаты и тенденции сложились, как формируются в текущем периоде взаимоотношения, где зарождается опасность и в чем, и т. д.); перспективу – каковы результаты развития группы, какие приоритеты, в чем может выразиться возможный конфликт, каким будет психологический климат в группе, какие эмоции могут помочь группе, а какие могут навредить, как сбалансировать эмоциональное состояние группы.

Лидер организованного преступного формирования – это активный и наиболее важный участник, который с согласия и воли членов группы, а иногда и по воле, навязанной извне, выдвигается на руководящую роль с целью обеспечения коллективной преступной деятельности организации для достижения общего результата в условиях достаточно значимой криминальной ситуации.

В организованной группе лидер выполняет ряд существенных функций: организующую, информационную, нормативно-ценностную и др.

Организирующая функция проявляется в создании и руководстве преступной деятельностью группы, совершением преступлений, организации противодействия следствию. Выполняя информационную функцию, лидер организованной группы аккумулирует информацию как о внутренней жизни группы (знание о настроениях и специфике отношений между членами группы позволяет владеть обстановкой), так и поступающую извне. Без информационного анализа существование и дальнейшее развитие группы невозможно. Нормативно-ценностная функция состоит в формировании общих взглядов и ценностей в группе, обеспечивающих ее психологическое единство.

Следовательно, именно во многом благодаря выполнению лидером социально-психологических функций преступная группа становится сплоченной, происходит распределение ролей, возникает организованная группа или преступная организация.

Ситуационное моделирование личности организатора преступной группы напрямую связано с проблемой типологии преступников и их психологическим профилированием [62, с. 41] и прогнозированием поведения в процессе проведения следственных действий.

Система криминального профайлинга позволяет выделить психотип лидера организованной преступной группы, склонной к совершению тяжких преступлений, таких, как причинение тяжкого вреда здоровью, террористический акт, убийства, бандитизм и др.

При исследовании психотипа личности криминального лидера важно дифференцировать черты его характера, личностные качества в зависимости от рода деятельности, созданной им криминальной группировки и способа осуществления руководства над ней.

Как правило, такой лидер жесток, негибок, бескомпромиссен, он представляет собой определенного рода идеал «криминализированной личности», вбирая в себя все ценности преступной субкультуры.

Наиболее яркими чертами характера таких лидеров являются жестокость, беспощадность и холодность по отношению к обществу, институты которого они презирают. Они безучастны к интересам людей, которые находятся в их подчинении, имеют собственную философию и мировоззрение, которые имеют тенденцию распространять на своих подчиненных. При этом они не просто используют подходящую ситуацию, они не ждут ее, напротив, активно создают ее, преодолевая любые препятствия.

Психологический профиль лица, склонного к организации преступной группы, совершающей тяжкие преступления, включает также

такие личностные качества, как открытость (экстравертированность), развитое мышление, внутренняя напряженность, нетерпеливость, эстетическая разборчивость и честолюбие, смелый авантюризм, рассудительность с высоким уровнем самоконтроля, жестокость, упрямство в достижении целей, низкое чувство вины [63, с. 51].

Неотъемлемым качеством лидера является властность. Эта совокупность качеств предполагает стремление к личной независимости в любых обстоятельствах, готовность к борьбе за свои права, высокую самооценку [64].

У лидера организованных преступных групп, как показывают исследования, также отмечаются психические аномалии характера – психопатии.

Психопатии – это такие аномалии характера, которые практически не изменяются в течение всей жизни человека; характеризуются устойчивыми поведенческими стереотипами, которые позволяют успешно прогнозировать поведение психопатических личностей в ходе расследования преступлений, совершенных организованными преступными группами.

В исследованиях установлена определенная зависимость между патохарактерологической реакцией в форме суицидальных тенденций и акцентуацией характера истерического типа.

Психопатии истероидного типа – это наиболее распространенный вид аномалии характера, встречающийся среди лидеров организованного преступного сообщества.

По мнению П. Б. Ганнушкина, одним из ярких признаков истерического поведения является так называемый «суицидальный шантаж» или «псевдосуицид». При этом истерик, как правило, наносит себе неопасные раны в области предплечья или кистей рук, четко фиксируя реакцию окружающих, на которых, собственно, и рассчитан весь этот психопатический концерт.

В качестве примера истероидного типа можно выделить психологический профиль известного лидера ОПГ Сергея Цапка.

По всем признакам, исходя из материалов уголовного дела, Сергей Цапков является психопатом истероидного типа: всегда капризен, театрален, поведение в быту и коллективе носит характер постоянной «игры на публику», очень высокомерен, завистлив, злопамятен, взбалмошен, истеричен.

Привязанности Цапка непрочны, интересы – неглубоки. Главная цель в жизни у Сергея – обратить на себя внимание и в полном объеме

реализовать свой «комплекс Наполеона», добившись абсолютной власти над окружающими его людьми.

Таким образом, составление психологического типа личности лидера организованной преступной группы с помощью различных методов диагностики личностных особенностей позволяет следователю разработать мероприятия по нейтрализации его влияния на соучастников. Это важно при расследовании организованных групповых преступлений, поскольку следствию противостоит, прежде всего, лидер-организатор группы, что вызывает необходимость принять все меры к его выявлению.

Технология криминального профайлинга повышает возможность преодоления группового противодействия расследованию в процессе проведения отдельных следственных действий.

3.2. Криминалистические аспекты противодействия доказыванию в процессе расследования преступлений

С развитием организованной преступности в последнее время проблема противоправного противодействия доказыванию приобрела особенную актуальность и остроту в области криминалистики и уголовно-процессуального права.

Это обусловлено тем, что, во-первых, процесс доказывания регламентируется уголовно-процессуальным законом, во-вторых, положения криминалистики реализуются также в рамках уголовного процесса, в-третьих, организованное противодействие процессу доказывания оказывается не только на стадии предварительного расследования, но и на судебных стадиях.

В современных условиях противоправное противодействие доказыванию характеризуется высокими качественными показателями. Оно подготавливается и осуществляется на высоком профессиональном уровне с использованием различных, иногда очень сложных способов. Данное явление создает препятствия установлению истины и реализации назначения уголовного судопроизводства.

Наиболее действенным противодействие становится, когда на уголовно-процессуальной арене появляется защитник-адвокат. Это объясняется тем, что в процессе оказания противодействия он использует свой профессиональный опыт и знания. Защитник, координируя действия своего подзащитного, посредством злоупотребления предоставленными процессуальными правами осуществляет активное, но в то же время

осторожное противодействие установлению объективной истины по уголовному делу. В большинстве случаев защитник приступает к выполнению своих функций после возбуждения уголовного дела. Соответственно, с этого времени начинает оказываться активное противодействие доказыванию по уголовному делу.

Процесс доказывания в уголовном судопроизводстве – это познавательно-удостоверительная деятельность следователя, осуществляемая в установленном уголовно-процессуальном законном порядке по собиранию, проверке, оценке и использованию доказательств в целях установления обстоятельств происшедшего события.

В уголовно-процессуальной теории выделяются следующие этапы процесса доказывания: поиск, обнаружение и закрепление доказательств, их проверка и оценка.

Процесс доказывания предполагает наличие предмета доказывания.

Предмет доказывания – это то, что необходимо установить с помощью судебных доказательств, чтобы правильно разрешить дело, выполнить требования задач уголовного судопроизводства.

УПК требует установить: а) событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления), б) виновность обвиняемого в совершении преступления и мотивы преступления, в) обстоятельства, влияющие на степень и характер ответственности обвиняемого, указанные в ст. 61 и 63 УК РФ, а также иные обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, г) характер и размер ущерба, причиненного преступлением, д) причины и условия, способствующие совершению преступления.

Этот типовой перечень обстоятельств, составляющих предмет доказывания, может дополняться в соответствии с уголовно-правовой квалификацией.

В юридической литературе встречается ряд определений такого сложного правового понятия, как «противодействие доказыванию».

В. В. Трухачев определяет противодействие как «способ (форма) воспрепятствования реальному или потенциальному расследованию, заключающийся в разработке и реализации действий, направленных на упреждение и нейтрализацию расследования на основе моделирования и (или) анализа действий лиц, его осуществляющих [65, с. 33]. Профессор Ю. Г. Торбин считает, что противодействие доказыванию – это противоправные или иные по своему характеру действия (бездействие), комплекс действий или поведение лица (лиц), направленных или

способствующих смягчению и (или) уклонению виновных от уголовной ответственности и наказания за совершенное общественно опасное деяние [66].

Следовательно, противодействие доказыванию выражается в умышленной деятельности по воспрепятствованию деятельности следователя по выявлению, закреплению, проверке, оценке и использованию доказательств и рассмотрения уголовного дела по существу в целях изобличения лица (лиц) в совершении им преступления на всем протяжении процесса доказывания.

Важно отметить, что одной из форм противодействия доказыванию является сокрытие доказательственной информации и ее источников, которыми могут распоряжаться субъекты [24, с. 65–67] противодействия расследованию.

Субъект противодействия – это физическое лицо, которое, независимо от степени его вовлечения, в процессе доказывания при расследовании конкретных преступлений совершает действия (бездействие), препятствующие установлению объективной истины и наказанию лица, виновного в совершении преступления.

Обвиняемые (подозреваемые) как основной субъект противодействия лучше других осведомлены об обстоятельствах расследуемого преступления, в частности, они имеют возможность знакомиться в той или иной степени с информацией, добытой органами расследования.

Так, ознакомление с фабулой подозрения или обвинения, сведениями, содержащимися в других процессуальных документах, позволяет им корректировать все этапы процесса противодействия доказыванию. Кроме того, у них имеются широкие возможности при осуществлении действий в рамках процессуальных правил: давать показания следователю, заявлять ходатайства и отводы, приносить жалобы и т. д. (ст. 46–47 УПК).

Главная задача подозреваемых (субъектов противодействия) – не допустить включения доказательственной информации в доказательственную базу уголовного дела, а также дезорганизовать деятельность субъектов доказывания по установлению истины при расследовании преступлений.

Обвиняемые и подозреваемые стремятся добиться этого двумя путями: 1) скрыть имеющуюся в их распоряжении доказательственную информацию и оказать воздействие на ее носителей; 2) не дать правоохранительным органам завладеть этой информацией самостоятельно или через другие источники.

Все зависит от того, распоряжается ли противодействующая сторона той или иной доказательственной информацией и (или) ее носителями. Если распоряжается, то она их скрывает, если нет, то препятствует следствию в завладении ими или стремится опровергнуть уже добытые доказательства.

По содержательной стороне способы противодействия доказыванию можно разделить на следующие группы:

1. Способы сокрытия преступной деятельности, которые направлены на минимизацию воспроизведения доказательственной информации.

2. Способы сокрытия преступной деятельности, которые направлены на сокращение объема воспроизведенной информации.

3. Способы сокрытия преступной деятельности, направленные на дискредитацию в ходе расследования субъектов криминалистической деятельности.

4. Способы сокрытия преступной деятельности, которые направлены на лишение доказательственного значения информации, полученной и зафиксированной субъектами расследования.

5. Способы сокрытия преступной деятельности, которые направлены на лишение возможности определенных работников органов уголовной юстиции проводить расследование и судебное разбирательство [67, с. 77–79].

В криминалистической литературе достаточно подробно рассматривались такие способы сокрытия доказательственной информации и ее носителей, как утаивание, уничтожение, маскировка, фальсификация, инсценировка. Как отмечает О. Л. Стулин, особо опасными способами сокрытия являются маскировка, фальсификация, инсценировка. Так, примером фальсификации может быть оформление прошедшей датой юридически значимых документов по делам о хищениях, при этом для исключения критерия противоправности изъятия оформляется фиктивный договор в условиях психического или физического воздействия, либо для исключения критерия безвозмездности расхититель, действуя от имени юридического лица, отражает нереальную кредиторскую задолженность и т. д.

Противодействие доказыванию со стороны субъектов организованной преступной группы может выражаться в сокрытии события преступления, совершенного: а) в их организации, предприятии с целью сохранить престиж, б) по корыстным мотивам, например в целях

дальнейшего сокрытия доходов от налогообложения, получения контрабандных товаров и т. п., а также по иным мотивам: получения различных выгод и т. п. в) из личного понимания профессиональных интересов, например в целях создать видимость высокой раскрываемости или отказ в тех же целях в возбуждении уголовного дела, а также из-за возникновения угрозы продвижения по службе и т. д. г) по корыстным мотивам, в силу причастности к деятельности организованных преступных сообществ и т. п.

Организаторы противодействия доказыванию их вины по уголовному делу действуют, как правило, решительно, поскольку, во-первых, подследственный является самым информированным «источником доказательств», во-вторых, при сотрудничестве подследственный грубо нарушает обычаи уголовной субкультуры, в-третьих, это главное, сотрудничество конкретного обвиняемого со следователем по групповому делу прямо и эффективно изобличает соучастников.

Поэтому можно ожидать любых провокаций, например, следствию могут подбросить доказательства других, совершенных и несовершенных этим лицом преступлений. Такие действия направлены не только на последующее осуждение подозреваемого, но и на дезориентацию следствия, увеличение объема работы, а также на то, чтобы лишить подследственного уверенности в правильности избранного им пути, ведущего к смягчению наказания.

Противодействующая сторона может организовать систематические издевательства сокамерников над подследственным, психологическое давление через соучастников по различным каналам связи. Эти меры направлены на то, чтобы подследственный либо прекратил сотрудничество, либо покончил жизнь самоубийством. Не исключены и замаскированные под самоубийства факты убийства сокамерниками. Особенно опасен такой вариант событий, когда подследственный является основным или единственным источником доказательств против других соучастников.

Основными способами воздействия на субъект расследования являются: а) понуждение следователя к незаконным действиям или действиям, не вызванным интересами следствия к изменению меры пресечения, к прекращению дела, к переквалификации преступления на более легкое, к выделению материалов в отдельное производство с целью

затем прекратить преследование или обеспечить незначительное наказание и т. д.

б) неправомерное насилие: угрозы жизни, здоровью его и членов его семьи, угрозы воспрепятствованием служебному росту, оглаской прошлых аморальных или иных порочащих репутацию поступков и др.

При этом используются такие способы воздействия, как подкуп, шантаж, различные угрозы вплоть до прямого физического воздействия в его крайней форме – убийства. Их использование характерно для организованных преступных групп, которые не останавливаются перед физическим устранением собственных членов, задержанных в качестве подозреваемых или обвиняемых и обладающих информацией, угрожающей безопасности самих этих преступных сообществ.

Чаще всего применяется скрытое воздействие, когда следователей пытались подкупить либо в их адрес поступали угрозы и выдвигались определенные требования. Попытки подкупа и угрозы носили в большинстве своем завуалированный характер.

Характерным для дел данной категории является требование о прекращении уголовного преследования в отношении отдельных членов организованной преступной группы, как правило, руководителей.

В то же время необходимо отметить, что лица, осуществляющие доказывание, прежде всего следователи и судьи, действуют в условиях, когда на них могут оказать давление коррумпированные руководители правоохранительных органов. Данное обстоятельство должно быть учтено при определении предмета доказывания по делам о преступлениях, совершенных организованными преступными группами.

Среди способов сокрытия, направленных на дезориентацию субъектов, осуществляющих расследование, наиболее распространенными являются: дача ложных показаний; выдвижение ложных версий, создание оправдательных мотивировок; симуляция психического расстройства или психического заболевания; выдвижение ложного алиби; создание ложных следов; фальсификация доказательственной информации; создание инсценировок и иные виды маскировки.

При производстве следственных действий обвиняемый может инсценировать различные психопатические припадки, что может происходить в присутствии адвоката, который затем направляет в различные инстанции жалобы о якобы нежелании следствия отказаться от обвинительного уклона. Следователю представляются многочисленные

доказательства психического заболевания подследственного, его неустойчивой психики и т. п. В связи с этим возможны случаи ходатайств защитника о допросах различных родственников и знакомых виновного, которые могут дать показания о якобы имевших место признаках психического заболевания.

В качестве способа сокрытия преступной деятельности, направленного на дискредитацию процессуального порядка получения и фиксации криминалистически-значимой информации, выступают следующие ложные утверждения: а) о том, что следователь не разъяснил подозреваемому его права и обязанности, либо разъяснил их не полностью, б) о том, что следователь не обеспечил дополнительные процессуальные гарантии лицам, не владеющим языком, на котором ведется судопроизводство, в) о том, что доказательства были получены лицом, которое лично прямо или косвенно заинтересовано в деле.

Субъекты сокрытия чаще всего заявляют, что информация, полученная с применением видео или аудиозаписи, сфальсифицирована, имеет место так называемый монтаж. Подобные заявления характерны для лиц, обвиняемых в совершении должностных преступлений (взяточничество, злоупотребление должностными полномочиями, хищение путем присвоения либо растраты).

Наиболее распространенными способами сокрытия, направленными на минимальное оставление доказательственной информации, являются: а) понуждение людей – носителей доказательственной информации к отказу от ее выдачи правоохранительным органам, б) избрание способа совершения преступления, который ведет к минимальному воспроизведению доказательственной информации, в) подбор места и времени совершения преступления, обеспечивающих минимальную возможность присутствия очевидцев, г) маскировка преступления, д) использование технических средств и иных орудий, оставляющих минимальное количество следов.

В зависимости от характера и направленности деятельности субъекта противодействия, скрывающего доказательственную информацию, способы сокрытия подразделяются на активные и пассивные.

В первую группу входят способы, которые прежде всего получают выражение в утаивании информации. Обладая такой информацией, лицо уклоняется от сообщения ее иным субъектам, не прибегая к активным «наступательным» действиям. Такое пассивное сокрытие, например,

проявляется в отказе свидетелей и потерпевших от дачи показаний в ходе расследования.

Во вторую группу входят способы, получающие свое выражение в совершении действий, которые предполагают активное навязывание «своей игры», перехват инициативы, введение в заблуждение лиц, пытающихся установить обстоятельства исследуемого события.

Как правило, такие действия сопровождаются маскировкой, фальсификацией доказательственной информации или носят открытый агрессивный характер, когда речь идет о воздействии на носителя вербальной информации.

Особо опасные формы противоправного воздействия бывают направлены и на таких участников процесса, как свидетели и потерпевшие.

Причин противоправного воздействия на свидетелей и потерпевших несколько: а) свидетельские показания нередко являются наиболее информативными источниками доказательств, б) свидетели не так защищены силой государства как следователь, в) мотивация у данной категории лиц слабее, чем у следователя, поскольку они нередко становятся очевидцами или свидетелями помимо своей воли, случайно, г) часто среди них оказываются дети, женщины, старики и т. п., д) среди них бывают люди с низким материальным положением, что делает возможным их подкуп с целью побуждения к отказу или изменению показаний.

Воздействие на свидетелей противодействующей стороной оказывается в двух основных направлениях: свидетели склоняются к изменению или даче ложных показаний, искажается само содержание показаний. Их принуждают изменить или отказаться от уличающих преступников показаний, дать заведомо ложное экспертное заключение путем уговоров, подкупа, угроз, шантажа и т. п. (незаконно).

Поэтому указанная категория носителей доказательственной информации, с точки зрения подверженности вредным для дела влияниям, является слабым звеном в цепи участвующих в процессе расследования. В зависимости от результата допроса и особенностей показаний, которые они дали в процессе допроса, субъекты противодействия избирают соответствующее воздействие по изменению их поведения в нужную сторону.

В зависимости от того, известны ли свидетели следствию, выбирается соответствующая тактика: если следствию они не известны

или еще не допрошены, то противодействующая сторона чаще всего уговаривает их в случае допроса давать по мере информированности следствия отрицательную информацию. Если они уже допрошены, то их показания анализируются и оцениваются с целью их дальнейшего изменения в нужном направлении.

Таким образом, противоправное противодействие доказыванию по уголовным делам в отношении членов организованных преступных групп выражается в сокрытии преступной деятельности и воспрепятствовании деятельности следователя по выявлению, закреплению, проверке, оценке и использованию доказательств в целях изобличения лица (лиц) в совершении и сокрытии им преступления на всем протяжении процесса доказывания.

Выводы по третьей главе

1. Показана целесообразность изучения психологических особенностей личности лидера организованной преступной группы в процессе расследования преступлений, совершенных организованными преступными группами.

2. Исследован психотип личности лидера организованной группы, что позволяет следователю разработать необходимые мероприятия по выявлению и нейтрализации группового противодействия проведению следственных действий.

3. Исследованы способы противодействия доказыванию, которые могут быть направлены: а) на сокрытие доказательственной информации о событии преступления и ее носителей – свидетелей, потерпевших и т. п., б) на лиц, производящих расследование – следователей, работников органа дознания, в) на использование доказательств вины членов группы в процессе проведения следственных действий.

Глава 4. Психологические методы и способы выявления и преодоления признаков ухищренного криминального противодействия расследованию уголовного дела

4.1. Психологические признаки манипулятивного воздействия и способы его преодоления в процессе расследования

Одним из важнейших психологических условий повышения эффективности преодоления криминального противодействия является формирование у следователя психологической устойчивости к негативному манипулятивному воздействию при решении профессиональных задач в конфликтных ситуациях расследования преступлений.

Современный следователь должен уметь не только распознавать признаки и способы манипулятивного воздействия на него, но и уметь их нейтрализовать.

В психологии отсутствует единое мнение относительно содержания понятия манипуляции. Некоторые из авторов рассматривают манипулятивное воздействие как элемент процесса рефлексивного управления [68, с. 69–70].

В «Большой советской энциклопедии» манипуляция определяется как ловкая проделка, ухищрение, подтасовка фактов для достижения неблагоприятной цели, то же, что и махинация [69, с. 326].

Т. С. Кабаченко определяет манипуляцию как «скрытое воздействие, преследующее односторонние интересы» [70, с. 84]. По мнению Е. В. Сидоренко, манипуляцией является «преднамеренное и скрытое побуждение другого человека к переживанию определенных состояний, принятию решений и выполнению действий, необходимых для достижения инициатором своих собственных целей [71, с. 4].

Е. Л. Доценко предлагает следующее определение: «Манипуляция – это вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями» [72, с. 132].

Данное воздействие на психическую сферу личности следователя носит скрытый характер, способно против его воли изменить психическое состояние, идеи, установки и намерения, убеждения и потребности и тем самым существенно влиять на его поведение с целью сокрытия совершенного преступления.

Психологический подход к пониманию манипулирования предполагает его толкование как взаимодействия. Ибо воздействие в психологии, как минимум, имеет две стороны: субъект и объект. Это – во-первых.

Во-вторых, некоторые психологи рассматривают манипуляцию в контексте конфликта – латентного или реального [73]. Надо признать, что между манипулятором (подозреваемым) и следователем действительно существует конфликт, поскольку первый действует вопреки законным интересам второго. Другое дело, что чаще всего следователь дает себе отчет о том, что его поведением управляют, и не придает должного значения после подобного управления.

Таким образом, под манипуляцией будем понимать методы, способы и приемы использования слабостей, неточностей и ошибок субъекта расследования путем скрытого воздействия на социально-психологические установки и эмоционально-волевые состояния следователя для создания у него образа честного и правопослушного гражданина, опровергающие подозрения в его причастности к преступлению.

Различные аспекты манипулятивного воздействия в настоящее время активно используются преступниками в процессе оказания противодействия предварительному расследованию.

В частности, профессор В. Н. Карагодин отмечает, что «манипуляции широко применяются преступниками в процессе раскрытия и расследования преступлений». Как правило, манипуляторами скрывается противоправный характер оказываемого воздействия, позиционируется его законный характер путем сообщения ложных сведений о собственных намерениях, мотивах и условиях возникновения криминальной ситуации.

При этом событию преступления дается неадекватная оценка, сообщается о наличии несуществующих причин и условий, которые якобы могут быть использованы в интересах жертвы [74].

По мнению В. С. Овчинского, «манипулирование свидетелями и потерпевшими и их показаниями» как способ организованного противодействия расследованию в настоящее время является весьма типичным явлением (выявлено в 12% изученных дел) [75, с. 286] для организованной преступной деятельности.

Манипулятивное воздействие (противодействие) расследованию порождает сложные конфликтные ситуации, которые создают психическую напряженность, содержат угрозу профессиональной безопасности следователя и его профессиональной компетентности.

Подобные следственные ситуации расследования связаны с тем, что в инкриминируемом подозреваемом факте с самого начала следствия имеются доказательства соучастия подозреваемого в преступлении, совершенном организованной преступной группой.

Как правило, попытки реализации такой цели противодействия следствию осуществляются весьма активно потому, что ее достижение выгодно, прежде всего, подследственному члену преступной группы, так как это может повлечь более мягкое наказание.

В подобных ситуациях задержанные подозреваемые дают показания только по фактам, касающимся их лично (вплоть до самооговора по некоторым обстоятельствам события преступления и фактам, касающимся оставшихся на свободе членов организованной преступной группировки).

А. Д. Белоусов выделяет ряд отличительных признаков манипуляций в общении следователя с допрашиваемым. К ним относятся: а) неискренность, б) конечная цель и правила «игры» известны только одному игроку и не осознаются его партнером, в) прямой умысел и целенаправленность, г) негативность цели воздействия, д) использование субъектом психологически уязвимых черт «жертвы», е) изощренность, особая изящность данных действий [29, с. 11–15].

Обратимся к характеристике вышеназванных признаков манипулятивного воздействия, в первую очередь выделим неискренность. Она является одним из ключевых отличительных признаков манипуляции в общении. Другой важный признак психологической манипуляции – конечная цель и правила «игры», которые известны только одному «игроку» и не осознаются его партнером.

Далее, признаками манипуляции являются прямой умысел и целенаправленность. Намеренность в совокупности с расчетом на не осознаваемость объекта, на психику которого осуществляется влияние, образуют такой признак манипулятивного воздействия, как его скрытность.

В таком случае субъект манипуляции предпринимает усилия для маскировки своих истинных намерений и не помогает другому участнику коммуникации понять истинный смысл сообщения.

Подобным образом при допросе подозреваемый (обвиняемый) скрывает как важные для следствия обстоятельства, так и в целом свое намерение на противодействие, которое маскирует под мнимое сотрудничество.

Обвиняемый, манипулирующий следователем, не прибегая к открытому доминированию или угрозам, по сути пытается осуществить психологическое насилие в отношении представителя власти.

Негативность цели манипулятивного воздействия является следующим отличительным признаком исследуемого феномена.

Данная особенность в условиях допроса состоит в стремлении подозреваемого (обвиняемого) повлиять на ход размышлений, отношение и состояние следователя, чтобы направить его действия в выгодную для себя сторону.

Это влияние может быть реализовано подозреваемым в форме обмана, принуждения, занятия психологической позиции «сверху» по отношению к следователю и ряде других способов.

Манипулятивное воздействие в ходе предварительного расследования реализуется на трех уровнях.

Первый уровень характеризуется усилением установок, мотивов и позиций, которые поддерживают в сознании следователя имеющиеся у него сомнения относительно определенных сведений по делу.

На втором уровне воздействие направлено на изменение отношения к конкретному событию, отдельному факту через влияние на эмоциональное отношение к фактическому обстоятельству дела или его участнику (например, с помощью манипулятивных приемов формирование недоверия к конкретному свидетелю).

Третий уровень предусматривает изменение первоначальной позиции в целом относительно рассматриваемого дела путем сообщения следователю новых, так называемых «сенсационных» сведений, обстоятельств, которые кардинально изменяют выдвигаемые версии по делу.

Возможность реализации манипулятивного воздействия осуществляется благодаря использованию подозреваемым психологически уязвимых мест, речь идет о так называемых «мишенях» манипуляции.

В соответствии со своими намерениями и представлением о следователях манипулятор (подозреваемый) более или менее отчетливо представляет, какого рода воздействие потребуется в том или ином случае. Каждое такое воздействие предполагает изменение адресата, соответствующие интересам манипулятора. Все изменения имеют определенную локализацию в психическом мире адресата. Эта определенность и схватывается понятием мишеней воздействия. Под

мишенями психологического воздействия понимаются те психические структуры, на которые оказывается влияние со стороны подозреваемого (инициатора воздействия) и которые изменяются в направлении, соответствующем цели воздействия.

Т. С. Кабаченко (1986) и Е. Л. Доценко (1997) в качестве средства классификации методов манипулятивного воздействия предлагают различать следующие группы мишеней воздействия: 1) побудители активности: потребности, интересы, склонности, идеалы; 2) регуляторы активности: смысловые, целевые и операциональные установки, групповые нормы, самооценка, мировоззрение, убеждения, верования; 3) когнитивные (информационные) структуры: знания о мире, людях, сведения, которые обеспечивают информацией человеческую активность; 4) операциональный состав деятельности: способ мышления, стиль поведения, привычки, умения, навыки, квалификация; 5) психические состояния: фоновые, функциональные, эмоциональные и т. п.

Для понимания способов реализации мишеней воздействия необходимо знать входные каналы, через которые оно воспринимается «жертвой» и далее отправляется в подсознание.

Причем манипуляция становится возможной только в «слабых местах» психологической структуры личности следователя.

К «слабым местам» «жертвы» (следователя) манипуляции относятся стереотипность способа мышления, существующее в виде профессиональных убеждений и установок, дисбаланс системы ценностей и мотивации, например неустойчивости перед соблазнами славы, богатства, престижа, карьеры и т. п., а также избыточная аффективная ориентация всех устремлений и сил в едином направлении, для единой цели.

Такие состояния следователя, как заниженная оценка, неуверенность в собственных силах, либо усиление заинтересованности в качественном расследовании дела, могут быть отнесены к объектам воздействия манипулятора.

Несколько сложнее по характеру и времени осуществляется влияние на механизмы смыслопорождения, целевые и операциональные установки, групповые нормы, мировоззрение, убеждения и верования следователя.

Так, появление у следователя сочувствия к подозреваемому (обвиняемому) задает в его действиях оправдательный уклон; предвзятости к подозреваемому (обвиняемому) – обвинительный уклон.

Появление чувства вины перед допрашиваемым создает риски неполного или незавершенного расследования, появление симпатии к допрашиваемому как представителю противоположного пола вызвано манипуляцией побудителями активности следователя (дознателя) – его потребностями, чувствами, интересами, склонностями, идеалами.

Такие изменения в состоянии следователя, как снижение уверенности в собственных силах либо усиление заинтересованности в качественном расследовании дела, могут быть отнесены к результатам воздействия на регуляторы активности, его ценностно-смысловые установки.

Сущность такого воздействия составляют замаскированные, похожие на правду утверждения, передаваемая искаженная информация, демонстрация неискренних эмоций, чувств и отношений с целью противодействия следователю со стороны подозреваемых и обвиняемых. Так, зачастую опираясь на свои криминальные навыки и личностные качества, они не оставляют попыток уйти от уголовной ответственности на стадии предварительного расследования.

В частности, опрошенные следователи и дознаватели считают, что манипулятивное воздействие оказывают чаще всего лица, ранее судимые, обладающие сильной волей и характером, с агрессивной направленностью и достаточно высоким уровнем интеллекта. Важным для понимания сути манипулятивного воздействия является наличие у противодействующего своего рода «страховки» от разоблачения цели его неявных влияний на сотрудников и использование маскировки преступных целей, необходимых для реализации преступного замысла.

Подозреваемые используют в качестве действующего агента социальные схематизмы: сценарии, правила, нормы и др.

Основной действующий агент – это операционные схемы деятельности, их инерция, привычки, стиль мышления, логика исполнения действий. Способы побуждения – это толчок, придание ускорения, привыкание.

Мишенью манипулятора могут оказываться познавательные (информационные) процессы, когнитивные установки личности, а именно: стандартные умозаключения, схемы, модели, алгоритмы.

Возникновение у сотрудника сомнений по поводу своих убеждений о справедливости, власти, руководстве, существующих социальных угрозах и т. п. указывают, что воздействию подверглись когнитивные структуры –

знание о мире, людях, сведения, которые обеспечивают информацией человеческую деятельность.

Такие перемены у следователя (дознателя), как а) изменение настроения (подавленность, растерянность, эмоциональный подъем, эйфория и т. п.), б) желание эмоционально «взорваться», в) упадок сил, г) появление чувства страха и беспокойства в связи с расследуемым делом, отражают трансформации его психического состояния (фоновое, функциональное, эмоциональное и проч.).

Для введения следователя в заблуждение и направления следствия на путь выдвижения ложных версий субъектом противодействия используются различные манипулятивные тактики [76].

Манипулятивная тактика – это совокупность приемов и средств скрытого психологического воздействия на поведение следователя, побуждающих его к совершению действий, выгодных противодействующей стороне.

Рассмотрим психологические особенности отдельных манипулятивных тактик, используемых подозреваемыми (обвиняемыми) в процессе оказания противодействия расследованию скрываемых преступлений.

1. Тактика дезинформирования, т. е. представление «правдивой» информации для создания условий совершения следователем действий, выгодных противодействующей стороне.

Важнейшей особенностью тактики дезинформирования является наличие явного и скрытого уровней воздействия. Явный уровень выполняет функцию легендирования, скрывающей истинные намерения субъекта противодействия.

Скрытым уровнем является тот, на котором сам факт воздействия утаивается от окружающих (правоохранительных органов).

С помощью различных приемов дезинформирования подозреваемый стремится получить дополнительную информацию от следователя путем манипуляции имеющимися у него информационными данными относительно времени и места происшедшего события или личности виновного, создать у работников правоохранительных органов информационную противоречивость относительно своей причастности к событию либо обеспечить искаженной информацией, меняющей представление об истинной виновности субъекта преступления.

Так, в одном случае передаваемая информация, в частности о событии преступления, по объему может быть весьма обширна. В данном случае она включает множество различных изменений ситуации

происшедшего события, причем каждое из них содержит опасность допустить следственную ошибку, выдвинуть ложную версию, потеряв при этом время и, возможно, доказательную информацию. В другом случае манипуляции с дезинформацией о событии преступления могут приводить к дефициту доказательной информации.

2. Тактика «мнимого сотрудничества».

Псевдосотрудничающее отношение возникает в тех случаях, когда субъект дает показания о совершенном им или его сообщниками преступлении, изъявляет желание помочь следствию, хотя на самом деле его цель – сокрытие преступления. Он может привести группу совсем в другое место, дать показания с привязкой их к месту, а затем в судебном заседании отказаться от своих показаний, когда будет установлено, что оно не является местом преступления.

Расчет, здесь следующий: у следствия имеются доказательства его причастности к преступлению, надо притупить бдительность следователя своим признанием и готовностью к сотрудничеству, заставить отказаться от длительной работы по собиранию доказательств и тем самым подготовить себе основу для отказа от показаний в суде.

Подобная линия поведения подозреваемого свидетельствует о его желании получить определенные уступки, снисхождение со стороны следователя при обсуждении уголовного дела.

3. Тактика использования ошибок следователя. Подобная тактика манипулятивного противодействия уголовному преследованию представляет собой накопление информации об ошибках следователя, которые могут носить организационно-тактический или процессуальный характер. Это делается для того, «чтобы в суде выплеснуть ошибочные результаты дефектных действий следователя, а вместе с «грязной водой» и «младенца», олицетворяющего собой позитивные результаты расследования» [77].

Ю. П. Гармаев обозначил такой способ противодействия расследованию, как «расчет на недопустимость» [78, с. 247].

Расчет на недопустимость, прежде всего, заключается в нарушении порядка производства следственного действия или провокации такого нарушения. При «расчете на недопустимость» возможны различные варианты действий сторон, обусловленные спецификой конкретного следственного действия. Не следует игнорировать и поведение адвоката подозреваемого, который в интересах своего клиента также участвует в процессе фиксации ошибок следователя.

Накопление информации об ошибках следствия как форма противодействия уголовному преследованию по своей сути является законной.

4. Тактика поведения, направленная на дискредитацию следователя. Вступая в общение со следователем, подозреваемый имеет свой план действий, образ желаемого результата. Субъект противодействия нередко прибегает к ложным заявлениям о несоблюдении работниками правоохранительных органов закрепленных в законодательстве процессуальных условий получения и фиксации данной информации.

Опытные преступники-рецидивисты нередко используют «заведомый самооговор с целью последующей дискредитации в глазах суда всего остального, установленного предварительным следствием» [79].

Суть такой уловки в следующем. Усыпив бдительность следователя признанием действительно совершенного преступления, субъект ложно «берет» на себя ряд других преступных эпизодов, а в судебном заседании отказывается от всех ранее данных показаний, по которым он себя оговорил, подрывая тем самым и основной пункт обвинения.

В ходе любого следственного действия заинтересованные лица могут предпринять определенные контрдействия, которые будут препятствовать достижению задач предварительного расследования и, как следствие этого, установлению истины по делу в целом.

5. Тактика поведения, провоцирующая чувство жалости и справедливости со стороны следователя.

Как правило, подозреваемый стремится искусно имитировать различные психические состояния (расстройства), которые иногда являются действенными средствами дезинформации следователя и иных субъектов расследования.

Подобный расчет основывается на спекуляции чувствами жалости, сострадания и стремлении к справедливости со стороны следователя.

В подобных ситуациях общения подозреваемые стремятся показать другим свои чувства и переживания по поводу случившегося события, проявляют, например, чрезмерную внимательность к родственникам убитого, становятся чрезмерно раздражительными и замкнутыми по отношению к работникам органов внутренних дел и т. д. Они стремятся изменить отношение к себе, оказать влияние на следователя, чтобы у последнего возник «правдоподобный» образ справедливого отношения к человеку, якобы не причастного к совершенному деянию.

Для преодоления манипулятивного воздействия в процессе расследования преступлений необходимо использовать метод транзактного анализа.

Транзактный анализ представляет собой психологическую модель, служащую для описания и анализа поведения человека. Основу модели составляет положение о том, что любое взаимодействие можно рассматривать как обмен векторными смысловыми транзакциями, имеющими определенное состояние.

Э. Берн исходил из того, что каждый человек в различных ситуациях ведет себя по-разному, как бы исполняя психологические роли, соответствующие его разным внутренним Я, или эго-состояниям.

По мнению Э. Берна, каждый человек в процессе общения занимает в зависимости от ситуации одну из трех ролевых позиций: «Родителя», «Взрослого», «Ребенка». Эти ролевые позиции формируются у каждого человека в процессе накопления субъективного жизненного опыта.

Каждая из трех позиций может с разной степенью проявляться в любой конфликтной ситуации.

У каждого человека в процессе общения актуализируется то одно, то другое ролевое состояние. Это происходит в зависимости от ситуации общения ее участников.

В теории транзактного анализа Э. Берна возникновение конфликта связывается с тем, что в процессе общения у людей вступают во взаимодействие не соответствующие друг другу ролевые состояния.

По функциям различают Ребенка Свободного – проявляющего творчество, веселость, интерес к познанию и Ребенка Адаптивного, который выступает в двух амплуа. Это может быть Послушный Адаптивный ребенок (например, если человека обучили, что других людей нужно слушаться, нельзя громко выражать свои чувства, свое мнение) или Бунтующий Ребенок, который, наоборот, активно выражает свое несогласие, делает все наперекор. В любом случае, когда речь идет об Адаптивном Ребенке, смысловым содержанием действия становится выполнение или противодействие чьим-то чужим желаниям.

Эго-состояние «Родитель».

«Родитель» – это наша система жизненных стереотипов, воспринятых еще в детстве или сформировавшихся потом в результате воспитания, системы представлений о том, как необходимо вести себя в той или иной ситуации.

В этом случае человек проявляет Контролирующего Родителя – скопированное поведение, направленное на установление правил и влияния на окружающих.

Может проявляться вторая ипостась «Родителя» – забота. Человек копирует те формы поддержки, защиты и потакания, которые он наблюдал в своем прошлом со стороны воспитывавших его людей.

«Взрослый» – это сфера знаний, информации, самостоятельного принятия решений. «Взрослый» способен объективно оценивать людей и ситуации, не поддаваясь предрассудкам «Родителя» и иллюзиям «Ребенка».

Знание таких закономерностей помогает преодолевать в процессе расследования манипулятивное воздействие подозреваемых (обвиняемых), делает допрос более эффективным. При проведении допроса следователь должен оценить эго-состояние допрашиваемого, с которым взаимодействует, и свое собственное и правильно выстроить транзакции.

Умение правильно определять, в каком из ролевых состояний находится партнер по общению, позволяет следователю самому правильно выбрать соответствующую роль и конструктивно строить взаимоотношения. При этом необходимо, чтобы ролевая позиция одного из участников взаимодействия соответствовала ролевым ожиданиям другого.

Чтобы избежать конфликта, следователь должен принять роль допрашиваемого («родитель») и отведенную ему роль («ребенок»). Это может быть выражено следующим образом: «Действительно, ваше решение наиболее удачно. Я был не прав, когда предложил еще что-либо обсуждать» (ответ приспособляющегося «ребенка» критическому «родителю»).

Такой вариант ответа исключает развитие конфликта, хотя очевидно, что он не является продуктивным.

Нередко опытные преступники или просто искусные манипуляторы могут стремиться вывести следователя из состояния «Взрослого», добиваясь тем самым доминирующего положения при взаимодействии с ним. Например, обвиняемый может занять позицию Контролирующего Родителя во взаимодействии с молодым и неопытным следователем, обращаясь к его эго-состоянию Ребенка, критикуя его действия, провоцируя на ошибки. Это может привести к активизации у следователя состояния Адаптивного ребенка – послушного либо Бунтующего, из-за

чего он может потерять контроль и инициативу в следственном действии и в конечном итоге в расследовании в целом.

Нередко подозреваемый как специалист в какой-то сфере (например, это могут быть компьютерные технологии) может занять позицию «Родителя» исходя из того, что знает то, чего не знает следователь. Может умышленно использовать профессиональные термины тогда, когда можно было бы объяснить ситуацию доступным языком, тем самым вводя следователя в замешательство.

Возможен и другой вариант, когда подозреваемый (обвиняемый) жалуется на свою тяжелую жизнь, якобы вынудившую его пойти на преступление, просит о поправках для себя. Также допрашиваемое лицо может стараться выглядеть так, как будто чего-то не понимает, не владеет какой-либо информацией. В этом случае оно занимает позицию «Ребенка», а следователь может автоматически занять позицию Заботливого Родителя.

Например, в следственной практике произошел случай, когда подозреваемый жаловался на то, что в следственном изоляторе у него мерзнут ноги, а единственные его зимние ботинки приобщены к уголовному делу в качестве вещественного доказательства (поскольку именно в них он совершил преступление и оставил ими следы). Он попросил следователя отдать ему на ответственное хранение данные ботинки, что следователь и сделал, пожалев подозреваемого. Однако, в дальнейшем оказалось, что подозреваемый данные ботинки не носит, а передал их своему брату с целью сокрытия вещественного доказательства. Следователь понял, что жалобы на холод со стороны подозреваемого были лишь манипуляцией, которая привела к утрате вещественного доказательства.

Если бы следователь знал основы транзактного анализа, он раньше понял бы, что подозреваемый манипулирует им, пытаясь вызвать состояние Заботливого Родителя [80, с. 75].

Следует отметить, что занятие следователем позиции «Родителя» в случае занятия позиции «Родителя» допрашиваемым лицом, согласно законам транзактного анализа, может привести к открытой конфликтной ситуации, поскольку является пересекающейся транзакцией, поэтому также не желательна.

Занятие следователем позиции «Ребенка» в то время, когда аналогичную позицию занимает и допрашиваемое лицо, также не будет эффективным, поскольку превалирование в поведении эмоциональной составляющей может также привести к конфликту.

Следовательно, чтобы наладить контакт с участником расследования, необходимо понять, какой позиции придерживается партнер, какое его эго-состояние сейчас доминирует. И в соответствии с этим давать соответствующую ответную реакцию, выводя его на позицию «Взрослого», при этом гася свои автоматические реакции на попытки манипулятивного воздействия и сохраняя свою позицию «Взрослого» [81, с. 105–106].

Следователь должен уметь верно определить решающую из позиций, в соответствии с которой действует личность. Знание этой позиции дает возможность предусмотреть действия допрашиваемого и тем самым незаметно скрыто управлять им с помощью способа включения его в нужную позицию.

Как правило, наиболее благоприятной при допросе является позиция, когда и следователь, и допрашиваемое лицо находятся в состоянии «Взрослого». В связи с этим одна из задач следователя – постоянно оставаться на позиции «Взрослого» и поддерживать это же состояние у допрашиваемого, с которым он работает.

Эго-состояние «Взрослый» характеризуется тем, что человек поступает исходя из логики, мыслит объективно и реалистично, эмоционально стабилен, принимает на себя ответственность за свои действия. Из этого состояния может строиться деловое общение и конструктивный диалог.

В ролевом состоянии «Взрослого» человек ведет себя раскрепощено, по-деловому, заинтересованно, прислушиваясь к собеседнику, открыто задает вопросы, выдвигает и выбирает альтернативы, независимо. При этом речевые высказывания «Взрослого» в большинстве случаев относятся к одному какому-нибудь делу или предмету. Сам способ их подачи допускает возможность дискуссии, т. е. они не догматичны. Все вопросы начинаются со слов «как», «что», «когда», «почему» «кто», «где». Это свидетельствует о стремлении выяснить существо проблемы, стремлении к всестороннему рассмотрению вопроса, а также готовности не только обсуждать, но и работать над разрешением проблемы.

Наибольших успехов в общении добивается тот, кто умеет расположить к себе «Родителя» собеседника и сделать другом его «Ребенка». Если нарушить привычные «Родителю» нормы и стереотипы поведения или задеть его «Ребенка», то его отношение станет неприязненным, а в худшем случае враждебным. Обиженный «Ребенок» стремится к мести, с особым удовольствием он это делает тайно.

Таким образом, осуществляя свою профессиональную деятельность, следователь должен помнить, что на него может быть оказано манипулятивное воздействие в процессе раскрытия и расследования преступления.

Следователю важно понимать, что существуют признаки манипуляции, которые необходимо научиться распознавать. Для этого он должен знать те «маскирующие средства», которые использует субъект манипуляции (подозреваемый), чтобы скрыть свои истинные цели.

Использование техники транзактного анализа в процессе расследования уголовного дела может способствовать эффективному преодолению манипулятивного противодействия и, в конечном итоге, повышению эффективности и качества предварительного расследования преступлений.

4.2. Психология криминальной инсценировки как способ криминального противодействия установлению истины, приемы ее выявления и разоблачения

В процессе осмотра места происшествия важно учитывать, что многие преступники, особенно ранее судимые, хорошо знают значение обстановки места происшествия для установления личности. Стремясь направить следствие на путь выдвижения ложных версий, преступники зачастую специально оставляют «следы», придавая им отчетливую выраженность, прибегают к различным инсценировкам обстановки места происшествия.

Преступная инсценировка – это явление многогранное и многофункциональное.

Учеными-криминалистами и психологами достаточно глубоко исследованы различные аспекты понятия инсценировки в преступной деятельности.

С позиции психологии инсценировка преступления представляет собой способ психологической защиты и самооправдания (Г. Х. Ефремова, Б. Я. Петелин, А. Р. Ратинов), то есть это определенное эмоционально-волевое состояние, за счет которого формируется позиция субъекта инсценировки, его отношение к ситуации, ее оценка и регуляция поведения; страх перед предстоящим наказанием за совершенное преступление (В. Н. Кудрявцев); типичный межличностный конфликт, возникающий в процессе расследования между двумя сторонами – следователем и субъектом инсценировки (П. В. Малышкин); рефлексивное

управление (В. А. Овечкин, В. Е. Коновалова) поведением следователя со стороны преступника с целью введения его в заблуждение относительно истинного события, либо своего в нем участия, либо, наконец, с целью преуменьшения своей роли в совершении данного преступления; психологическое воздействие на сознание и поведение следователя и других лиц (В. С. Бурданова, Ю. Г. Торбин), мыслительная деятельность субъекта инсценировки (В. М. Шевченко, Н. В. Яджин); способ дезинформации (П. В. Малышкин, А. Р. Ратинов, Ю. А. Торбин, Д. А. Бурыка, Д. А. Глотов и др.).

Как правильно отмечает А. Р. Ратинов, под инсценировкой следует понимать не просто уничтожение следов или воспроизведение их появления, а искажение картины события, создание фиктивной обстановки [35].

В. В. Трухачев под инсценировкой понимает «процесс (результат) воздействия на материальные носители, находящиеся на месте происшествия (определенном месте), в целях создания дезинформации, которая, по мнению заинтересованного лица, является значимой для расследования и способствует формированию у следователей ложного представления о криминальной сущности расследуемого деяния либо его отдельных элементов» [67].

М. И. Еникеев и Э. А. Черных инсценировку определяют как искусственное создание определенной обстановки (инсценировка взлома, несчастного случая, самоубийства) и т. д. [82, с. 18–19]. Подобная ложная обстановка не соответствует фактически происшедшему на этом месте событию. Создание данной обстановки может дополняться согласуемыми с ней поведением и ложными сообщениями как исполнителей инсценировки, так и связанных с ними лиц.

С учетом изложенного, под криминальной инсценировкой будем понимать вид мыслительной деятельности субъекта инсценировки, основной целью которой является оказание психологического воздействия на сознание и поведение работников правоохранительных органов, других лиц, включенных в инсценировку для создания у последних ложного образа ситуации преступного события и личности виновного, обеспечивающего инсценировщику уход от юридической ответственности за подготовку, совершение и сокрытие преступления.

Следует отметить, что анализ существующих подходов к изучению преступных инсценировок в криминалистике и юридической психологии показывает, что до сих пор остаются неизученными конкретные

психологические механизмы инсценировок, вопросы психологической диагностики инсценированной картины происшествия, мотивация противодействия расследованию, а также психологические и тактические приемы следственных и оперативных действий по разоблачению преступных инсценировок.

Криминальные инсценировки имеют отношение к двум категориям событий: а) событий реально совершаемых и совершенных преступлений, б) событий не криминальной природы [83].

В первую группу входят инсценировки, осуществляемые в целях:

а) сокрытия совершаемых и совершенных преступлений и личности их участников путем фальсификации или уничтожения (например, путем поджога, взрыва дома, в котором совершено убийство) подлинной картины содеянного в целом,

б) видоизменения, подмены, сокрытия, уничтожения отдельных элементов механизма совершенных преступлений и следовой картины происшедшего в расчете на уклонение от ответственности за совершенное (в частности, в целях создания видимости совершения преступления иным лицом),

в) оптимизации процессов приготовления к совершению преступлений и совершения преступлений,

г) сокрытия или маскировки событий и личности их участников, происшедших после совершенных преступлений в рамках посткриминального поведения исполнителей преступлений и лиц, оказывающих им содействие (например, при организации бегства за границу, при хранении либо скупке, сбыте имущества, приобретенного преступным путем).

Принципиально другая картина открывается при рассмотрении инсценировок второй группы. Речь идет о действиях дезинформаторов в условиях ситуаций, имеющих отношение не к сокрытию, маскировке совершенных преступлений, а к имитации, к созданию видимости якобы совершенных преступлений. Например, выдача себя за мнимых жертв мошенничества, ограблений, якобы совершенных незнакомыми лицами.

Исследования показывают, что инсценировочная деятельность правонарушителя по созданию инсценированной картины происшествия включает три структурных компонента:

а) целевой (целеобразования) – формирование различных целей воздействия на сознание и поведение лиц, включенных в ситуацию раскрытия преступления;

б) когнитивный – мыслительная деятельность субъекта инсценировки, направленная на создание ложного образа ситуации события либо ее отдельных элементов;

в) коммуникативно-операциональный – способы психологического воздействия, а также взаимодействия субъекта инсценировки с другими лицами.

Анализ структурных компонентов инсценировки показывает, что она представляет собой мысленную модель ухищренных действий по сокрытию преступного деяния, управлению поведением значимых лиц и уходу от юридической ответственности.

Центральным звеном мыслительной модели инсценировки является процесс принятия решения и технология воздействия на заинтересованных лиц (потерпевший, свидетель, следователь и др.).

Психологию субъекта инсценировок характеризуют специфика межличностного взаимодействия с другими лицами и уровень развития его отношений к криминальной ситуации, что позволяет выделить три основных типа преступника-инсценировщика: а) рефлексивный, б) ситуативный, в) стереотипный [84, с. 98–99].

При этом субъект инсценировки прибегает к рефлексивным приемам рассуждения, сопровождающихся центрацией на мыслях и действиях значимых лиц, включенных в ситуацию расследования с целью оказания влияния на осуществляемую ими деятельность, принятие решения при выборе способа и средств противодействия следствию.

Анализ следственной практики позволяет выделить ряд психологических механизмов воздействия по созданию ложного образа ситуации события и личности виновного.

С психологической точки зрения инсценированная ситуация происшедшего события – это ложный стереотип ситуации происшествия, возникающей в результате умышленных действий инсценировщика.

Стереотип – это стандартизированный, упрощенный образ какого-либо человека или явления, существующий в общественном сознании и усваиваемый индивидом в готовом виде. Это схема, которая не только фиксирует черты какого-либо явления, но и содержит их эмоциональную оценку.

В зависимости от глубины и правильности отражения наиболее существенных свойств явлений социальной действительности ученые выделяют понятие ложного стереотипа.

Под ложным стереотипом ситуации события будем понимать стандартизированный, упрощенный образ какого-либо явления или предмета, отражающий его только второстепенные и случайные стороны.

В этом плане актуальным для следователя является преодоление привычных стереотипов восприятия различных ситуаций происшествия, в противном случае возникают следственные ошибки и искажения в восприятии картины инсценируемого происшествия.

К психологическим механизмам инсценировки также относится социальная установка.

Под социальной установкой понимается образ какого-либо события, явления, человека, воссоздаваемого автоматически посредством зафиксированных или приписываемых ему стереотипных черт.

Социальная установка направляет познавательную деятельность следователя, помогает кратчайшим путем прийти к истине, либо заводит ее в тупик.

Представляется, что на первоначальном этапе расследования признаки преступной инсценировки в силу ряда объективных и субъективных причин появляются не во время совершения преступления, а в процессе познавательной деятельности следователя при проведении осмотра места происшествия.

В первую очередь, на это оказывает влияние готовность следователя к восприятию признаков инсценировки [85, с. 80], наличие прежнего опыта лица, производящего расследование, его личностные установки, способность к рефлексивной деятельности, которые нередко приводят к одностороннему отражению признаков события в сознании следователя.

Так, работая в направлении проверки версии об угоне транспортного средства, следователь в ходе осмотра на месте происшествия не обнаружил следы от транспортного средства, которое, со слов заявителя (субъекта инсценировки), находилось в данном месте длительное время, и, естественно, на грунте должны были остаться масляные подтеки, следы колес и т. п., что противоречит логической цепи суждений применительно к версии об угоне автомобиля и является по отношению к ней неконгруэнтным обстоятельством.

Следовательно, в данном случае требуется другая оценка этого факта, то есть противоречащее обстоятельство является одним из элементов системы суждения в доказательстве версии об инсценировке.

Оценка неконгруэнтных обстоятельств, появившихся в процессе мыслительной деятельности следователя, свидетельствует о том, что

анализ расследуемого события является неполным, а оценка установленных фактических данных целиком или в определенной части не соответствует действительности.

Распознавание наличия преступной инсценировки представляет собой процесс восприятия и познания ее признаков в процессе расследования преступления.

К существенным признакам криминальной инсценировки относятся:

а) мыслительная деятельность субъекта инсценировки по созданию ложного образа ситуации события,

б) цель воздействия,

в) демонстративный характер признаков события на месте происшествия,

г) противоречия в отношениях субъекта к криминальной ситуации и ее отдельным элементам,

д) негативные обстоятельства, которые противоречат типичному механизму совершения преступления и картине типичных следов, которые характерны для совершения конкретного преступления [86, с. 21].

Следователь, обнаружив признаки фальсифицирующего поведения преступника в обстановке места происшествия, должен решить две основные задачи:

1) диагностировать, что образ (цель) поведения преступника фальсифицирован;

2) исследовать причины возникновения субъективных и объективных противоречий в отношениях субъекта инсценировки к криминальной ситуации и ее отдельным элементам.

В основе познания психологических (коммуникативных) признаков инсценированной ситуации события лежат «объективные» и «субъективные» противоречия, возникающие в отношениях субъекта инсценировки к криминальной ситуации и ее отдельным элементам.

В связи со сказанным мы предлагаем две группы психологических и тактических приемов, направленных на выявление и разоблачение преступной инсценировки:

1) приемы обнаружения и познания коммуникативных признаков инсценировки как противоречивых отношений между отдельными сторонами объективной и субъективной стороной преступления,

2) приемы преодоления противоречий в обстоятельствах происшедшего события с объяснением причин их образования и выходом на реальную картину события преступления [87, с. 28–29].

Остановимся на характеристике приемов, включенных в первую группу, т. е. приемов, направленных на сбор, анализ и оценку признаков противоречивой информации об инсценировке преступного события, возникшей на месте происшествия.

1. Прием мыслительной ориентировки.

Суть приема состоит в том, что мышление следователя в ситуациях дефицита информации и времени обычно осуществляется в форме психологической ориентировки, когда мышление направляется на узловые свойства психологии людей, что обеспечивает оперативное исследование ситуации.

В качестве психологических свойств личности могут быть мотивы поведения подозреваемых лиц, их цели и намерения, психологические состояния и индивидуальные особенности, круг их общения, особенности психологии группы лиц, стереотипы поведения (профессиональные, криминальные и др.).

Важнейшим направлением мыслительной ориентировки следователя при осмотре места происшествия является мысленный анализ и синтез «улик» поведения, сбор и анализ противоречивой информации о признаках происшедшего события.

2. Прием эмоциональной ориентировки.

Суть его состоит в том, что за счет ориентировочных признаков, указывающих на эмоциональные особенности подозреваемых лиц, можно зафиксировать противоречивые признаки поведения подозреваемого в процессе проведения допроса и других следственных действий.

Давая ложные сведения, «подтверждающие» инсценировку, лицо стремится оказать воздействие на следователя за счет эмоционального состояния. Анализ этого поведения может привести следователя к выдвижению нового предположения о наличии инсценировки и в связи с этим к избранию правильной тактики допроса субъекта инсценировки.

Следует учитывать и то, что преступник, осуществляя инсценировку, обычно находится в состоянии эмоционального напряжения, поэтому даже ранее тщательно продуманные действия не всегда могут быть полностью воспроизведены, тем более что субъект вынужден очень часто прибегать к импровизации по ходу осуществления инсценировки.

3. Психологический анализ целей деятельности субъекта инсценировки.

Суть его состоит в том, что субъект инсценировки, как правило, обладая иерархией целей, непосредственно демонстрирует те из них,

которые лежат на нижних ступенях иерархии, являются лишь промежуточными, а не основными целями преступника.

Установление истинных целей позволяет следователю понять, для чего создавалась подобная инсценированная картина происшествия, что с ее помощью пытались скрыть лица, ее создающие.

При оценке целей деятельности субъекта инсценировки надо исходить из разного уровня развития отношений субъекта инсценировки к криминальной ситуации и ее отдельным элементам. Подобная оценка выявляет истинное отношение (мотивы) преступника к ситуации противодействия расследованию.

Необходимо помнить, что цель деятельности субъекта инсценировки всегда противоречива, так как представлена в сознании инсценировщика двумя образами: когнитивным и эмоциональным.

4. Приемы ориентировки, направленные на сбор и анализ криминалистически значимой информации о способе инсценировки.

Под способом инсценировки будем понимать типичное поведение субъекта инсценировки при создании инсценированной картины происшествия. Анализ типичного поведения субъекта инсценировки должен включать ряд компонентов: а) цель субъекта воздействия, б) образ ситуации события и личности виновного, в) оценку ситуации и ее отдельных элементов г) приемы воздействия субъекта инсценировки, применяемые для создания инсценированной картины происшествия.

Выбор способа инсценировки для создания инсценированной картины происшествия определяется уровнем развития рефлексивных способностей инсценировщика.

Вторая группа тактических и психологических приемов аналитико-рефлексивной деятельности следователя направлена на преодоление противоречивой информации в отношениях субъекта инсценировки к событию и его отдельным элементам с выходом на реальную картину преступления.

Результатом такой деятельности будет создание рефлексивной модели обстановки инсценированного события, его составных частей и образа возможного субъекта преступления.

С учетом сказанного, следователю для восстановления внешнего (предметного) характера действий, преодоления собственного стереотипа восприятия обстановки места происшествия можно предложить следующие приемы.

1. Прием мысленной реконструкции (воссоздания) предметных действий субъекта инсценировки в процессе проведения отдельных следственных действий (осмотр места происшествия, следственный эксперимент и др.).

Сущность мысленной реконструкции инсценированной ситуации происшествия состоит в воссоздании внешне выраженного ряда действий (в том числе и «индивидуальных») преступника по следам на месте происшествия. Следователь должен осуществить мысленную реконструкцию поведения субъекта инсценировки – психологическую интерпретацию «индивидуального действия».

Основной задачей мысленной реконструкции поведения преступника (индивидуальных действий) является объяснение и поиск психологической мотивации сокрытия индивидуальных преступных действий.

2. Прием моделирования «опорно-смысловых» действий субъекта инсценировки по созданию ложной картины происшествия.

Суть данного приема состоит в том, чтобы получить объяснение от подозреваемого о характере совершенных им действий, выделяя при этом наиболее общий мотив, цель действий, способ инсценировки на отдельных стадиях подготовки и совершения преступления, а также использование анализа внешних ситуативных условий для объяснения цели преступного результата.

3. Моделирование функциональной зависимости между отдельными инсценированными действиями и личностными особенностями субъекта преступления.

Суть данного приема состоит в выявлении и объяснении отдельных функционально–психологических связей между инсценированными действиями, характерными для данного способа совершения преступления, а также личностными особенностями инсценировщика, влияющими на возникновение инсценированной картины события.

4. Мысленное моделирование динамики отдельных инсценированных действий по времени совершения преступного события.

Сущность данного приема состоит в том, что следователь должен проанализировать совершение инсценированных действий с точки зрения динамики их развития по времени на различных этапах преступной деятельности.

Мысленное моделирование инсценированных действий во времени позволяет определить возможные цели субъекта инсценировки и

вероятный мотив совершения инсценированного преступления на этапе подготовки (если была) либо сокрытия преступления.

При этом следователь мысленно «идет» за преступником, реконструируя ход его размышлений и совершения определенных действий в разные временные периоды преступной деятельности, что позволяет объяснить психологический механизм сокрытия преступного деяния (прежде всего мотивы и цели каждого из действий, связанных с определенным способом инсценировки).

5. Прием мысленного экспериментирования.

Сущность метода мысленного эксперимента заключается в мысленной постановке изучаемого объекта в различные условия и прослеживание их влияния на него.

Вначале, как правило, большая часть картины события представляется разрозненной, противоречивой, поэтому важны прослеживание и проработка связей между отдельными элементами событий. Уяснение отдельных противоречий позволяет наметить пути дальнейшего поиска решения, источников информации и способы получения недостающих знаний.

Разрешение противоречий между фактами связано с расчетом различных вариантов «видения» картины, в чем немалую роль играет мысленный эксперимент, его суть – в мысленной постановке изучаемого объекта в различные условия и прослеживание их влияния на него.

Следователь должен «войти» в положение преступника, оценить ситуацию преступления, имитируя решение на основе созданной мысленной модели инсценировки. При этом в своем сознании он может сравнивать предполагаемые последствия этой деятельности с накопленными фактами, а также с самой моделью, которую он создал. В подобном мысленном экспериментировании следователь оценивает свои собственные действия и с помощью информации обратной связи модифицирует продвижение к заданной цели.

Исходя из сказанного, он должен оценить различные варианты направленности мыслительной деятельности предполагаемого субъекта инсценировки.

Таким образом, психология преступной инсценировки как способа криминального противодействия направлена на создание неадекватного (ложного) образа ситуации происшедшего события и личности виновного.

Можно выделить приемы аналитико-рефлексивной деятельности следователя по преодолению противоречий в обстоятельствах происшедшего события с объяснением причин их образования и выходом на реальную картину события преступления [87, с. 28–29].

4.3. Психологические аспекты поведения субъекта ложного алиби в процессе криминального противодействия расследованию

В практической деятельности следователя наиболее часто возникает потребность в диагностике и оценке содержания конкретных способов противодействия процессу расследования.

Одним из таких способов криминального противодействия расследованию является противоправная деятельность субъекта по реализации ложного алиби.

Как известно, алиби (от латинского «алиби» – в другом месте) в уголовном процессе означает обстоятельство, исключающее пребывание обвиняемого (подозреваемого) лица на месте преступления в момент его совершения. Алиби является доказательством невиновности лица, благодаря которому лицо, подозреваемое или обвиняемое в совершении любого вида преступления, во время его совершения присутствовало в другом месте и никак не могло принимать участие в совершенном деянии.

В криминалистике термин «ложное алиби» трактуется как способ фальсификации (Р. С. Белкин), как способ сокрытия преступления и прием противодействия (А. С. Андреев, О. Н. Алексиенко), как сговор между соучастниками (Б. В. Рощанский), как маскировка (Н. В. Кручинина), как разновидность инсценировки (А. М. Столяренко).

В частности, А. С. Андреев отмечает, что ложное алиби как прием противодействия раскрытию и расследованию преступлений представляет собой совокупность противоправных либо не противоречащих закону действий обвиняемого и иных лиц по обоснованию, выдвижению и отстаиванию ложной информации о нахождении лица, совершившего преступное деяние, в момент совершения преступления и тем самым направленных на воспрепятствование установлению объективной истины правоохрнительными органами в их деятельности по раскрытию и расследованию преступных деяний [88, с. 14].

Несколько иначе феномен алиби трактует Н. В. Кручинина. Она подчеркивает, что «ложное алиби можно приближенно определить как один из видов маскировки преступником своей роли в совершении преступления, способ уклонения от ответственности за содеянное». Сущность подобного ухищренного поведения правонарушителя сводится к попыткам субъекта формирования ложного алиби передать искаженную информацию представителям правоохрнительных органов таким образом, чтобы она свидетельствовала о том, что человек не имел физической

возможности совершить преступление, поскольку в интересующий следствие период времени находился в другом месте [89].

В юридической психологии М. И. Еникеев определяет ложное алиби как ложное отрицание присутствия на месте преступления в момент его совершения.

Авторы учебника «Прикладная юридическая психология» под редакцией профессора А. М. Столяренко считают ложное алиби разновидностью инсценировки. Это уже другой уровень понимания алиби, так как преступник (преступники) средствами инсценировки создают такую картину происшествия, которая одновременно искажает и создает новые связи между субъектом возможного преступления, пространственным окружением (обстановкой) и временной последовательностью события.

Авторы, в частности, отмечают следующее: «Ложное алиби создается самим преступником, а также по договоренности с другими лицами, действующими в его интересах. Возможны два варианта действий преступников для создания ложного алиби: 1) сокрытие преступниками времени совершения преступления посредством «размывания» границ его временных параметров (уничтожение следов, которые могут ориентировать относительно времени преступления и т. д.), 2) изменение времени совершения преступления путем «смещения» его фактических временных параметров на более поздний или более ранний период. В этом случае преступнику обычно приходится заранее обдумывать более сложные варианты инсценировки (например, распространение слуха, что потерпевший в определенный период времени был жив, хотя фактически он был убит) или договариваться и инструктировать лжесвидетелей о своем ложном алиби» [90, с. 409].

Все, сказанное выше, позволяет определить ложное алиби как совокупность различных защитных действий преступника, направленных на маскировку времени и обстоятельств совершения преступления и своей роли в содеянном.

Важно отметить, что алиби с точки зрения противодействия расследованию преступлений заключается в предпринимаемых подозреваемым (обвиняемым) или иными лицами умышленных действий по обоснованию, выдвижению и подкреплению позиции о ненахождении субъекта, являющегося подозреваемым либо обвиняемым, в месте совершения преступления в значимый временной интервал.

Как показывают проведенные рядом ученых-криминалистов исследования, чаще всего ложное алиби готовится для представителей высшего и среднего звена иерархии преступной организации, причем такое алиби подтверждается заранее сфабрикованными документами, показаниями свидетелей (в том числе, и не являющихся членами группы) [75].

К использованию в качестве средства сокрытия преступной деятельности действительного, заранее подготовленного алиби прибегают преступники, не выступающие в роли непосредственных исполнителей преступления. Например, широко используется алиби руководителями организованных преступных групп, которые, как правило, не принимают непосредственного участия в совершении преступлений. Кроме того, организаторы заказных убийств в подавляющем большинстве случаев также стараются во время совершения убийства исполнителями обеспечить доказательства собственного алиби.

Деятельность по реализации ложного алиби как способ противодействия расследованию преступлений включает ряд этапов: а) обоснование ложного алиби, б) выдвижение ложного алиби, в) отстаивание ложного алиби [91, с. 189–193].

Обоснование ложного алиби – это мыслительная деятельность субъекта преступления, направленная на создание искусственных доказательств не существующих в реальности событий, являющихся основой ложного алиби. Обоснование ложного алиби представляет собой совокупность психологических действий по формированию защитной позиции и убеждению сотрудников следствия о нахождении виновного в момент совершения преступления в другом месте.

О. Н. Алексиевко отмечает, что процесс обоснования ложного алиби выражается в следующих способах: а) интеллектуальный, то есть совокупность мыслительных операций о том, каким образом можно обосновать ложное алиби исходя из обстоятельств совершенного преступления против жизни и здоровья, б) материальный, то есть совокупность действий по обоснованию ложного алиби в объективной действительности [92].

Применительно к первому способу, а именно при обосновании ложного алиби интеллектуальным способом, фактических действий преступник не осуществляет, а использует те или иные обстоятельства совершения преступлений против жизни и здоровья, придание

правдоподобности своего отсутствия на месте преступления, либо такая мыслительная деятельность определяет необходимые действия для материального способа.

Таким образом, мыслительная деятельность создает когнитивный образ правдоподобного события и соответствующих его признаков, что может выступать в качестве относительно самостоятельного способа обоснования ложного алиби или предшествовать действиям по его инсценировке.

Второй способ обоснования ложного алиби – действия по созданию ложных сведений с целью их вовлечения в сферу уголовно-процессуальных отношений и дальнейшего автоматического подтверждения ложного алиби.

К наиболее распространенным способам обоснования ложного алиби относятся:

а) сообщение преступником ложных сведений в связи с предъявлением доказательств (например, утверждение, что обнаруженные на месте преступления отпечатки пальцев оставлены подозреваемым во время его присутствия в данном месте до или после совершения преступления). Типичным примером из анализа следственной практики является случай, когда совершивший убийство глубокой ночью преступник одевает труп, заправляет постель и создает такую обстановку на месте происшествия, чтобы при осмотре было видно, что убийство произошло вечером, когда потерпевший еще не ложился спать. Будучи же вечером в кругу знакомых, субъект алиби будет стараться доказать свою непричастность к происшедшему событию;

б) воздействие на свидетелей, потерпевших с тем, чтобы они изменили данные ими ранее показания, изобличающие преступника, привлечение подставных свидетелей, которые не являются непосредственными очевидцами преступления, но выдают себя за таковых;

в) воздействие на следователя, а также его родственников и близких. Подобные действия имеют своей целью добиться, чтобы лицо, производящее расследование, приняло необоснованное решение в пользу преступника.

Выдвижение ложного алиби представляет собой активные действия обвиняемого, подозреваемого и иных лиц по передаче ложной информации о времени и месте, исключающих уголовное преследование. При этом информация передается с использованием различных средств и

по различным каналам как устно (вербально), так и письменно – в виде заявлений, ходатайств.

С момента выдвижения алиби начинается деятельность лица, производящего расследование по проверке алиби (построение и выдвижение версий об истинности или ложности алиби, планирование их проверки, производство следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий по проверке алиби).

Действия по реализации ложного алиби не заканчиваются передачей сфальсифицированной информации органам расследования, а нередко продолжаются с целью отстаивания своей позиции. Поэтому отстаивание ложного алиби – это действия обвиняемого и иных лиц, направленные на подтверждение ранее выдвинутого обвиняемым утверждения о наличии алиби.

Наиболее распространенными признаками наличия ложного алиби являются: а) противоречивость показаний участников уголовного судопроизводства по поводу алиби, б) наличие вещественных доказательств и иных сведений, подтверждающих пребывание подсудимого (подследственного) на месте в момент совершения преступления против жизни и здоровья, в) оговор субъектом алиби других лиц, г) стремление направить следствие по ложному пути, отвести подозрение от преступника, проявляющиеся в сообщении подозреваемыми, свидетелями различного рода слухов, мнений, сомнительных версий, подтверждающих ложное алиби; д) изменение показаний на повторном допросе и представление следователю новых фактов, прямо или косвенно подтверждающих ложность алиби [93, с. 149–153].

Выявление признаков ложного алиби является начальным этапом деятельности следователя в процессе проведения следственных действий по его опровержению и имеет существенное значение для дальнейшего расследования, связанного с проверкой, сбором доказательств и, в конечном счете, разоблачением ложного алиби подозреваемого.

Для разоблачения ложности алиби, выдвинутого подозреваемым (обвиняемым), следователь должен использовать ряд тактико-психологических приемов:

а) постановка уточняющих, детализирующих и косвенных вопросов по выявлению субъективных противоречий в показаниях подозреваемого в ходе разоблачения ложного алиби;

б) мысленное моделирование поведения субъекта алиби в процессе проведения допроса и других следственных действий;

в) предъявление доказательств, опровергающих показания допрашиваемого;

г) использование рефлексивных моделей для прогнозирования поведения возможного субъекта ложного алиби;

д) выявление и использование «преступной осведомленности» субъекта ложного алиби;

е) предъявление упреждающей аргументации;

ж) актуализация ассоциативных связей субъекта алиби и времени происшедшего преступного события.

Субъект ложного алиби в процессе отстаивания своей позиции вынужден играть соответствующие роли. При этом он должен обладать развитой способностью удерживать «на сцене сознания» сразу несколько ролей. В том числе с одними себя отождествлять, а другие «забывать», дистанцироваться от них и вытеснять их на периферию сознания. В противном случае в ходе участия в процессуальных действиях можно забыть роль, которую необходимо играть и проговориться о своем реальном участии в преступлении.

Для того, чтобы понять, спрогнозировать и воздействовать на поведение субъекта ложного алиби, необходимо исследовать особенности его ролевого поведения в конфликтных ситуациях расследования.

Психологическая сущность ролевого поведения субъекта ложного алиби заключается в том, что подозреваемый в конкретной следственной ситуации принимает решение, направленное на изменение ожидаемых от него (как определенного лица, использующего алиби при совершении преступления) действий, и стремится осуществить другие, соответствующие ожиданиям окружающих. Особенно если показания подследственного во многом совпадают с мнением следователя и появляется возможность в установленные законом сроки расследовать преступление.

Анализ следственной практики показывает, что подозреваемые и связанные с ними лица для обоснования ложного алиби используют различные психологические роли

Нам представляется возможным выделить три основные психологические роли, которые используются субъектами противодействия в типичных конфликтных ситуациях расследования. К ним относятся:

1. Роль «опытного преступника» – это использование криминальной позиции для создания ложной информации о своей невиновности в преступном деянии.

2. Роль «свидетеля» – это использование защитных механизмов, в том числе ролевого поведения, для создания ложной информации о невиновности в совершении преступления определенных лиц.

3. Роль «жертвы», «потерпевшего» – это использование асоциальной позиции для создания ложной информации о частичной виновности в происшедшем событии, повлиявшем на совершение преступления. Так, при инсценировке алиби, связанного с разбойным нападением, субъекты прибегают к асоциальной позиции «жертвы», разыгрывая правдивого, честного человека, «борца за справедливость», стремятся различными средствами общения, включая и запугивание других лиц, причастных к происшедшему событию, убедить следователя в том, что в момент совершения противоправного деяния субъект в действительности находился в другом месте и на них покушались иные лица, оговаривая их поведение и действия.

Они имитируют состояние непоколебимой уверенности в своей правоте посредством использования возможностей своего голоса, мимики, жестов; вербального и эмоционального интеллекта, для чего бросают реплики в адрес работников полиции: «ищите, ищите, найдете и убедитесь в моей невиновности», при даче дополнительной информации о происшедшем событии выражают обиду, недовольство, связанные с подозрением в их причастности к происшедшему правонарушению, в беседе со следователем акцентируют внимание на способности сотрудников ОВД во всем разобраться и установить истинных виновных, доказать свою непричастность к случившемуся.

Психическое состояние субъекта ложного алиби характеризуется абвивалентностью эмоций и чувств, представляет собой форму психологической защиты от уголовного преследования, заключающего в себе реальную угрозу, а потому способного вызвать у него нарушение хрупкого внутреннего равновесия.

Одной из функций психологической защиты является отождествление субъекта преступления с «Я-Другим» – искусственная ролевая идентичность. Она основана на механизме дистанцирования личности от своих реальных качеств и ролей, не солидарность с которыми облегчает сокрытие своей истинной роли в совершенном преступлении.

В качестве скрываемого, как правило, выступает совершенный криминальный деликт и все, что ему предшествовало и что с ним связано. Принятые личностью отдельные атрибуты ролевого поведения, которые по замыслу подозреваемого должны отвести от него подозрение, имеют

тенденцию к возвращению к исходной роли. По этой причине ложная ролевая идентичность подозреваемого сопровождается повышенной тревожностью, избыточным самоконтролем и конфликтным поведением.

Целенаправленно производя благоприятное впечатление на следователя как партнера по общению и будучи воспринятым им как личность положительная, заслужив его конъюнктивную (нормальную) оценку, легче устанавливать и поддерживать с партнером по общению ролевой контакт, позитивные межличностные отношения, что способствует достижению целей обмана и получению ожидаемой выгоды.

Изучение рефлексивных механизмов деятельности субъекта алиби позволило выделить три вида опережающей рефлексии по так называемому «временному» принципу: ситуативная, ретроспективная и перспективная (А. В. Карпов, Г. С. Красовский, Ю. А. Шаранов и др.). Дадим краткую характеристику вышеназванным видам опережающей рефлексии.

Ситуативная рефлексия обеспечивает субъекту ложного алиби непосредственный самоконтроль поведения в ситуации расследования преступления, способность субъекта к соотнесению своих действий с ситуацией и их координации в соответствии с изменяющимися условиями и собственным состоянием.

Поведенческими проявлениями и характеристиками этого вида рефлексии являются, в частности, время обдумывания субъектом алиби своей текущей деятельности: то, насколько часто он прибегает к анализу происходящих событий; степень развернутости процессов принятия решения; склонность к самоанализу в конкретных следственных ситуациях.

Ретроспективная рефлексия проявляется в склонности к анализу уже выполненной в прошлом противоправной деятельности по созданию ложного алиби. В этом случае предметы рефлексии – это предпосылки, мотивы и причины произошедшего, содержание прошлого поведения субъекта алиби, а также его результативные параметры и, в особенности, допущенные ошибки. Эта рефлексия выражается, в частности, в том, как часто и насколько долго субъект алиби анализирует и оценивает произошедшее криминальное событие, склонен ли он вообще анализировать прошлое и оценивать себя в нем.

Перспективная рефлексия соотносится с функцией анализа предстоящей защитной деятельности субъекта алиби, планированием и прогнозированием вероятных исходов и др. Ее основные поведенческие характеристики: тщательность планирования деталей своего поведения,

частота обращения к вариантам будущих событий, ориентация на будущее. [94 с. 45–57].

Анализ рефлексивного статуса (временных моделей деятельности субъекта алиби) позволяет следователю наметить и разработать комплекс методов и приемов скрытого управления поведением субъекта алиби и осуществить упреждающие либо нейтрализующие меры для разоблачения ложного алиби в процессе проведения допроса и других следственных действий.

Использование опережающих рефлексивных моделей поведения подозреваемого (субъекта алиби) в темпоральном контексте позволяет продумать характер и последовательность задаваемых вопросов, предъявляемых доказательств.

Опираясь на рефлексивную модель, следователь может определить перечень вопросов, которые в нужное время следует задать субъекту ложного алиби, а также перечень косвенных вопросов как средство маскировки подлинных намерений следователя. Кроме того, следователь может обнаружить противоречия в показаниях подследственного во времени, сопоставить их возможное содержание с прежними показаниями и с имеющейся реальной доказательственной базой в целом.

Как правило, следователь, применяющий скрытое управление динамикой психических состояний допрашиваемого, в качестве оптимальной цели ставит прекращение противодействия оппонента, получение от него объективных сведений об обстоятельствах, являющихся предметом доказательств по уголовному делу. Эта цель является общей для всех ситуаций, требующих преодоления противодействия.

В отдельных ситуациях скрытое управление осуществляется для того, чтобы полученная при этом информация о ложном алиби после надлежащей фиксации могла использоваться для разоблачения его субъекта. После предъявления неопровержимых доказательств о скрываемых обстоятельствах субъект алиби может отказаться от продолжения противодействия. В данном случае целью скрытого управления может быть получение данных об обстоятельствах использования ложного алиби в ходе допроса. В некоторых ситуациях следователь сам сообщает об этом допрашиваемому, в других имитируется утечка информации и ее передача через надежные источники – с точки зрения противодействующего субъекта.

Эффективность использования приемов скрытого управления зависит от таких интеллектуальных качеств субъекта противодействия, как

скорость рефлексии и быстрота принятия решений, способность обрабатывать информацию, незамедлительно отвечать на неожиданные вопросы, концентрировать внимание на теме беседы в целом и отдельных вопросах.

При осуществлении скрытого управления поведением субъекта алиби необходимо использовать тактику «постепенного затягивания в признание», направленную на выявление и расширение соответствующей доказательственной базы в создании ложного алиби.

При этом обязательно необходимо фиксировать противоречия и проговорки (оговорки), мысленно сопоставлять объяснения с установленными данными, а также формулировать возникающие вопросы для их последующего выяснения.

Важным для тактики допроса является выяснение данных для проверки уже известных фактов. Одновременно это помогает выявлять то, о чем рассказывается охотно, а о чем пытаются умолчать.

В отдельных случаях необходимо использовать упреждающую аргументацию, которая строится на перехвате инициативы у допрашиваемого путем постановки перед ним вопроса, ответ на который обнажает несостоятельность показаний субъекта алиби (подозреваемого), при этом несостоятельность их ему становится понятной еще до того, как допрашиваемый приведет свои доводы.

Например, в рамках уголовного дела, возбужденного по факту разбойного нападения с применением огнестрельного оружия, обвиняемый ссылаясь на алиби, которое ему обеспечивали другие участники преступной группы, не участвовавшие в расследуемом преступлении. При этом алиби строилось на показании большого круга лиц, которые описывали, где и когда видели обвиняемого в течение длительного времени до начала, вовремя и после совершения преступления.

С момента совершения преступления прошло значительное время (более двух месяцев), а лжесвидетели называли точную дату и время, когда видели обвиняемого в день разбойного нападения.

Для разоблачения лжесвидетелей следователь принял решение о проведении допросов с использованием приема упреждающей аргументации.

Допрашивая граждан, на которых ссылаясь обвиняемый, вместо того, чтобы провести допрос о дне совершения преступления, допрашивающий задавал вопросы о встречах допрашиваемых с

обвиняемым до и после дня преступления. Свидетели не смогли описать события этих дней.

После того как их ответы были зафиксированы в протоколе допроса, ставился вопрос о дне совершения преступления, и лжесвидетели, понимая несостоятельность своих показаний на фоне ранее прозвучавших ответов, не подтверждали алиби обвиняемого, понимая, что их рассказ не выдерживает никакой критики.

Постановка детализирующих и косвенных вопросов позволяет получить наиболее полные показания и установить истину. Такие вопросы должны основываться на использовании ассоциативного механизма актуализации связи субъекта алиби с местом и временем происшествия.

Для большинства подозреваемых событие преступления всегда имеет личностный смысл, а следовательно, ассоциативное запоминание опирается и на когнитивные механизмы запоминания.

Индивидуальные различия памяти, как на уровне процесса запоминания, так и на стадии воспроизведения, характеризуют определенные типы данного познавательного процесса.

При этом образную память классифицируют на зрительную, словесную и двигательную. Данные индивидуальные различия следователю необходимо учитывать при оказании воздействия на подозреваемого с целью актуализации ассоциативных связей.

К ассоциативным приемам актуализации связи субъекта ложного алиби с временем происшедшего события можно отнести: а) расширение ассоциативных временных представлений подозреваемого в контексте происшедшего события, б) использование индивидуальных особенностей ассоциативной памяти подозреваемого при воспроизводстве временных характеристик происшедшего события, в) выявление личностного смысла для субъекта алиби происшедшего события.

Таким образом, ложное алиби представляет собой совокупность различных действий (защитных, мыслительных) преступника, направленных на маскировку времени и места совершения преступления, и своей роли в содеянном.

В процессе разоблачения ложного алиби необходимо учитывать психологические особенности ложной ролевой идентичности преступника.

Это позволяет адекватно оценить сложившуюся ситуацию расследования по уголовному делу, определить круг вероятных участников, причастных к созданию ложного алиби, определить тактико-психологические приемы по его распознаванию и разоблачению.

4.4. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности при производстве отдельных следственных действий в целях преодоления криминального противодействия расследованию

Практика применения норм уголовного процесса при разрешении уголовных дел свидетельствует о широком использовании результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств по уголовному делу. Вследствие этого организация проведения оперативно-розыскных мероприятий требует определенного подхода, способствующего получению доказательственной информации о противодействии, а также его преодолении в процессе проведения следственных действий.

В юридической литературе даются неоднозначные определения понятию результатов оперативно-розыскной деятельности.

По мнению В. И. Зажицкого, «результатами оперативно-розыскной деятельности следует считать полученные путем проведения ОРМ в рамках конкретного дела оперативного учета достаточно полные и проверенные сведения, которые надлежащим образом задокументированы, служат средствами решения задач ОРД и в силу этого могут быть использованы в интересах уголовного судопроизводства по основным направлениям, указанным в законе (ст. 11 «Об ОРД»), но без разглашения информации, составляющей государственную тайну» [95, с. 144].

Несколько иная трактовка результатов оперативно-розыскной деятельности предлагалась другими учеными-юристами. По их мнению, результаты ОРД – это «оперативно-розыскная информация, добываемая с помощью оперативно-розыскных мероприятий в сфере и инфраструктуре преступности. Она разделяется на стратегическую и тактическую, в качестве первой категории понимаются собираемые в течение длительного времени сведения о видах преступлений и правонарушений на обслуживаемой территории и объектах на данный момент и вероятных изменениях в этой области. Вторая категория оперативно-розыскной информации – данные тактического характера. Они указывают на конкретных лиц, преступные сообщества, факты, подлежащие изучению и проверке и т. п.» [96, с. 381].

По своей сути результаты оперативно-розыскной деятельности – это не что иное, как оперативно-розыскная информация или сведения, полученные с помощью проведенных оперативно-розыскных мероприятий.

Оперативная информация – один из видов непроцессуальной информации, непосредственно указывающей на фактические данные, которые, будучи закреплены процессуальными средствами, могут служить доказательствами по уголовному делу.

Оперативная информация может содержать три группы данных.

Первую группу составляют сведения, непосредственно указывающие на фактические данные, которые, будучи закреплены процессуальными средствами, могут служить доказательствами по делу.

Вторую группу образуют материалы, которые возникают в результате оперативно-розыскных мероприятий, являются как бы продуктами этой деятельности.

Третью группу образуют сведения, полученные оперативным путем, которые хотя и не содержат указаний на конкретные доказательства и пути их отыскания, но освещают событие преступления и отдельные обстоятельства, ограничивают круг подозреваемых.

Оперативно-розыскная информация может относиться к различным фактам и обстоятельствам противодействия раскрытию и расследованию преступной деятельности организованной группы. К таким обстоятельствам можно отнести:

1) сокрытие преступлений как форму противодействия расследованию (способы сокрытия, используемые преступниками по нейтрализации усилий правоохранительных органов по раскрытию преступления и др.),

2) планы преступников по противодействию раскрытию преступления при обнаружении правоохранительными органами признаков скрываемого преступления,

3) намерения преступников оказать воздействие на участников расследования и иных лиц, обладающих информацией о скрываемом преступлении, формах и средствах такого воздействия,

4) коррупционные связи преступников, используемые для организации и осуществления противодействия раскрытию и расследованию преступления,

5) связи с сотрудниками правоохранительных органов, которые могут сами входить в преступные структуры, и т. п.).

Результаты оперативно-розыскной деятельности могут быть получены оперативными подразделениями при осуществлении оперативно-розыскной деятельности как самостоятельно, так и в процессе взаимодействия с органами следствия и дознания.

В целях совершенствования порядка представления результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовный процесс важное значение имеет процесс повышения эффективности совместной деятельности следователя с сотрудниками оперативных подразделений при решении профессиональных задач по преодолению криминального противодействия со стороны организованной преступной группы.

Как показывают проведенные исследования, среди факторов, снижающих эффективность совместной деятельности, важное значение имеют факторы правового и социально-психологического характера, связанные с недостатками делового общения следователя и оперативного работника в процессе расследования организованных преступлений. К ним, в частности, относятся:

- формальное отношение оперативных работников к выполнению поручений следователей по уголовным делам,
- возникновение конфликтных ситуаций, обусловленных диспропорцией прав и обязанностей оперативно-розыскных и следственных подразделений,
- неумение следователя устанавливать и поддерживать деловые отношения с сотрудниками органов дознания;
- неконкретность поручений сотрудникам органов дознания и нетребовательность в четком исполнении этих поручений;
- несвоевременность обмена оперативно-розыскной информацией между следователем и сотрудниками органов дознания.

Учитывая значение, которое имеет совместная деятельность органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, с органами следствия и дознания, для эффективности расследования уголовных дел представляется необходимым регламентировать его порядок законодательно и предусмотреть правомочность должностных лиц органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, принимать решения о предоставлении следственным подразделениям результатов ОРД, имеющих ориентирующее значение, без представления служебных документов.

Противодействие организованных преступных структур с момента возбуждения уголовного дела и до его передачи в суд заключается в сокрытии преступной деятельности и активном влиянии на источники и носители криминалистически значимой информации в целях заведения следствие и дознание в тупик либо направлении по отработанному ложному сценарию, устраивающему лидеров преступной группировки.

Преступники для оказания криминального противодействия используют различные способы, чтобы направить следствие на путь выдвижения ложных версий: формирование ложных показаний, ложное алиби, криминальные инсценировки, преступный сговор и др.

Следователь должен быть готов в процессе сбора доказательственной информации по предмету расследования к выявлению и фиксации признаков противодействия в рамках не одного, а нескольких следственных действий.

Под признаками противодействия будем понимать отдельные проявления тех или иных приемов уклонения от ответственности, стремление затруднить расследование установлению истины по делу.

Признаки криминального (организованного) противодействия раскрытию и расследованию преступлений могут быть выявлены как до возбуждения уголовного дела, так и в процессе проведения отдельных следственных действия. Некоторые из выявленных признаков характеризуют действия, направленные на то, чтобы уголовное дело вообще никогда не было возбуждено, поскольку рассчитаны на то, что эти признаки противодействия не будут обнаружены никогда, другие по своему содержанию относятся к действиям, предпринимаемым по уже возбужденному уголовному делу в ходе его расследования.

В первую очередь к таким признакам противодействия расследованию относятся: уничтожение, утаивание, маскировка, фальсификация, ложная информация и др. Они выявляются как негласным, так и процессуальным путем в процессе расследования.

Деятельность следователя по выявлению признаков противодействия расследованию общеуголовных преступлений, совершенных организованными преступными группами, включает в себя систему действий и операций по обнаружению, фиксации, изучению и оценке признаков и свойств препятствования или сопротивления правоохранительным органам в достижении истины по уголовному делу.

Для преодоления криминального противодействия главным образом используются доказательства.

В ч. 1 ст. 74 УПК РФ определено, что «доказательствами по уголовному праву являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном настоящим кодексом, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела».

При этом согласно ч. 2 этой же статьи в качестве доказательств допускаются: 1) показания подозреваемого, обвиняемого, 2) показания потерпевшего, свидетеля, 3) заключение и показание эксперта, 4) заключение и показание специалиста, 5) вещественные доказательства, 6) протоколы следственных и судебных действий, 7) иные документы.

Результаты ОРМ являются не доказательствами, а лишь сведениями об источниках тех фактов, которые, будучи полученными с соблюдением требований закона «Об ОРД», могут стать доказательствами только после закрепления их надлежащим процессуальным путем, на основе соответствующих норм уголовно-процессуального закона.

В частности, как установлено в п. 7 Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю, прокурору или в суд, результаты ОРД, представляемые для использования в доказывании по уголовным делам, должны:

а) позволять формировать доказательства, удовлетворяющие требованиям уголовно-процессуального законодательства,

б) содержать сведения, имеющие значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу,

в) иметь указания на источник получения предполагаемого доказательства или предмета, который может стать доказательством,

г) содержать оперативные данные, позволяющие проверить в условиях уголовного судопроизводства доказательства, сформированные на их основе.

Процесс сбора доказательств начинается с поиска и обнаружения носителя информации, поскольку получить необходимые сведения невозможно, не обнаружив их источников. Роль ОРД здесь заключается в том, чтобы обнаружить источники и (или) носители информации: предмет, сохранивший на себе следы преступления, человека, в сознании которого запечатлелись имеющие значение для дела обстоятельства и др.

Лишь после установления источника или носителя информации наступает следующий этап сбора доказательств – получение сведений от обнаруженных носителей информации с помощью предусмотренных законом следственных или иных процессуальных действий. Такие данные могут быть собраны при проведении таких следственных действий, как осмотр, обыск, выемка, допрос, проверка показаний на месте и др.

Специфика производства следственных действий при расследовании преступлений, совершенных организованными преступными группами,

определяется необходимостью учитывать: а) внутригрупповые отношения и влияние лидера на каждого конкретного члена группы, б) устойчивую линию противодействия большинства подозреваемых (обвиняемых), в) возможную утечку информации по уголовному делу, г) высокую активность в оказании противодействия расследованию со стороны свидетелей и потерпевших как результат воздействия на них, д) детально разработанную линию сценарного поведения и взаимозависимость показаний всех участников группы.

Рассмотрим тактические особенности использования результатов оперативно-розыскной деятельности при производстве отдельных следственных действий, а также использование доказательств в преодолении противодействия расследованию.

Одним из наиболее распространенных следственных действий, где используются результаты ОРМ и нередко обнаруживаются и фиксируются признаки противодействия расследованию организованной преступной деятельности и последующее их преодоление, является следственный осмотр.

Именно его производство позволяет получить максимальный объем доказательственной и ориентирующей информации об общеуголовных преступлениях, совершаемых в рамках организованной преступной деятельности. В этой связи необходимо формировать прочную доказательственную базу за счет обнаружения, фиксации и изъятия в процессе производства как можно большего количества материальных следов, что будет способствовать преодолению противодействия.

Следователь нередко приглашает оперативного работника для участия в осмотре места происшествия, чтобы более внимательно осмотреть тот или иной объект, имеющий существенное значение для дела и выявить основные источники информации о признаках противодействия преступной группы.

При возникновении версии об инсценировке именно осмотр места происшествия помогает выявить так называемые негативные обстоятельства, т. е. противоречащие представлению об обычном ходе вещей в данной ситуации. Речь идет о количественном и качественном несоответствии обстановки места происшествия или ее деталей представлению о событии и его механизме (например, отсутствие признаков отравления угарным газом при обнаружении в очаге пожара обгоревшего трупа, воды в легких у утопленника). Обнаружение

негативных обстоятельств служит решающим средством разоблачения инсценировок.

Особое внимание следует уделить систематизации тактических приемов, направленных на распознавание и разоблачение инсценировок в материальной среде, имеющей отношение к расследуемому преступлению, и манипуляций с вербальной информацией, направленных на введение следователя в заблуждение относительно механизма расследуемого события.

Не менее важные результаты могут быть получены при производстве иных видов следственного осмотра – осмотра вещественных доказательств, транспортных средств и особенно документов. Последнее позволяет выявить не только следы фальсификации, подделки документов, но и ухищрения, связанные с изменением хранения документа, его использованием в преступных целях.

Обыск, как правило, является неотложным следственным действием и нередко производится в комплексе с задержанием подозреваемого, его допросом, проведением осмотра места происшествия. Нередко подготовка к проведению обыска протекает в условиях дефицита времени у следователя, не имеющего возможности в полном объеме изучить все детали предстоящего действия.

В подобной ситуации незаменимой является помощь оперативного работника, позволяющая следователю максимально использовать фактор внезапности, пресекая действия, направленные на уничтожение улик и доказательств.

Следует отметить, что достаточно эффективно при производстве обыска используются тактические приемы, связанные с использованием психологического наблюдения за обыскиваемым не только во время проведения обыска, но и после. Так, независимо от результатов обыска, но с учетом конкретной ситуации оперативным работникам следует установить наблюдение за подозреваемыми лицами, находящимися на свободе, организовать прослушивание телефонных разговоров, контроль почтовых отправок и другие ОРМ.

Тактически оправданно перед этим следственным действием детально расписать сценарий предстоящего обыска, распределить роли всем присутствующим, чтобы решить триединую задачу:

- вскрыть источник информации, сообщивший сведения относительно этого объекта;

- организовать зашифрованную охрану известного хранилища, препятствующую субъекту противодействия уничтожить содержимое тайника;

- «неожиданно» обнаружить искомый объект и тщательно зафиксировать факт его изъятия.

В процессе обыска могут быть установлены признаки маскировки информации или ее носителей, свидетельствующие о перемещении объектов, например, из того места, где они должны быть в соответствии с существующими или предписанными правилами, в другое место, как это бывает при нарушении правил хранения и движения документов, их отсутствие в должном месте фиксируется протоколом обыска, и этот источник информации используется как средство установления перемещения объекта.

Признаками маскировки и фальсификации служат: а) обнаружение предметов (сумок, чемоданов, портфелей и т. п.) со специально оборудованными тайниками для скрытой перевозки и перемещения похищенного имущества, ценностей, документов и т. п., б) обнаружение жилых, офисных (служебных) или складских помещений с оборудованными подобными тайниками, в) полностью или частично фальсифицированные документы, якобы удостоверяющие факты легального владения имуществом, ценными бумагами и др., их легального приобретения.

Действия членов следственно-оперативной группы не должны вызывать сомнений в «случайности» обнаружения предмета. К этому моменту психологическое состояние обыскиваемого должно максимально способствовать даче им правдивых показаний относительно как обнаруженного объекта, так и преступной деятельности в целом. Этот комплекс задач может быть решен при правильно организованном взаимодействии оперативного работника и следователя.

Предъявление для опознания является важным следственным действием в плане преодоления противодействия по уголовному делу. Его результаты, как правило, лежат в основе привлечения лица к уголовной ответственности. Посредством его производства удается преодолеть стойкую позицию противодействия расследованию, когда лицо использует ложное алиби или берет всю вину за совершение группового преступления на себя.

Важное значение в целях преодоления противодействия расследованию имеет производство предъявления для опознания по функциональным признакам, преимущественно – по голосу и речи. По

голосовым и индивидуально-речевым особенностям (высота голоса, акцент, диалект, фонетические и словарные особенности и др.) можно прояснить некоторые физические и социально-демографические характеристики предполагаемого преступника (пол говорящего, национальность, образование, профессия и др.).

Учитывая специфику расследования преступления, совершенного организованной преступной группой, следователь при производстве данного процессуального действия должен тактически грамотно формулировать свои вопросы, акцентируя внимание на признаках, по которым было опознано предъявленное лицо и, используя психологический эффект опознания, немедленно задать вопросы о характере действий проходящих по делу лиц и других обстоятельствах дела.

В ходе допроса опознающего человека необходимо сконцентрировать внимание на следующих моментах: а) событиях, которые предшествовали моменту восприятия, б) отличительных признаках объекта, которые запомнил опознающий, в) событиях, которые имели место после восприятия объекта до момента допроса, г) состоянии лица человека в момент опознания, д) способности к запоминанию и воспроизведению ранее виденного и др.

Выяснить запечатленные признаки мысленного образа человека следует с применением следующих тактических приемов: а) постановки конкретизирующих и детализирующих вопросов, б) метода ассоциативных механизмов сознания, в) вопросов, направленных на конкретизацию показаний. г) анализа психологических особенностей собеседника, мотивов его поведения.

При производстве опознания необходимо учитывать возможность преднамеренной маскировки заинтересованным лицом своих опознавательных признаков. Изобличению этой уловки содействует внимательный анализ тактики его поведения.

Анализ следственной практики показывает, что наиболее опытные преступники обычно предвидят предстоящее опознание, в связи с чем, прибыв в место содержания под стражей, «идут» на отдельные уловки: стараются изменить свою внешность для затруднения подбора статистов при проведении данного следственного действия, мотивируя свои действия, например, заботой о чистоплотности; они стригутся наголо, красят волосы и т. п. Во избежание подобных поступков подозреваемых

(обвиняемых) следователь с помощью оперативного работника должен предотвратить попытки изменения внешности, например, направить в оперативную часть следственного изолятора рапорт с просьбой о контроле поведения арестованного в течение определенного времени, за которое он должен провести опознание.

Одним из самых распространенных следственных действий, направленных на получение доказательственной информации, выступает допрос.

Допрос производится как средство использования результатов доказывания противодействия, позволяющих собрать некоторые данные как о самом подозреваемом, так и о его роли, связях и отношениях с другими членами организованной преступной группы.

К тактическим особенностям использования оперативно-розыскной информации при производстве допроса подозреваемого (обвиняемого) относятся: а) доминирование тактических и психологических приемов, связанных с предъявлением доказательств, б) маневрирование вероятностной (оперативной) информацией, в) создание тактического комплекса, включающего доказательства и вероятные оперативные данные по эпизодам обвинения [97, с. 149], г) установление и поддержание психологического контакта между следователем и допрашиваемым.

Оперативно-розыскная информация при допросе обвиняемого необходима для решения основной тактической задачи, связанной с изобличением подозреваемого (обвиняемого) во лжи, в попытках утаить, скрыть или исказить истину. При этом следователю приходится преодолевать такие способы противодействия допросу, как отказ от дачи показаний, утаивание информации, воздействие на субъекта, располагающего значимой информацией.

Успешность допроса подозреваемого (обвиняемого) как члена организованной преступной группы зависит от умелого выбора и эффективности применения психологических и тактических способов и приемов.

Установление ложности информации и ее носителей связано с использованием доказательств для изобличения во лжи лиц, дающих заведомо ложные показания.

В свою очередь эффективность использования тактических приемов во многом зависит от правильного определения и учета конфликтных ситуаций, возникающих в ходе проведения допроса, от личности допрашиваемого и мотивов дачи ложных показаний.

При утаивании информации путем отказа от дачи показаний формой использования доказательств служит их предъявление допрашиваемому.

Предъявляемые доказательства по своему характеру должны свидетельствовать о том, что допрашиваемый действительно располагает информацией, представляющей интерес для следствия.

Использование для этих целей доказательств сводится к их предъявлению в определенном порядке или в определенной ситуации, что составляет содержание такого тактического приема, как предъявление допрашиваемому доказательств в порядке нарастания их силы.

При утаивании информации или ее носителей лицами, причастными к преступлению или осведомленными о нем, такими признаками служат: а) явная неполнота показаний допрашиваемых и стремление всячески уклониться от восполнения показаний, б) несообщение требуемых сведений органу расследования или невыполнение предписываемых действий (несмотря на неоднократное напоминание органа расследования), упорное нежелание выполнить требование следователя может сопровождаться указанием вымышленных причин невозможности их выполнения. в) несообщение органу расследования данных, которые имеют значение для дела, но о существовании которых или об их источнике неизвестно следователю.

С точки зрения психологии допрос обвиняемого (подозреваемого) в конфликтной ситуации является затрудненным общением между его участниками, отражающим противодействие допрашиваемых лиц намерениям следователя установить истину по делу путем получения от них значимой информации.

Для решения тактических задач, связанных с изобличением лжи в процессе допроса, наиболее часто используются такие тактические приемы, как «внезапность», детализация показаний, «создание заполненности», «допущение легенды» и др.

При допросе нескольких подозреваемых по делам о групповых преступлениях целесообразно использовать психологические феномены коммуникативного взаимодействия, разнонаправленные интересы членов группы, соперничество, антагонизм, нарушая тем самым согласованность групповых позиций, а также стремление отдельных членов группы приуменьшить свою роль в совершенном преступлении.

Для преодоления группового противодействия допросу необходимо использовать коммуникативные техники воздействия на подозреваемого (обвиняемого).

Коммуникативное воздействие, как правило, осуществляется неединичным действием, приемом, а их системой, организованной в определенную структуру. Это та часть деятельности следователя, которая предполагает воздействие на психику подозреваемых, влекущее изменения как в ней самой, так и в их деятельности и поведении, которые, в свою очередь, значимы для решения профессиональных задач.

С учетом основных функций коммуникативного воздействия можно выделить следующие три вида коммуникативных техник (приемов) воздействия:

а) когнитивные техники (приемы) изучения и распознавания образа субъекта противодействия (диагностика значимых признаков криминального опыта, рефлексивный анализ деятельности лица, оказывающего противодействие, использование стереотипных характеристик субъекта противодействия и др.);

б) аффективные техники (приемы) (оценка мотивации субъекта противодействия, выявление скрываемого эмоционального состояния подозреваемого, анализ и оценка защитной позиции субъекта противодействия, анализ «Я-концепции» субъекта противодействия (подозреваемого), анализ самооценки субъекта противодействия (подозреваемого);

в) регулятивные техники (приемы) управления субъектом противодействия (управление мотивирующей информацией, побуждающей подозреваемого принимать неадекватные решения, формирование скрытых целей, достижение которых приводит к изобличению допрашиваемого и др.).

Важно выделить некоторые **виды тактических приемов преодоления группового противодействия.**

Остановимся на некоторых из них:

1. Создание у подозреваемого лица ошибочного представления об осведомленности следователя.

Основные условия и правила

При проведении допроса, когда следственная ситуация характеризуется как конфликтная со строгим соперничеством для изменения ложной позиции допрашиваемого, а также получения от него правдивых показаний, использование ориентирующей оперативно-розыскной информации возможно при реализации такого тактического приема, как создание ошибочных представлений об осведомленности следователя.

Важно оказать влияние на сознание допрашиваемого путем передачи определенной доказательственной информации, значимой для допрашиваемого, для снижения сопротивления, что приведет его к самостоятельному принятию решения на основе понимания его важности.

В этих целях важно:

а) демонстрировать знание различных «деталей» личной жизни подозреваемого и других фактов, которые известны следователю,

б) сформировать у подозреваемого образ ситуации бесперспективности оказываемого противодействия,

в) по возможности чаще уличать обвиняемого в сокрытии различного рода фактов, не имеющих существенного значения для дела,

г) демонстрировать знание причин, побудивших к даче ложных показаний.

2. Использование конфликтов и противоречий между участниками организованной преступной группы.

Основные условия и правила

Следует отметить, что весьма полезно использовать конфликты и противоречия между членами организованной преступной группы, между лидером и рядовыми членами преступной группы, между членами противоборствующих группировок прежде всего на почве передела сфер влияния и др.

Если конфликты отсутствуют или они незначительны по своей остроте, то исходя из тактических соображений их можно искусственно создать или углубить, что может в отдельных случаях привести к расколу преступной группы.

В ходе допроса с такой целью необходимо: а) проинформировать обвиняемого (подозреваемого) о ранее неизвестных ему взаимоотношениях между отдельными соучастниками в преступной группе, б) сообщить ему о фактах, свидетельствующих о действиях других членов группы, унижающих достоинство допрашиваемого или близких ему людей, в) ознакомить обвиняемого(подозреваемого) с фактами, которые могут скомпрометировать его в глазах других членов преступной группы, г) проинформировать допрашиваемого о желании других членов преступной группы переложить всю ответственность на него или представить его, скажем, не рядовым членом группы, а организатором или лидером, д) убедить допрашиваемого в отсутствии необходимой нужды в нем для преступной группы, приняв при этом меры, исключаящие какую

бы то ни было поддержку со стороны, е) обобщить и оценить информацию об отдельных конфликтных противоречиях, о которых может знать только виновный вместе с другими членами группы.

В подобных ситуациях допроса, объективно оценив свое положение, обвиняемый (подозреваемый) может начать давать правдивые показания, в особенности о преступной деятельности лидера организованной преступной группы. Подобные допросы тактически целесообразно проводить с участием прежде всего оперативного сотрудника.

3. Выявление конформизма (слабого звена) отдельных членов организованной преступной группы.

Основные условия и правила

Конформным является поведение членов преступных групп, когда они остаются во власти мнений и оценок событий членами преступной группы, будучи изолированными от нее.

Поведение лица, «выпадающего» из привычной среды, для которого меняется ситуация подчинения (смена лидера, распад группы, задержание и т. п.), будет различным. Член группы либо начинает действовать в соответствии со своей личной установкой, либо, глубоко проникнув групповыми интересами и целями, продолжает им соответствовать. Предпочтительно в плане сотрудничества обращаться к членам группы, которым свойственна внешняя конформность.

Чаще всего это второстепенные соучастники преступной деятельности без четко выраженной противоправной позиции, со слабыми волевыми качествами, сравнительно легко поддающиеся внушению со стороны окружающих.

Сведения о наличии в организованной преступной группе таких лиц, как правило, могут содержаться в материалах оперативной разработки. Они отражают результаты оперативно-установленных мероприятий, характеризующих личность субъекта противодействия, межличностные отношения, привязанности, круг предпочтительных ценностей и интересов.

Ее получают в основном из источников, которые, как правило, не расшифровывают.

В этом случае следователю необходимо самому проявлять инициативу для получения от оперативного подразделения подобной информации, а если эта информация есть у следователя, то она может быть использована для нейтрализации сопротивления допрашиваемого в

установлении истины, то есть через «слабости» идет управление его личностью.

4. «Пресечение лжи» со стороны подозреваемых (обвиняемых) как соучастниках группы.

Основные условия и правила

Непосредственное участие оперативного работника будет тактически обоснованным и в том случае, когда во время допроса используется информация, полученная из негласных источников.

Нередко допрашиваемый пытается в ходе допроса спровоцировать следователя на сообщение сведений об источнике информации, в частности о личности лица, сообщившего о нем в правоохранительные органы.

В этом случае существенную помощь может оказать следователю оперативный работник, который по предварительной договоренности прервет повествование допрашиваемого о вымышленных обстоятельствах и напominит об установленных фактах при производстве ОРД. Это зачастую помогает быстро направить ход допроса в нужное русло.

В присутствии оперативного работника допрашиваемому психологически сложнее отказаться от ранее данных им правдивых показаний и обвинить следователя в применении якобы неправомерных методов ведения допроса.

В этом случае использование данной информации может служить для создания у допрашиваемого уже с начала допроса впечатления о принципиальной провальности дачи ложных показаний.

6. Выявление и преодоление мотивов ложных показаний.

Основные условия и правила

Для преодоления мотивации дачи ложных показаний необходимо:

а) разъяснить, что в случае отказа от дачи показаний и дачи ложных показаний недооценивать неприятные последствия для допрашиваемого нецелесообразно,

б) изложить свое видение мер, которые будут предприняты следователем или оперативными работниками для обеспечения безопасности допрашиваемого или членов его семьи,

в) разъяснить, что практика показывает тенденцию существования давления на допрашиваемого со стороны криминального мира в значительной степени интенсивности до того, как даются показания и доказательства по уголовному делу еще не собраны в полном объеме.

г) сконцентрировать внимание допрашиваемого на позиции других лиц, дающих правдивые показания, что психологически будет способствовать разрушению у допрашиваемого установки на осознание себя одиноким.

Таким образом, использование результатов оперативно-розыскной деятельности в процессе производства следственных действий является эффективным средством преодоления криминального противодействия расследованию преступлений, совершенных организованными преступными группами.

Выводы по четвертой главе

1. Определено понятие манипуляции, выделены существенные признаки манипуляций в общении следователя с субъектом противодействия (допрашиваемым).

2. Показано использование техники трансактного анализа в преодолении манипулятивного воздействия, что может способствовать, повышению эффективности расследования преступлений.

3. Дано определение криминальной инсценировки и выделены две группы тактических и психологических приемов деятельности следователя по ее разоблачению.

4. Дано определение и выделены признаки ложного алиби. Предложены тактические и психологические приемы деятельности следователя по разоблачению ложного алиби.

5. Осуществлен анализ использования результатов оперативно-розыскной деятельности в процессе производства следственных действий для преодоления криминального противодействия расследованию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для успешной борьбы с преступностью особую актуальность в современных условиях приобретают раскрытие и расследование организованных преступлений (ложное алиби, преступная инсценировка и др.) в условиях противодействия следствию. С точки зрения совершенствования криминалистической практики важной является задача изучения использования в деятельности следственного и оперативного аппарата правоохранительных органов психологических методов для обнаружения и диагностики криминального противодействия следствию. Вместе с тем исследование психологических аспектов противодействия существенно повышает эффективность проводимых мероприятий практическими работниками правоохранительных органов.

Научное исследование психологических особенностей поведения лиц, способов их воздействия на процесс расследования дает возможность выработать для нужд следственной практики необходимые тактико-психологические приемы преодоления криминального противодействия следствию.

Очевидно, что многие проблемы борьбы с преступностью лежат в сфере оперативно-розыскной, предварительного и судебного следствия. Современный уровень преступных технологий во многом позволяет преступникам быть впереди правоохранительных органов. Определенная концентрация методов и способов противодействия со стороны преступников наблюдается на этапе предварительного расследования.

Как правило, преступник не хочет «быть подлинным», не стремится раскрывать перед следователем свое подлинное участие в подготовке и осуществлении преступления. Страх «открыть свою душу» собеседнику, то есть «быть подлинным», может сопровождаться опасением «сказать чего-нибудь лишнее», «предстать перед другим в невыгодном свете», «стать уязвимым для последующих манипуляций» и т. д. По этой причине в настоящее время следственная практика испытывает острую потребность в новых технологиях преодоления ухищренного противодействия следствию. Скрытое управление, которое раскрывается в монографии, является одной из таких новых психотехник.

В юридической психологии и криминалистической тактике хорошо известны манипулятивные методы деятельности юристов и преступников. Концепция скрытого управления включает в себя принципиально

неограниченное количество способов скрытого, в том числе и манипулятивного воздействия на противодействующие следствию субъекты. В ситуациях противодействия перед следователем всегда стоит выбор: преодолеть внутренние защиты подозреваемых с помощью известных манипулятивных техник, обмануть и тем самым подтолкнуть их к невыгодному для них решению или прибегнуть к методам воздействия на сознание и поведение субъектов, разработанным представителями юридической психологии.

Очевидно, следователь должен защищать право, закон, справедливость и правду, а потому не может прибегать к нечестным или незаконным методам работы с преступниками. Иначе может возникать угроза охраняемым законом ценностям путем распространения этически недопустимых методов расследования и на право послушных граждан и тем самым посягательства на конституционные права неприкосновенности личности, ее собственность, здоровье и саму жизнь.

В настоящее время на первое место в борьбе с преступностью встают проблемы этики и морали в самом широком смысле. Для того, чтобы одерживать верх над представителями криминального мира, сотрудники правоохранительных органов, следователь должны быть лучше технически оснащены и владеть передовыми технологиями преодоления противодействия предварительному расследованию.

Анализ следственной практики позволил сделать вывод, что скрытое управление – это разновидность скрытого информационно-психологического воздействия субъекта расследования, возникающее в конфликтных ситуациях противодействия, включающее различные техники и приемы организованного общения по его преодолению с целью получения доказательственной информации в процессе раскрытия преступления и установления юридической истины.

Скрытое управление (воздействие) направлено на переориентацию отношения проходящего по делу субъекта с негативного на конструктивное, связанное с переходом к сотрудничеству со следствием.

Достигая своей цели, воздействие может приводить к тому, что субъект противодействия добровольно и без принуждения начинает действовать в интересах субъектов расследования. Многие механизмы скрытого управления еще мало изучены, а потому являются предметом дальнейших научных исследований психологов и юристов.

В монографии описываются как традиционные, хорошо известные, так и новые подходы к психологическим аспектам ложного алиби, дано авторское определение психологии ложного алиби, предложены

тактические приемы скрытого управления поведением субъекта алиби в процессе расследования, которые позволяют разоблачать субъекта и устанавливать истину.

Изучены признаки и механизмы манипулятивного воздействия на предварительном следствии, предложены конкретные приемы и способы преодоления манипулятивного противодействия расследованию.

Исследованы психологические особенности криминальной инсценировки, даны рекомендации по ее разоблачению, предложены конкретные тактико-психологические приемы проведения следственных действий при расследовании замаскированных преступлений.

В ходе исследования были расширены представления о современном криминальном противодействии в процессе расследования ухищренных преступлений. В частности, рассмотрены специфические социально-психологические механизмы взаимодействия в условиях маскировки значимой информации в процессе расследования преступлений; психология преступлений, совершенных преступными группами (групповые нормы, традиции, статус каждого участника и его роль в совершенном преступлении, цели и мотивы преступления, взаимоотношения в группе и др.); особенности индивидуальной психологии участников преступной группы, совершающих корыстные и корыстно-насильственные преступления др.

Предлагается в следственной деятельности в процессе расследования квалифицированного преступления использовать приемы коммуникативного воздействия, позволяющие в совокупности с результатами оперативно-розыскной деятельности устанавливать признаки противодействия расследованию, вину каждого из участников группового преступления, а также расследовать и раскрывать преступление.

Авторы убеждены, что современное понимание генезиса криминального противодействия и развитие прикладных направлений психологии позволяет расширить использование диапазона психолого-криминалистических методов скрытого управления субъектами противодействия в процессе расследования уголовного дела.

В образовательных программах подготовки и повышения квалификации следователей необходимо предусматривать формирование ряда личностных качеств и компетенций, позволяющих изучать и оценивать психологические факторы, влияющие на выбор и применение тактических приемов скрытого управления и обеспечение личной безопасности сотрудников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Новик В. Криминалистические аспекты доказывания в процессе уголовного преследования // Уголовное право. 2006. № 4. С. 106–110.
2. Пономаренко О. Н. Оперативно-розыскное обеспечение государственного обвинения как средство преодоления криминального противодействия при расследовании преступлений // Полицейское право. 2007. № 1. С. 182–187.
3. Мельникова О. Т., Хорошилов Д. А. Методологические принципы качественных исследований в психологии // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2013. № 3. С. 5–6.
4. Васильев В. Л. Юридическая психология: учебник для вузов. Москва: Юридическая литература, 1991. 461 с.
5. Дулов А. В. Судебная психология. Минск: Высшая школа, 1975. 362 с.
6. Психология для юристов: учебник / И. И. Аминов, И. Ф. Колонтаевская, И. Б. Лебедев, В. В. Мельник, В. Л. Цветков. Москва: Омега. 2005. 551 с.
7. Антонов В. М., Астахов Ю. С., Кувалдин В. П. Противодействие организованных преступных структур органам внутренних дел и меры по его нейтрализации: лекция. Москва: МИ МВД России, 1995. 46 с.
8. Журавлев С. Ю. Противодействие деятельности по раскрытию и расследованию преступлений и тактика его преодоления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 1992, 18 с.
9. Бушинская М. Г. Криминальное противодействие и пути его преодоления при расследовании мошенничества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2006. 26 с.
10. Шевченко В. М. Тактико-психологические основы преодоления скрытого противодействия следствию. Великий Новгород. 2012. 184 с.
11. Зорин Г. А. Теоретические основы криминалистики. Минск: Амалфея. 2000. 416 с.
12. Замылин Е. И. Тактико-психологические основы допроса в конфликтной ситуации: учебное пособие. Волгоград: Волгоградский юридический ин-т МВД России, 1998. 70 с.
13. Миликова А. В. Некоторые психологические особенности принятия следователем решения о производстве следственных действий //

Вестник Волгоградского гос. университета. Сер. 5. Юриспруденция. 2010. № 1 (12). С. 169–170.

14. Быков В. М. Криминалистическая характеристика преступных групп. Ташкент: ТВШ МВД СССР, 1986. 70 с.

15. Петелин Б. Я. Установление мотива и цели преступления. Москва: Изд-во ВНИИ МВД СССР, 1979. 128 с.

16. Залюбовская Е. В. Преодоление коммуникативных барьеров в условиях совместной деятельности: дис. ... канд. психол. наук. Москва, 1984. 193 с.

17. Хайдуков Н. П. Тактические основы воздействия следователя на участвующих в деле лиц: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1979. 26 с.

18. Мотькина Ю. В. Опережающая рефлексия в контексте изучения потенциала профессионального развития руководителей // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2010. № 2. С. 121–127.

19. Ломов Б. Ф., Сурков Е. Н. Антиципация в структуре деятельности. Москва: Наука, 1980. 279 с.

20. Пономарев И. Б. Психологические аспекты противоборства в конфликтах, провоцируемых обвиняемыми // Пономарев И. Б. Избранные труды: сб. Москва, 2002. С. 38–40.

21. Столяренко А. М. Энциклопедия юридической психологии / под ред. А. М. Столяренко. Москва: Юнити-дана, Закон и право, 2003. 607 с.

22. Беженцев А. А., Шевченко И. А. Безопасность служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел: точка зрения // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 2 (68). С. 68–69.

23. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. 27-е изд., испр. Москва: ОНИКС: Мир и Образование, 2011. 1357 с.

24. Стулин О. Л. Тактические основы преодоления умышленного противодействия расследованию преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 1999. 171 с.

25. Амелина М. А., Невструева Т. Х. Психологическая компетентность и личностные качества следователя в контексте проблемы психологической безопасности // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2015. № 3 (47). С. 72–76.

26. Вопросы организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД

России от 25 декабря 2020 г. // Гарант.ру: Информационно-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/400791288/?ysclid=ls8jddxzw3349419343> (дата обращения: 20.12.2023).

27. Фетискин Н. П. Предпосылки деятельности стрессогенности следователей в условиях интерактивного противодействия участников следственных действий // Ярославский психологический вестник. 2016. Вып. 36. С. 75–80.

28. Осипова А. С. Эмоциональный интеллект как фактор личностной надежности сотрудников правоохранительных органов // Образование. Наука. Научные кадры. 2014. № 6. С. 209–212.

29. Белоусов А. Д. Устойчивость следователя к манипуляции при допросе: научно-практическое пособие. Москва: Проспект, 2023. 46 с.

30. Ганчевски Б. Г., Жамиева Р. М., Зорин Р. Г. Управление конфликтным взаимодействием в уголовном судопроизводстве: криминалистические и психологические аспекты // Библиотека криминалиста: научный журнал. 2013. № 6 (11). С. 289–296.

31. Полстовалов О. В. Криминалистическая конфликтология: современные нравственные и психологические проблемы: монография. Уфа: РИО БашГУ, 2002. 152 с.

32. Глазырин Ф. В. Изучение личности обвиняемого и тактика следственных действий: учеб. пособие. Свердловск: Б. и., 1973. 156 с.

33. Панасюк А. Ю. Как победить в споре или искусство убеждать. Москва: Олимп; Назрань: АСТ, 1998. 301 с.

34. Карагодин В. Н., Балеевских Ф. В. Прогнозирование возможного противодействия как элемент подготовки к допросу // Преступность в Западной Сибири: актуальные проблемы профилактики и расследования преступлений: сб. статей по итогам Всероссийской научно-практ. конф. Тюмень: Тюменский гос. ун-т, 2013. С. 51–56.

35. Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. Москва: Юрлитинформ, 2001. 47 с.

36. Лурия А. Р. Язык и сознание / под ред. Е. Д. Хомской. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. 416 с.

37. Носков В. А. Психотехника общения: учеб. пособие. Нижний Новгород: Нижегородский юридический ин-т МВД России, 1997. 150 с.

38. Бовин Б. Г. Механизмы психологической защиты осужденных с повторной преступностью // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2018. № 4. С. 473–487.

39. Репин А. В. Учет особенностей психологической защиты подозреваемых и обвиняемых, совершивших насильственные преступления, для осуществления рефлексивного управления при проведении допроса // Вестник КемГУ. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 4. С. 92–98.

40. Труш В. М. Особенности влияния механизмов психологической защиты на формирование криминогенной зараженности преступников // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 1–2. С. 229–237.

41. Шаранов Ю. А., Кобозев И. Ю., Гончарова Н. А. Юридическая психология: учебник / под общ.ред. Ю. А. Шаранова. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. 308 с.

42. Бочкарев М. В. Научные и тактические основы использования знаний о нервной системе при допросе подозреваемого и обвиняемого: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. 26 с.

43. Ратинов А. Р., Ефремова Г. Х. Психологическая защита и самооправдание в генезисе преступного поведения // Личность преступника как объект психологического исследования. Москва: Изд-во Всесоюзного ин-та по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1979. С. 44–62.

44. Брызгина Л. Г., Лукьянова О. Д., Хасан Б. И. Экспериментальное исследование готовности к взаимодействию в условиях расследования // Проблемы психологии следственной деятельности. Красноярск, 1986. С. 69–70.

45. Еникеев М. И. Психология коммуникативной деятельности следователя // Юридическая психология. 2009. № 4. С. 3–4.

46. Шевченко В. М. Организационно-психологические основы преодоления криминального противодействия следствию: монография. Великий Новгород: Санкт-Петербургский ин-т управления и права. Новгородский филиал, 2016. 180 с.

47. Стоиков И. Д. Анализ защитных проявлений личности: дис. ... канд. психол. наук. Москва, 1986. 160 с.

48. Психологический словарь / под ред. В. П. Зинченко и Б. Г. Мещерякова. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: АСТ: Астрель: Транзиткнига, 2004. 479 с.

49. Антонян Ю. М., Еникеев М. И., Эминов В. Е. Психология преступника и расследования преступлений. Москва: Юрист, 1996. 335 с.

50. Пушков В. Г. Психология противодействия расследованию преступлений // Наука и кооперация: проблемы и пути развития: сб. трудов международной научно-практической конференции, Белгород, 12–14 апреля 2011 г. Белгород: Белгородский университет кооперации, экономики и права, 2011. С. 336–341.

51. Жмуров Д. В. Криминальное алиби, как механизм психологической защиты личности преступника // Научный журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 6, № 4. DOI: 10.17150/2411-6262.2015.6(4).17

52. Богинский В. Е. Система тактических приемов допроса подозреваемого: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1980. 225 с.

53. Филонов Л. Б. Психологические способы выявления скрываемого обстоятельства. Москва: Изд-во МГУ, с. 42–43. 99 с.

54. Петелин Б. Я. Установление субъективной стороны преступления в процессе расследования: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Москва, 1992. 436 с.

55. Замылин Е. И. Психологическое воздействие и специфика его применения в условиях активного противодействия расследованию преступлений // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2008. № 2 (7). С. 48–52.

56. Грачев Ю. А., Кежов А. А. Технология профайлинга в контексте совершенствования борьбы с преступностью // Актуальные проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности: сб. материалов конференции. Санкт-Петербург, 2019. С. 70–73.

57. Кудин В. А., Статный В. М. Профайлинг в деятельности органов внутренних дел: от теории и методологии к практике // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 3 (59). С. 4–15.

58. Ениколопов С. Н., Ли Н. А. Психологические особенности криминального профайлинга // Психологическая наука и образование. 2007. № 5. С. 295–299.

59. Соколова О. А. Некоторые возможности применения профайлинга при диагностировании человека в профилактике, раскрытии и расследовании преступлений // Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: сб. материалов второй Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 29–30 ноября 2012 г. Москва: ООО «Мастер», 2012. С. 93–100.

60. Закатов А. А., Цветков С. И. Тактика допроса при расследовании преступлений, совершенных организованными преступными группами. Москва: МЦ при ГУК МВД РФ, 1998. 35 с.
61. Быков В. М. Проблемы расследования групповых преступлений: дис. ... докт. юрид. наук. Москва, 1992, С. 114–116. 354 с.
62. Воронин С. Э., Байыр-оол Е. В. Личность организатора преступного сообщества и ее криминалистическое значение. Красноярск: НОУ ВПО СИБУП, 2014. 166 с.
63. Космодемьянская Е. Е. Психологические особенности групп отрицательной направленности и их лидеров и возможности использования знаний о них в профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов // Вестник Сибирского юридического ин-та. 2016. № 1 (22). С. 49–57.
64. Стуколова Л. С., Багаутдинова Р. Р. Психологический портрет лидера организованной преступной группы // Научно-практический электронный журнал «Аллея Науки», № 6 (22), 2018. С. 541–543.
65. Трухачев В. В. Криминалистический анализ сокрытия преступной деятельности. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2000. 219 с.
66. Торбин Ю. Г. Противодействие процессу доказывания: методы и средства его нейтрализации. Лекция. Москва: Всероссийский госуниверситет юстиции (РГА Минюста России), 2016. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
67. Трухачев В. В. Правовые и криминалистические средства предупреждения, выявления и нейтрализации преступного воздействия на доказательственную информацию: дис. ... докт. юрид. наук. Воронеж, 2001. 477 с.
68. Грачев Г. В., Мельник И. К. Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия / РАН. Ин-т философии. Москва: ИФ РАН, 1999. 230 с.
69. Большая советская энциклопедия. Т. 15. Москва: Изд-во «Советская энциклопедия», 1974. 632 с.
70. Кабаченко Т. С. Методы психологического воздействия. Москва: Педагогическое общество России, 2000. 539 с.
71. Сидоренко Е. В. Тренинг влияния и противостояния влиянию. Санкт-Петербург: Речь, 2004. 256 с.

72. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. Москва: ЧеРо, 1997. 344 с.
73. Гришина Н. В. Психология конфликта. Санкт-Петербург: Питер, 2005. 464 с.
74. Карагодин В. Н. Манипуляции в теории и практике предварительного расследования. // Психология правоохранительной деятельности. № 4. 2019. С. 3–7.
75. Основы борьбы с организованной преступностью: монография / под ред. В. С. Овчинского, В. Е. Эминова, Н. П. Яблокова. Москва: ИНФРА-М, 1996. 397 с.
76. Сапожников А. И., Шевченко В. М. Ухищренное поведение подозреваемых (обвиняемых) как разновидность противодействия расследованию // Российский следователь. 2008. № 2. С. 36–39.
77. Зорин Г. А. Криминалистическая методология. Минск: Амалфея. 2000. 549 с.
78. Гармаев Ю. П. Пределы прав и полномочий адвоката в уголовном судопроизводстве и типичные правонарушения. Иркутск: ИПКПР ГП РФ, 2005. 395 с.
79. Ковалиерис А. Пути повышения эффективности допроса подозреваемого и обвиняемого // Совершенствование методов борьбы с преступностью. Рига, 1984. С. 93.
80. Сибилькова А. В. Актуализация методов трансактного анализа при подготовке специалистов в области расследования преступлений // Психология и педагогика служебной деятельности. № 1. 2022. С. 73–76.
81. Сибилькова А. В. Психологические аспекты тактики допроса в парадигме развития криминалистики // Труды Академии управления МВД России, 2022. №1 (61). С. 105–106.
82. Еникеев М. И. Черных Э. А. Психология осмотра места происшествия: практикум по психологии (общ. юрид.): учеб. пособие. Москва: ВЮЗИ, 1987 95 с.
83. Миронова Е. А., Образцов В. А. Криминальная инсценировка как элемент противодействия установлению истины в уголовном судопроизводстве // Всеобщая декларация прав человека: теория и практика в российской правовой системе: сборник статей по материалам Общероссийской конференции, посвященной годовщине подписания Всеобщей декларации прав человека ООН, Москва, 10 октября 2019 г. Москва: Дашков и К, 2020. С. 238–242.

84. Шевченко В. М. Психологический анализ маскировочной деятельности правонарушителя в процессе раскрытия и расследования преступлений. Ростов-на-Дону: РЮИ, 1999. 173 с.

85. Осипян Р. Ш. Криминалистические аспекты преодоления противодействия расследованию преступлений как составная часть следственной деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2009. 204 с.

86. Фадеев В. И. Расследование инсценировок преступных событий: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 1998. 23 с.

87. Шевченко В. М. Психология инсценировки как способа сокрытия преступления: автореф. ... канд. псих. наук. Москва, 1993. 33 с.

88. Андреев А. С. Ложное алиби и криминалистические методы его разоблачения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону. 2001. 22 с.

89. Кручинина Н. В. Психологические аспекты ложного алиби. Методические указания Иркутск: Иркутский гос. ун-т, 1987. 38 с.

90. Прикладная юридическая психология / под ред. А. М. Столяренко. Москва: 2001. 639 с.

91. Солодовник В. В., Лебедев А. Н. Деятельность по реализации ложного алиби как способ противодействия расследованию преступлений // Белгородские криминалистические чтения: сборник научных трудов. Белгород: Белгородский юридический ин-т МВД РФ, 2019. С. 189–193.

92. Алексиев О. Н. Особенности и признаки обоснования, выдвижения ложного алиби по делам о преступлениях против жизни и здоровья // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2008. № 6 (43). С. 123–127.

93. Солодовник В. В. Признаки ложного алиби // Актуальные вопросы предварительного расследования на современном этапе: материалы Всероссийской науч.-практич. конференции, Санкт-Петербург, 24 ноября 2016 г. Санкт-Петербург, 2017. С. 149–153.

94. Карпов А. В. Рефлексивность как психическое свойство и методика ее диагностики // Психологический журнал. 2003. Том 24, № 5. С. 45–57.

95. Зажицкий В. И. Результаты оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве: теория и практика. Санкт-Петербург: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2006. 446 с.

96. Горяинов К. К., Кваша Ю. Ф., Сурков К. В. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: комментарий. Москва: Новый юрист, 1997. 570 с.

97. Гаскаров И. Ф. Тактико-криминалистические особенности использования результатов оперативно-розыскной деятельности в расследовании преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград. 2005. 204 с.

Сведения об авторах

**Шевченко Владимир
Михайлович**

кандидат психологических наук,
доцент, доцент кафедры
правоохранительной деятельности,
уголовного права и процесса,
НовГУ имени Ярослава Мудрого
SPIN-код: 8365-4629

**Шаранов Юрий
Александрович**

доктор психологических наук,
профессор, профессор кафедры
юридической психологии,
Санкт-Петербургский университет
МВД России,
заслуженный работник высшей школы
SPIN-код 4969-9673

Сведения о рецензентах

**Ситников Валерий
Леонидович**

доктор психологических наук,
профессор, профессор кафедры
юридической психологии,
Санкт-Петербургский университет
МВД России

**Калпинская Ольга
Евгеньевна**

кандидат юридических наук, доцент,
проректор по молодежной политике,
заведующий кафедрой
правоохранительной деятельности,
уголовного права и процесса,
НовГУ имени Ярослава Мудрого

Научное издание

**Шевченко Владимир Михайлович
Шаранов Юрий Александрович**

**ПСИХОЛОГИЯ СКРЫТОГО УПРАВЛЕНИЯ
В ХОДЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ
КРИМИНАЛЬНОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ**

Монография

Редактор *В. О. Шипулин*
Компьютерная верстка *И. В. Люля*

Подписано в печать 15.03.2024. Бумага офсетная. Формат 60×84 1/16.

Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 9,3. Уч.-изд. л. 10,0. Тираж 500 экз. Заказ № 15032024.

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого.

173003, Великий Новгород, ул. Б. Санкт-Петербургская, 41.

Отпечатано: ИП Копыльцов П. И.,

394052, Воронежская область, г. Воронеж, ул. Маршала Неделина, д. 27, кв. 56.

Тел.: 89507656959. E-mail: Kopyltsow_Pavel@mail.ru